ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ ИГР
обозначенного здесь срока

		131		
		В15-	П	

Тип. ФБТ з.85 т.1 млн. 1990 г.

Петръ Великій

М-ое К-ое Т-во Образованіе

К. Валишевскій.

Петръ Великій.

По новымъ документамъ.

Со многими рисунками и портретами.

СЪ ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНІЯ.

Редакція журнала
„Морской сборникъ"
5721

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ".

Центральная воен.-мор. библіотека
573068

МОСКВА.— 1908.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Послѣднее время въ исторической литературѣ замѣтенъ особый интересъ къ девятнадцатому вѣку; это и понятно—ближайшее къ намъ время больше всего насъ и интересуетъ. Однако этимъ не исключается такое любопытное столѣтіе, какъ восемнадцатое. Въ нашемъ представленіи съ этимъ вѣкомъ сливается громадная фигура Петра Великаго. Однако, что̀ мы знаемъ объ этомъ великанѣ? Мы еще не дождались лучшей его характеристики историка Ключевскаго[1]); извѣстный трудъ Брикнера едва появился въ свѣтъ, какъ тотчасъ сталъ библіографическою рѣдкостью. Да этотъ трудъ не миновалъ «духа времени», который допускалъ лишь славословить и молчать о «грѣхахъ и темныхъ дѣяніяхъ». Между тѣмъ эпоха Петра интересна столько же славными трудами, сколько изобилуетъ темными дѣяніями.

Здѣсь нужно прежде всего перечислить эти послѣднія. Затѣмъ еще важнѣе выяснить причины, породившія такія ужасныя событія, какъ розыскъ о стрѣльцахъ, небывалыя ихъ казни, наконецъ, преданіе смерти даже собственнаго царскаго сына, царевича Алексѣя Петровича.

Историкъ долженъ выяснить, на чей счетъ надо занести всѣ тѣ звѣрства и жестокости, что̀ надо приписать «духу времени» и что̀ объяснить характеромъ преобразователя. Время было исключительное, оно требовало исключительныхъ мѣръ, но требовалось очень многое, чтобы родился такой, въ сущности-то своей нелѣпый, слухъ, что въ лицѣ царя явился самъ антихристъ. Для того, чтобы въ умахъ массы создалось подобное представленіе, недостаточно одного «духа времени», здѣсь, на нашъ взглядъ, играло не маловажную роль непосредственное впечатлѣніе, которое производило въ народѣ какъ сама личность Петра, такъ

[1]) Третій томъ *Курса русской исторіи* доведенъ только до Петра.

и его дѣянія. Словомъ, передъ историкомъ стоитъ во всей своей важности вопросъ, кто же былъ Петръ? Былъ ли онъ геніальный человѣкъ или это былъ самодуръ и извергъ?

Печатаемый здѣсь трудъ Валишевскаго — болѣе всего и занимается этимъ вопросомъ; являясь лучшею его монографіею, онъ наиболѣе ярко и живо рисуетъ намъ бурю начала XVIII в. Печатая свой трудъ «за предѣлами досягаемости» цензуры, Валишевскому не приходилось умалчивать изъ принужденія и онъ могъ говорить о вещахъ открыто.

Если мы къ этому прибавимъ, что Валишевскій рѣдкій стилистъ и обладаетъ огромной эрудиціей, то мы вполнѣ представимъ, насколько цѣнно печатаемое сочиненіе, ни разу не появлявшееся въ Россіи и почти неизвѣстное внѣ сферы спеціалистовъ.

Чтобы представить эпоху Петра наиболѣе полно, мы снабдили настоящій выпускъ многими историческими и бытовыми картинами и рисунками, сдѣланными съ рѣдчайшихъ и лучшихъ подлинниковъ.

Г. Балицкій.

Конный жилецъ.

ГЛАВА I.

Кремль и нѣмецкая слобода.

Петръ Алексѣевичъ родился 30 мая 1672 года — въ лѣто 7180, согласно календарю, принятому тогда въ странѣ. Двумя съ половиною годами раньше старый Московскій Кремль былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища: собравшись изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, выбранныя изъ самыхъ различныхъ слоевъ, знати и народа, дворцовъ, хижинъ и даже монастырей, молодыя дѣвушки числомъ до нѣсколькихъ дюжинъ, набранныя среди самыхъ красивыхъ, какихъ только можно было найти, явились въ царскій дворецъ, въ назначенный царемъ день; тамъ, размѣстившись случайно и какъ попало въ шести комнатахъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе, онѣ проводили жизнь, обычную для жизни московскихъ женщинъ того времени, затворническую жизнь восточныхъ женщинъ, жизнь праздную и однообразную, развлекаясь лишь нѣкоторыми рукодѣліями, веселяя себя лишь нѣкоторыми пѣснями; онѣ мечтали, томились, вздыхали, зѣвали подъ безконечные разсказы чудесныхъ и безсмысленныхъ сказокъ; затѣмъ наступалъ вечеръ и о! тогда онѣ

быстро забывали длинные часы муки, тоски и нетерпѣливаго ожиданія, и бѣжали вприпрыжку, возбужденныя, трепетныя, чрезвычайно потрясенныя необыкновеннымъ происшествіемъ, въ лихорадкѣ, подавляемой каждый разъ нѣсколькими минутами сладкаго испуга, тоски и надежды. На порогѣ, ведущемъ въ общую комнату, обращенную съ наступленіемъ ночи въ спальню, появлялись мужчины; двое изъ нихъ проходили вдоль тѣсныхъ кроватей, занятыхъ спящими красавицами, разсматривая ихъ на свободѣ, обмѣниваясь многозначительными взглядами и жестами, одинъ изъ этихъ людей былъ царь Алексѣй Михайловичъ, да, самъ царь, сопровождаемый своимъ врачемъ и ищущій между этими незнакомками супругу по своему выбору, «жену, способную стать утѣхою своему господину», по принятому выраженію, такую, которую, будь она дочерью послѣдняго изъ его слугъ, онъ завтра бы сдѣлалъ сначала великою княгинею, а потомъ царицею Всея Руси.

Обычай этотъ пережилъ уже два вѣка, перешедшій изъ Византіи подъ вліяніемъ высшей политики и отчасти даже по необходимости. Иванъ Васильевичъ (Великій—1435-1505) напрасно искалъ невѣсту для своего сына среди иностранныхъ принцессъ. У датскаго короля, у маркграфа Бранденбургскаго онъ получилъ унизительный отказъ. Но онъ не хотѣлъ больше родства съ русскими князьями, своими сосѣдями и соперниками. Онъ созвалъ въ Москву 1500 молодыхъ дѣвушекъ: если не самой знатной, то самой красивой была назначена великокняжеская корона. Сто лѣтъ спустя царь Михаилъ Федоровичъ, возобновивъ попытку съ женитьбой за границей, имѣлъ не больше успѣха: Датскій король дошелъ до отказа принять царскихъ пословъ. Съ тѣхъ поръ обычай былъ установленъ окончательно. Придворные бояре и боярыни получили порученіе осматривать по прибытіи въ Москву молодыхъ дѣвушекъ, отвѣтившихъ на вызовъ. Строгій и подробный осмотръ, отъ котораго не ускользали самые сокровенныя части тѣла. Такимъ образомъ получалось послѣ ряда отборовъ, что царю представлялся уже поистинѣ царскій кусокъ.

Однако получилось, что обычай сохранялся только для формы, и это было въ особенности въ случаѣ 1670 года. Спящія красавицы на этотъ разъ напрасно предавались воображенію и ночному кокетству. Выборъ царя былъ сдѣланъ еще до ихъ прибытія. Царю Алексѣю Михайловичу было 38 лѣтъ въ 1667 году послѣ смерти его первой жены, нѣкоей Милославской, которая принесла ему пять сыновей и восемь дочерей. Трое изъ этихъ

Петръ Великій.

Съ гравюры Хубракена; исполнена съ портрета, писаннаго съ натуры въ 1717 году.

Худож. фототипія К. А. Фишера.

сыновей умерли; оставшіеся въ живыхъ Ѳедоръ и Иванъ были болѣзненные; естественно царь долженъ былъ позаботиться о новой женитьбѣ. Онъ и озаботился объ этомъ рѣшительнымъ образомъ, замѣтивши въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева красивую брюнетку, которую онъ принялъ сначала за дочь своего любимаго совѣтчика. Это была только воспитанница, Наталья Кирилловна Нарышкина, порученная своимъ отцомъ, бѣднымъ и неизвѣстнымъ дворяниномъ изъ провинціи, попеченію богатаго и могущественнаго боярина. Появленіе прелестной Наталіи передъ ослѣпленными очами царя не могло случиться въ истинно московскомъ домѣ, соблюдающемъ мѣстные обычаи. Молодая дѣвушка тамъ оставалась невидимою за непроницаемыми дверями терема.

Но домъ Матвѣева освободился отъ общаго обычая; Артамонъ былъ женатъ на иностранкѣ: нѣкоей Гамильтонъ. Поразивши крутыя Якобинскія фамиліи, революціонная буря разбросала тогда нѣкоторые отпрыски даже въ негостепріимныя пустыни далекой и варварской страны. Алексѣй оказалъ хорошій пріемъ этимъ иностранцамъ и Матвѣевъ обязанъ былъ отчасти своимъ благорасположеніемъ союзу съ однимъ изъ нихъ. Оттуда онъ почерпнулъ и нѣкоторую культуру; онъ много читалъ, имѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ и маленькую химическую лабораторію. Наталія занимала мѣсто за столомъ вмѣстѣ со своими пріемными родителями, иногда даже вмѣстѣ съ ихъ гостями. Алексѣй началъ съ того, что объявилъ, что онъ занятъ отысканіемъ ей мужа, «который не гнался бы за приданымъ», потомъ быстро рѣшился и открылся. Артамонъ Сергѣевичъ былъ больше испуганъ, чѣмъ обрадованъ. Его положеніе любимца уже создало ему достаточно враговъ. Онъ выдвинулся въ первые ряды изъ фамиліи столь же мало извѣстной, какъ и Нарышкины, онъ соединялъ въ себѣ управленіе многочисленными отдѣлами: иностранныхъ дѣлъ, монетнымъ, министерствомъ двора, командованіемъ стрѣльцами, управленіемъ Малороссіей, Казанью и Астраханью.

Онъ просилъ по крайней мѣрѣ соблюсти формальности. Наталія должна была появиться въ аппартаментахъ Кремля. Всѣ обряды были соблюдены тщательнѣйшимъ образомъ; дядя одной прекрасной претендентки даже остался недоволенъ рѣшеніемъ царя за примѣненіе неправильныхъ пріемовъ по отношенію къ его племянницѣ; онъ былъ допрошенъ обычно и съ пристрастіемъ съ примѣненіемъ кнута, дыбы и огня.

Свадьба была 22 января 1671 года, а 30 мая 1672 года Наталья Кирилловна произвела на свѣтъ сына. Въ этотъ же день Людовикъ XIV представилъ Буало содержаніе знаменитаго письма, видя, что его армія перешла Рейнъ подъ начальствомъ Конде и Тюренна; въ тотъ же день также на другомъ концѣ Европы турецкая армія перешла Днѣстръ, чтобы соединиться съ арміей великаго короля, черезъ большое пространство, и отобрать обратно государство. Ни тому, ни другому изъ этихъ двухъ событій не предали большого значенія въ Москвѣ среди ликованій, вызванныхъ появленіемъ на свѣтъ царевича. Жизнь тамъ оставалась мало доступной крупнымъ происшествіямъ европейской политики, придушенной и темной. Темнымъ и спорнымъ является до сего еще дня мѣсто рожденія величайшаго человѣка, какого когда-нибудь знала Россія. Московскій Кремль? Сосѣднее село Коломенское, переименованное въ русскій Вполеемъ? Можетъ быть Измайлово? Ни одного вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства.

Сомнѣнія идутъ еще далѣе. Физически и умственно Петръ не имѣлъ ничего общаго съ своими старшими братьями и сестрами, совершенно тщедушными и слабыми, какъ Ѳедоръ и Иванъ, носящими въ своихъ жилахъ дурную кровь, какъ сама прекрасная Софія. Уже подорванный самъ болѣзнью, предчувствуя свой близкій конецъ, могъ ли дать Алексѣй своему сыну эту фигуру гиганта, эту желѣзную мускулатуру, этотъ избытокъ силъ? Кто же тогда? Нѣмецъ-хирургъ, подмѣнившій своимъ мальчикомъ дѣвочку, истинный плодъ первыхъ родовъ Наталіи? Паредворецъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, изъ низкаго рода, внезапно возвысившійся посредствомъ женитьбы царя Михаила Романова на прелестной Евдокіи? Однажды подъ вліяніемъ винныхъ паровъ Петръ, говорятъ, пытался разобраться въ этихъ потемкахъ. «Этотъ вотъ, вскричалъ онъ, указывая на одного изъ своихъ собутыльниковъ, Ивана Мусина-Пушкина, знаетъ по крайней мѣрѣ, что онъ сынъ *моего* отца. Но отъ кого же я самъ? Ужъ не отъ тебя ли, Тихонъ Стрѣшневъ? Ну! Говори, не бойся! Говори, не то задушу...» — «Батюшка, смилуйся! Я не знаю, что тебѣ сказать... Я былъ не одинъ»...

Смерть Алексѣя (1674 г.) знаменуетъ начало смутнаго періода, въ который проявилась деспотическая власть Петра, бурная и кровожадная, какою она была. Судьба будущаго реформатора обозначилась тутъ опредѣленнымъ образомъ. Онъ становится здѣсь съ первыхъ дней героемъ драмы, даже главнымъ,

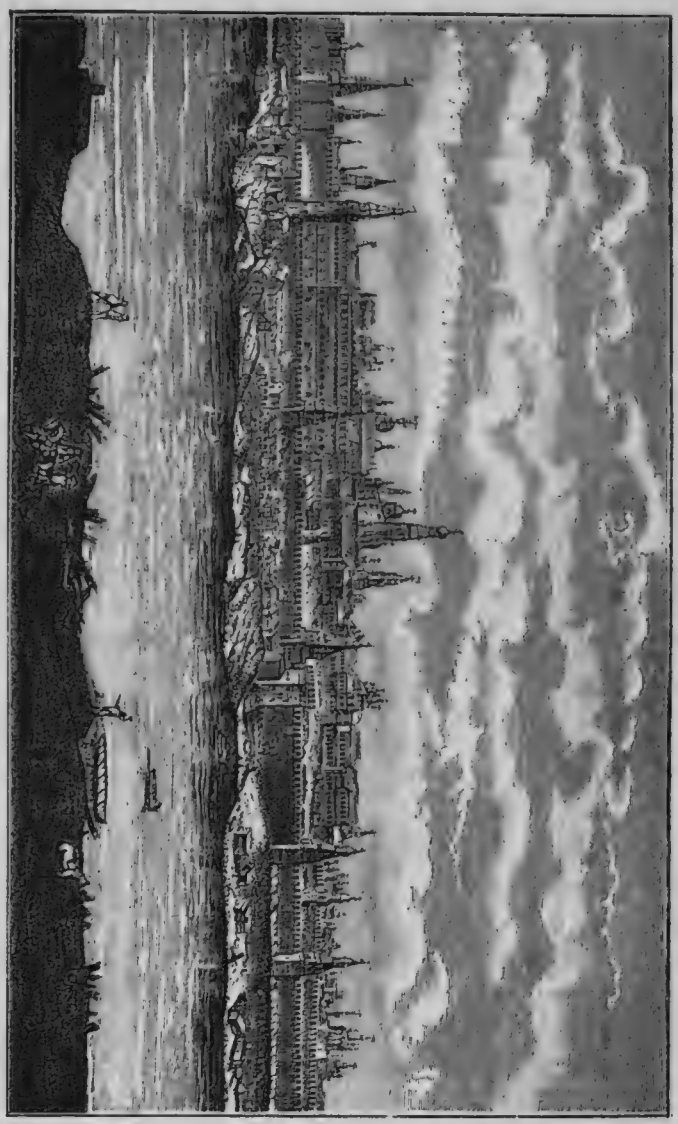
естественнымъ путемъ приведеннымъ на сторону оппозиціи. Возлѣ не успѣвшаго еще остынуть тѣла ихъ общаго господина возгорѣлась ожесточенная борьба между двумя фамиліями, которыя были извлечены изъ ничтожества двумя женитьбами покойнаго царя.

Предполагаютъ, что потомъ Нарышкины открыли свое происхожденіе по одной картинѣ, относящейся къ ядру одной чешской фамиліи Нарисци, владѣвшей княжествомъ Эгра; татаринъ Нарышъ, найденный историкомъ Мюллеромъ въ свитѣ князя Ивана Васильевича (1463), кажется болѣе достовѣрнымъ. Милославскіе образовали московскую отрасль древней литовской фамиліи, Корсаковыхъ, которая существуетъ въ Польшѣ; оттиснутые съ своего мѣста и отъ своего вліянія новыми пришельцами, они чувствовали себя вдвойнѣ оскорбленными и униженными. Отецъ Наталіи, Кириллъ Полуэктовичъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался самымъ богатымъ вельможей въ странѣ, придворнымъ совѣтчикомъ (думнымъ дворяниномъ) и крупнымъ государственнымъ чиновникомъ (окольничимъ). Колокола, звонившіе при похоронахъ Алексѣя, трезвонили въ уши его противниковъ о часѣ возмездія.

Милославскій противъ Нарышкина! въ продолженіе тринадцати лѣтъ потомъ этотъ воинственный крикъ направляетъ судьбы Россіи, бросаетъ ихъ въ кровавыя схватки партій, спорящихъ за власть. Побѣжденный въ первой стычкѣ, Матвѣевъ, пріемный отецъ Наталіи, открываетъ рядъ жертвъ; онъ былъ посаженъ въ темницу, подвергнутъ пыткѣ, сосланъ въ Пустозерскъ, въ Сибирь, гдѣ онъ рисковалъ умереть съ голода. Одно время возникалъ вопросъ заточить Наталію въ монастырь; но удовольствовались ссылкою матери и сына въ Преображенское, сосѣднее съ Москвой село, гдѣ Алексѣй выстроилъ себѣ дворецъ. Такимъ образомъ Петръ покинулъ Кремль. Онъ возвратился въ него только на короткое время, чтобы подвергнуться тамъ самымъ жестокимъ испытаніямъ и самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, присутствовать при рѣзнѣ своихъ близкихъ, при униженіи государевой власти, низведенной до подонковъ, при собственномъ паденіи. Онъ затаилъ тогда непримиримую ненависть къ мрачному дворцу. Даже уже побѣдителемъ и всемогущимъ властелиномъ онъ старается повернуться къ нему спиной. И этотъ разрывъ остается символомъ его жизни и его дѣятельности.

II.

Настоящій Кремль, во множествѣ загроможденный случайнымъ собраніемъ различныхъ, большею частію безъ стиля, построекъ,



Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной гравюры Виккланда.

даже не характерныхъ, можетъ дать только несовершенное понятіе о зрѣлищѣ, какое должно было представлять въ концѣ семнадцатаго столѣтія жилище Алексѣя Михайловича. Пожары

1701 и 1737 годовъ, перестройки 1752 года оставили только остатки страннаго итальянскаго Ренесанса, введеннаго туда въ концѣ XV столѣтія дочерью одного изъ Палеологовъ, воспитанною въ Римѣ; отпечатки генія Фіоравенти, Солари, Алевиза борются съ византійскими традиціями; нѣсколько церквей, нѣсколько шпицевъ дворца и наружной ограды, которые дѣлаютъ его похожимъ скорѣе на укрѣпленный лагерь, чѣмъ на княжеское жилище, съ широко открытыми площадями невысокихъ укрѣпленій и ихъ кирпичныхъ башенъ, вздымающихъ мѣстами свои тонкіе силуэты, а также и часовые на посту. Внѣ этого на Красной площади, церковь Василія Блаженнаго одна только сильно вызываетъ представленіе о минувшемъ прошломъ.

Это было, безъ сомнѣнія, такое же смѣшеніе архитектуръ, своенравно ставившее рядомъ германскую готику съ Индіей, Византію съ Италіей, та же путаница строеній, насаженныхъ одно на другое на подобіе китайской головоломки, наконецъ, та же смѣсь орнаментовъ, формъ, цвѣтовъ, странная, безумная, можно подумать явившаяся плодомъ лихорадочнаго бреда, не переносящаго нехаотическаго идеала. Тѣсныя комнаты, низкіе своды, темные коридоры, мерцаніе лампъ въ темнотѣ, темное сверканіе охры и киновари на стѣнахъ; желѣзныя рѣшетки во всѣхъ окнахъ, вооруженные люди у всѣхъ дверей; всюду копошащіеся, биткомъ набитые солдаты и монахи. Дворецъ прилегаетъ къ церкви и монастырю, и съ трудомъ отличимъ отъ нихъ. Царь на своемъ тронѣ похожъ на сосѣднія мощи святого въ ракѣ. Съ одного конца до другого этого страннаго нагроможденія свѣтскихъ и духовныхъ построекъ, домовъ, соборовъ и монастырей, уменьшенныхъ, придавленныхъ толщиною стѣнъ, съ грубой штукатуркой Востока, съ тяжелымъ воздухомъ внутри ихъ, переливался шумъ, отвѣчавшій всему этому и сливавшійся въ одну неопредѣленную гармонію: пѣснопѣнія священниковъ, находившихся въ церквахъ, пѣсни женщинъ, заключенныхъ въ теремахъ; иногда лишь крикъ выдается сильнѣе: это или эхо тайной оргіи въ какомъ-нибудь углу дворца, или крикъ болѣе пронзительный: вопли какого-нибудь заключеннаго, пытаемаго въ одномъ изъ казематовъ; но обычно здѣсь царитъ молчаніе, говорятъ тихимъ шопотомъ, ходятъ на цыпочкахъ, ощупью; каждый боится другого; это внутренность склепа, гарема, тюрьмы.

Такимъ образомъ Кремль является не только жилищемъ царя,—вся Россія здѣсь концентрируется и собирается; Россія странная, состарѣвшаяся уже около десяти вѣковъ, и въ то же время

молодая; съ нею, за нею длинное историческое прошлое, и передъ нею начало новой исторіи; Россія, отдѣлившаяся отъ народовъ Европы, презираемая ими и однако имѣющая въ своихъ жилахъ самую чистую европейскую кровь, въ своихъ лѣтописяхъ европейскія традиціи, союзы, родство и даже общія судьбы, какъ удачи и разочарованія, такъ побѣды и пораженія. Въ промежуткѣ отъ девятаго до десятаго вѣка, въ то время, когда первые короли Франціи Карлъ Великій и Людовикъ Святой съ трудомъ боролись за охрану своихъ сокровищъ отъ набѣговъ норманновъ, другіе *цари моря* стали ногою на берегъ Балтики. Тамъ норманнъ Грольфъ вырвалъ у Карла Простого побережье, названное именемъ его народа, здѣсь на необъятной равнинѣ, простирающейся отъ Балтійскаго до Чернаго моря среди рѣдкихъ финскихъ и славянскихъ племенъ, населяющихъ эти пустыни, норманнъ Рюрикъ и его сотоварищи основываютъ имперію. Полтора вѣка спустя на трехъ концахъ Европы, три другіе вождя, три героя укрѣпляютъ владычество той же націи, одинаково побѣдоносно и славно: въ Италіи домъ Готвилей возвышается подъ предводительствомъ Роберта Гискара; Вильгельмъ высаживается въ Англіи и Ярославъ правитъ Россіей.

Эта Россія совсѣмъ не та, что въ Москвѣ. Москва еще не существуетъ. Столица Ярослава — въ Кіевѣ, совершенно отличающемся и совершенно иначе относящемся къ сосѣднему востоку. Въ Кіевѣ преемники Рюрика поддерживаютъ безпрерывныя отношенія съ Греціей, Италіей, Польшей, Германіей. Византія поставляетъ имъ монаховъ, ученыхъ и высшее духовенство; Италія и Германія—архитекторовъ, художниковъ, купцовъ и основы римскаго права. Около 1000 года Владиміръ, «Красное Солнышко» былинъ, издалъ законъ для своихъ вельможъ съ требованіемъ посылать ихъ дѣтей въ школы, учрежденныя имъ при церквахъ. Онъ соорудилъ дороги, положилъ въ церквахъ образцы мѣръ и вѣсовъ.

Его сынъ Ярославъ (1015 — 1054) создалъ монету, устроилъ дворцы, украсилъ площади столицы греческими и латинскими статуями, и издалъ сводъ законовъ. Пять таблицъ, сохранившихся въ Ватиканѣ подъ именемъ *Каппоніевской* коллекціи, представляютъ намъ достовѣрное доказательство и курьезный образецъ русскаго искусства такимъ, какъ оно процвѣтало въ Кіевѣ въ XII вѣкѣ. Напримѣръ, ученое сочиненіе нѣкоего Андрея Рико ди Кандіа, нисколько не уступающее лучшимъ произведеніямъ первѣйшихъ итальянцевъ. И эти первые опыты

культуры не единственные въ Кіевѣ; въ 1170 году въ Смоленскѣ *князь* Романъ Ростиславичъ занимается наукою, отдается библіотекѣ, основываетъ школы и семинаріи, гдѣ изучаютъ классическіе языки. Изъ конца въ конецъ огромной имперіи, которая намѣчается тамъ, между Дономъ и Карпатами, между Волгой и Двиной, процвѣтаетъ дѣятельная торговля съ западомъ, югомъ, и сѣверомъ Европы. Новгородъ владѣетъ Балтикой; въ Кіевѣ пестрыя толпа нормандскихъ, славянскихъ, венгерскихъ, венеціанскихъ, генуэзскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ и еврейскихъ купцовъ наполняетъ улицы, ведетъ торговлю всевозможными продуктами. Въ 1028 году тамъ насчитывали двѣнадцать рынковъ.

И эти князья кіевскіе не были вынуждены искать женъ въ теремахъ своихъ подданныхъ. Ярославъ взялъ себѣ жену въ Швеціи, Ингегарду, дочь царя Олафа; онъ выдалъ свою сестру за польскаго короля Казиміра; одинъ изъ его сыновей Всеволодъ женился на дочери императора Византійскаго Константина Мономаха; другой Вячеславъ—на графинѣ Штадъ, третій Игорь—на графинѣ Орлашюндской, Кунегундѣ. Его старшая дочь, Елизавета, вышла замужъ за Гарольда, короля норвежскаго; третья, Анастасія—за Андрея I, короля венгерскаго. Въ 1048 году три епископа, Готье де Мо, Госселинъ де Шалиньякъ и Рожеръ де Шалокъ, явились въ Кіевъ просить руки его второй дочери, Анны, для Генриха I, короля французскаго.

Все это прекращается, все исчезаетъ безъ слѣда съ половины XIII вѣка. И дѣйствительно все это еще не достигло истинной имперіи, зданія, устроеннаго на прочныхъ основаніяхъ, обезпеченнаго отъ вѣроломныхъ покушеній. Князья кіевскіе, новгородскіе, смоленскіе, эти Рюриковичи, они сочли за благо, присоединить къ своимъ воинственнымъ инстинктамъ замѣчательныя свойства, которыя они носили въ самихъ себѣ, какъ признаки своего происхожденія—именно черты вѣроломства и безчинства, которыя на подобіе культурныхъ государствъ могло бы устранить и разсѣять только время, долгій смягчитель нравовъ въ просвѣщенныхъ государствахъ. Но время имъ измѣнило.

Ударъ произошелъ въ 1224 году, съ появленіемъ монгольскихъ ордъ Батыя. Въ это время послѣ попытки объединенія въ началѣ XII вѣка подъ властью Владиміра Мономаха ихъ было около шестидесяти между Волгою и Бугомъ, споривших за остатки власти, за крохи могущества. Батый и Мангу, внукъ Чингизъ-Хана, разсѣяли ихъ. Три вѣка усилій и цивилизатор-

скихъ стараній исчезли въ столбахъ пыли, поднятой копытами сотенъ тысячъ лошадей. Отъ этой древней Россіи, европеизировавшейся вслѣдствіе побѣды, но совершенно сохранившей національность, благодаря быстрой ассимиляціи Истманскаго элемента, слабаго по своей малочисленности сравнительно съ мѣстною средой, не осталось ничего. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, между 1319 и 1340 годами, Кіевъ и окружающія страны сдѣлались добычею князей литовскихъ, будущихъ королей польскихъ. Послѣ Гедимина Ягеллонъ объединилъ подъ своею державой, присоединивъ новое королевство польско-литовское, всѣ лоскутки отъ эфемерной монархіи Мономаха: Россію Красную, Россію Бѣлую, Россію Черную, Малую Россію,—*вся Россіи*, какъ гласитъ общепринятое потомъ выраженіе. Но онъ присоединилъ только пустыни. Съ этого момента можно было думать, что исторія Рюриковичей кончена.

Она возобновилась гораздо дальше отсюда, ближе къ востоку необозримой равнины, предназначенной судьбой для поселенія безчисленнаго народа и процвѣтанія его несравненной будущности. Въ верхнемъ бассейнѣ Волги, на берегахъ Москвы, среди мелкаго финскаго племени, маленькое селеніе, подъ сѣнью крѣпкаго замка сдѣлалось въ XII вѣкѣ жилищемъ и удѣломъ одного изъ потомковъ Рюрика. Нѣсколько разъ разрушенное вслѣдствіе безпрестанныхъ битвъ сосѣднихъ Рюриковичей, сметенное также при нашествіи монголовъ, оно начало подыматься, усиливаться, образовывать съ начала XIV вѣка зародышъ новаго союза изъ нормандскихъ, славянскихъ и финскихъ элементовъ. Принявши за законъ спокойное подчиненіе игу азіатскаго побѣдителя, оно сдѣлалось въ его рукахъ орудіемъ для организаціи внутренняго порядка и для внѣшняго расширенія. Оно принимало на себя съ покорностью, терпѣливо и ловко посредничество въ отношеніяхъ между побѣдителемъ и побѣжденными народами, охотно соглашаясь, потому что это съ одной стороны было полезно, съ другой по вынужденной необходимости; оно выступало въ роли сборщика податей въ казну общаго повелителя, въ роли полицейскаго, и даже, въ случаѣ необходимости, въ роли палача. Оно прокладывало себѣ такимъ образомъ дорогу, укрѣпляя шагъ за шагомъ пріобрѣтенную власть и старшинство, полученное такою цѣною, скрывая до давно желаннаго дня тщательныя приготовленія, когда бы оно могло почувствовать себя достаточно сильнымъ, чтобы нарушить безславный договоръ, и получить въ свои руки орудіе освобожденія.

Это продолжалось около двухъ столѣтій; два вѣка, въ теченіе которыхъ сосѣдніе князья переяславскіе, рязанскіе, владимірскіе, угличскіе, галичскіе, ростовскіе, ярославскіе, суздальскіе становились одинъ за другимъ, мало-по-малу, сначала вассалами, потомъ попросту первыми подданными, *боярами* неизмѣнно усиливавшагося князя Московскаго; въ теченіе этихъ вѣковъ и монгольское владычество, раздираемое само по себѣ и ослабленное внутренними неурядицами, шло на убыль. Наконецъ, около 1480 года времена испытаній прошли, и вдругъ удивленная Европа

Посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

увидѣла, что между нею и Азіей есть нѣчто новое, новое государство, глава котораго отвоевалъ себѣ независимость. Онъ отбросилъ Золотую Орду за предѣлы, свѣжеобозначенные, на огромную территорію, подчиненную его законамъ; онъ покорилъ Новгородъ и Тверь; онъ женился въ Римѣ на греческой княжнѣ, происходящей изъ Константинополя; онъ принялъ за гербъ двуглавый орелъ; его имя было Иванъ, а за всѣ эти дѣла онъ былъ названъ «Иванъ Великій».

Но эта новая имперія была совсѣмъ не то, что Кіевъ, а по происхожденію своего династическаго главы, казалось даже, что она не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, кто создалъ могущество и славу Ярослава и Владиміра. Этотъ *Великій князь* Московскій

5721

573068

почелъ за благо титуловаться въ свою очередь Самодержцемъ *Всея Руси*, хотя области, именемъ которыхъ онъ себя такъ величалъ и которыя называлъ своими, ему не принадлежали. Онѣ были въ то время польскими. То, что ему принадлежало, находилось на три четверти за предѣлами древняго нормандскаго завоеванія и въ его столицѣ, какъ и въ его государствѣ, все, или почти все, было также новаго происхожденія и очень различно по характеру. Европы тамъ не было, такъ сказать, ни на волосъ. Завоевательно-монгольская волна, отхлынувши, оставила въ этой арійско-славянской землѣ, какъ густую пѣну, то, что она заключала въ себѣ стойкаго: образъ управленія, нравы и обычаи; наоборотъ, никакого признака культуры.

Сообразно традиціямъ греко-русской Церкви, сохраняемымъ греческими священниками и монахами, государство и общество, которыя тѣсно срослись, чтобы основаться подъ вѣковой опекой преемниковъ Батыя, были по преимуществу азіатскія и, конечно, варварскія. Отдѣленныя столь долго отъ Европы, государство и общество оставались посторонними великой школѣ, гдѣ вырабатывалось умственное и нравственное объединеніе Запада: феодальному режиму, крестовымъ походамъ, рыцарству, изученію римскаго права,—великой борьбѣ между властью умственной и властью современной, откуда взялъ свое начало духъ свободы. Отвергнувъ союзъ съ Римомъ, проведенный на Флорентійскомъ соборѣ и принятый Кіевской метрополіей, Москва, лишь недавно такъ назвавшаяся (1325 или 1381), сама по себѣ и по собственному почину порвала съ Западнымъ міромъ. Осужденная папою, эта отдаленная и темная схизма Востока попала въ ссылку христіанства.

Сѣмена культуры однако появлялись и понемногу выступали, проникая сквозь слой тьмы азіатскаго болота. Они приходили оттуда, откуда они могли придти, всегда изъ Европы и сначала черезъ Польшу, при посредствѣ крупныхъ литовскихъ вельможъ, этихъ полонизированныхъ русскихъ.

Прежде чѣмъ бѣжать къ своимъ сосѣдямъ, возмущенный сотрудникъ Ивана Грознаго, Курбскій, переписывался съ Чарторижскими, остававшимися русскими съ головы до ногъ и православными. Возвращаясь изъ Польши послѣ счастливаго похода, Иванъ самъ вывезъ, какъ военную добычу и символическій трофей, первое печатное произведеніе, какое увидѣла Москва. Война съ Новгородомъ (1475 г.) поставила съ другой стороны новое московское государство въ соприкосновеніе съ *Ганзой*.

Въ 1553 году послѣдовало открытіе устья Двины англичанами тогда основался Архангельскъ и началась торговля Сѣвернаго моря. Но тутъ снова началось нашествіе, борьба за существованіе. По счастью, на этотъ разъ вторгшіеся пришли съ другой стороны. Это наводненіе было изъ Европы; оно происходило быстрѣе, и въ поступательномъ движеніи оставляло за собою нѣчто иное, чѣмъ грязную муть. Польскія арміи имѣли за собою въ аріергардѣ, въ своихъ повозкахъ, всѣ атрибуты папскаго Рима: іезуитовъ и сыновей св. Бернарда, католическую пропаганду и схоластическія науки, а за обученными, краснорѣчивыми, тонкими іезуитами,—лжецарей, тоже польскаго происхожденія, изящныхъ и образованныхъ. Дворъ Димитрія и Марины Мнишекъ взялъ образцомъ дворъ Сигизмунда, который обучался у жены своей Боны Сфорца. Польскій оркестръ смѣшивалъ здѣсь свои легкомысленныя мелодіи съ обрядами православной религіи!

Даже въ день окончательной побѣды національнаго дѣла, польское и западное вліянія укрѣпляются «въ побѣдахъ и одолѣніяхъ» московскаго элемента надъ польскимъ и западнымъ.

Получивъ владычество надъ Кіевомъ, войска царя Алексѣя нашли тамъ, безъ сомнѣнія, не больше того, что нашло тамъ нашествіе монголовъ, никакого намека на древнее величіе; однако лучше, чѣмъ пустоту и ничтожество Москвы: школы еще польскаго основанія, типографію, чтобы замѣнить ею типографію Ивана, тотчасъ преданную тамъ проклятію и уже разрушенную; духовную греко-латинскую академію, хотя небольшую, легко усваиваемую основу просвѣщенія.

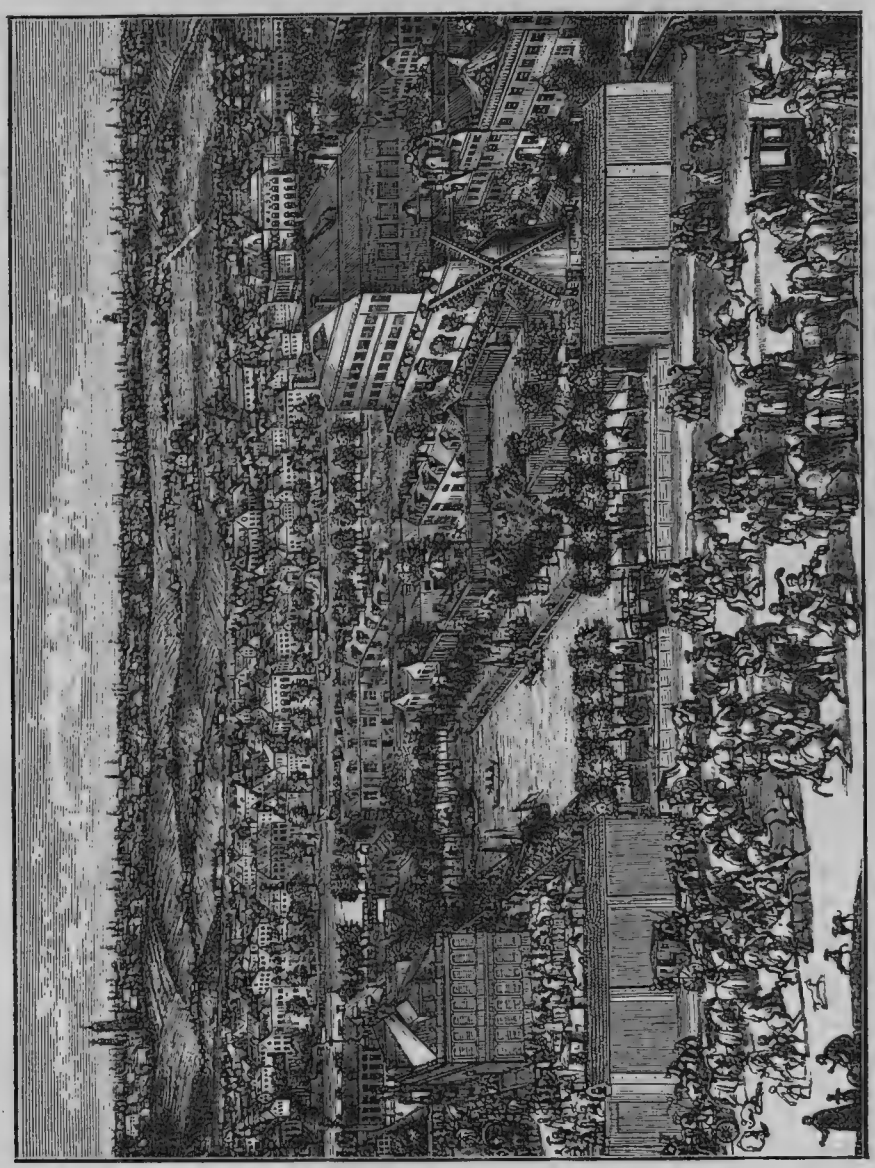
III.

Но съ этого времени Москва получила возможность выйти изъ Азіи и возвратиться въ Европу, не переходя границъ. Такъ Петръ, изгнанный изъ Кремля посредствомъ вражескихъ происковъ, выброшенный, такъ сказать, на улицу, не испытывалъ совершенно никакого желанія возвратиться въ отцовское жилище, въ особенности послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ въ сосѣдней деревнѣ другое болѣе привлекательное убѣжище. Иванъ, покоривши Новгородъ, городъ республиканскій и трудно подчиняющійся, придумалъ способъ выкурить буйный духъ, посредствомъ переселенія. Десять тысячъ семействъ было переселено. Въ Россіи видали способы административныхъ государственныхъ переворотовъ, способныхъ возмутить все человѣчество.

Новгородскіе изгнанники прибыли въ Москву, гдѣ имъ приготовили мѣсто, а въ Новгородъ было отправлено столько же вѣрныхъ и послушныхъ москвичей—наказанныхъ за свое послушаніе. Между новыми пришельцами находились ганзейскіе купцы и они-то образовали первое ядро иностранной колоніи на берегахъ Москвы. Но вскорѣ было замѣчено, что присутствіе этихъ иностранцевъ оскверняетъ городъ. Тогда уже считалось мѣстными патріотами, что Москва—городъ священный и даже все Московское государство, какъ и теперь, раздѣляло это преимущество.

Внѣ воротъ, запирающихъ столицу, въ сѣверо-восточной части теперешняго города или между улицами Басманной и Покровской, гдѣ еще и въ наши дни находится большинство протестантскихъ и католическихъ церквей, на грязномъ берегу Яузы, жалкаго притока Москвы, въ то время былъ родъ гетто, излюбленнаго *нѣмцами*,—людьми, не говорящими на языкѣ страны, вслѣдствіе этого *нѣмыми*; ихъ такъ и называли. Ганзейскіе купцы тамъ не нашли благополучія; но въ XVI вѣкѣ царь Василій набиралъ изъ нихъ свою гвардію, состоявшую изъ поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Преемники Василія не удовольствовались исканіемъ за границею солдатъ; они хотѣли набирать оттуда рабочихъ, артистовъ и даже школьныхъ учителей. Въ оригинальной книгѣ Аделунга одна картина показываетъ намъ первоначальный видъ слободы, куда были сгружены всѣ пришельцы, куда ихъ загнали безконечные приказы и гдѣ ихъ держали весьма сурово. Это была только деревня изъ деревянныхъ домовъ, наскоро выстроенная изъ деревьевъ покрытыхъ корой, съ обширными огородами, окружающими жилища. Этотъ видъ соотвѣтственно быстро мѣнялъ и качества живущихъ. Въ царствованіи Алексѣя *Нѣмецкая слобода* имѣла нѣмецкаго въ себѣ только одно названіе, такъ такъ кличка *нѣмецъ* осталась, благодаря первымъ германцамъ, занявшимъ слободу. Теперь въ ней первое мѣсто занимаютъ англичане и шотландцы, а благодаря проскрипціямъ кромвелевскаго протектората между ними есть люди по происхожденію Друммонды, Гамильтоны, Дальціели, Крауфорды, Грагамы, Лесли и позднѣе Гордоны. Въ эту эпоху еще ни одного француза. Ихъ боялись, какъ католиковъ, и еще болѣе, какъ яксенистовъ. Одни якобиты составляютъ исключеніе; будучи изгнанниками, они кажутся вѣрными. Позднѣе отмѣна Нантскаго эдикта оказала подданнымъ христіаннѣйшаго короля такое же довѣріе. Якобитское населеніе составляло отдѣльную группу; не будучи ни ра-

бочимъ, ни торговымъ, оно тѣмъ не менѣе сильно способствовало росту благополучія *слободы;* по своему воспитанію и положенію оно внушало уваженіе москвичамъ.



Нѣмецкая слобода,
Съ гравюры Генриха де-Витть, начало XVIII вѣка.

Нѣмецкіе рыцари перваго періода становились извѣстны имъ только по правамъ лагеря Валленштейна. Теперь въ классѣ ремесленниковъ, присоединившимся къ аристократіи, среди куп-

цовъ, учителей, врачей, аптекарей, рабочихъ, артистовъ преобладаетъ голландскій элементъ. Элементъ германскій, примѣшивающійся къ нимъ, самъ по себѣ уже лучшаго качества. Тѣ и другіе вносятъ туда и заставляютъ цѣнить достоинства своей расы: духъ предпріимчивости и настойчивости, набожность и любовь къ семейной жизни, общее одушевленіе идеаломъ порядка, домашняго мира и производительнаго труда. Германцы имѣютъ двухъ лютеранскихъ пасторовъ, голландцы одного кальвинистскаго; но на взглядъ варваровъ религіозныя церемоніи кажутся скучными; свобода царствуетъ всюду въ *слободѣ*, кромѣ католиковъ, которымъ запрещено имѣть священника. Школы въ изобиліи.

Шотландецъ Патрикъ Гордонъ слѣдитъ за успѣхами *Лондонскаго Королевскаго Общества*. Англійскія дамы выписываютъ романы и стихотворенія національныхъ писателей тюками. Дѣятельная письменная корреспонденція со всей Европой. Умѣренныя и скромныя удовольствія. Въ германскихъ кружкахъ танецъ, извѣстный подъ названіемъ *Дѣдушкина танца*, проходитъ съ величайшимъ оживленіемъ. Есть одинъ театръ, который часто посѣщаетъ царь Алексѣй, гдѣ ему случается слышать *Орфея*, вызывающаго у него удивленіе изяществу рѣчи. Политика играетъ крупную роль въ колоніи; члены дипломатическаго корпуса, послы: англійскій, голландскій, датскій, шведскій, также составляющіе ея часть, представляютъ и поддерживаютъ здѣсь и интересы и стремленія протестантскихъ государствъ. Богатый, образованный, умный, ловкій голландскій посолъ Ванъ-Келлеръ, занимаетъ исключительное положеніе, передъ которымъ преклоняются сами москвичи.

Отправляя въ теченіе цѣлыхъ восьми дней курьера въ Гаагу, онъ получалъ съ Запада новости, заставлявшія *слободу* отзываться эхомъ на великія событія, которыя разыгрывались въ судьбахъ европейскаго политическаго міра. Германскій путешественникъ Таннеръ, посѣтившій пригородъ въ 1678 году, вынесъ оттуда одно изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, удостовѣренное рисункомъ, помѣченнымъ началомъ восемнадцатаго вѣка. Пригородъ кажется преобразившимся: дома изъ кирпича, красиваго вида; цвѣтники у подъѣздовъ; деревья, посаженныя правильными аллеями; фонтаны на площадяхъ. Контрастъ съ современными русскими городами, даже не исключая Москвы, былъ поразительный. Это не ускользнуло отъ Петра.

Вопреки польскому вліянію, даже тому сосѣдству, которое приближало, такъ сказать, Европу къ самымъ дверямъ, Москва

оставалась еще въ общемъ такою же, какою ее сдѣлали три вѣка монгольскаго ига. Нѣкоторые признаки уже ясно указывали на результатъ соприкосновенія съ научнымъ міромъ Запада. Люди являлись оттуда, освободившись физически, какъ и нравственно отъ стараго смѣшного византійско-татарскаго одѣянія; зарождались идеи, возникали мысли, откуда подготовлялись реформы, какъ когда-нибудь найдутъ, даже болѣе широкія, чѣмъ тѣ, проведеніемъ которыхъ занялся самъ Петръ. Заря новыхъ дней поднималась надъ горизонтомъ. Но эти зародыши просвѣщенія вызвали только еще усиленныя стѣсненія. Царь Алексѣй не выкалывалъ, правда, больше глазъ артистамъ, какъ это дѣлалъ Иванъ, подъ предлогомъ воспрепятствовать имъ повторить свои лучшія вещи въ другомъ мѣстѣ; но царь Михаилъ, рѣшившись пригласить на службу знаменитаго Элшегера (Олеарія), приказалъ бросить въ воду колдуна; при дворѣ были возмущены, а въ городѣ былъ бунтъ. Другой иностранецъ, давая обѣдъ знатнымъ вельможамъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ они подъ столами набивали себѣ карманы. Въ Кремлѣ послѣ изгнанія поляковъ и лжецарей все осталось попрежнему. До своего изгнанія оттуда Петръ никогда ничего не видѣлъ, кромѣ окружавшаго его въ близкомъ кругу. На пути въ церковь или баню его окружалъ двойной рядъ шутовъ, одѣтыхъ въ нарядъ изъ красной матеріи, какъ движущаяся темница. Ребенокъ въ ней задыхался; онъ ожилъ въ Преображенскомъ. Разъ вырвавшись на вольный воздухъ и получивши свободу передвиженія въ пространствѣ, онъ отправился на берега Яузы, а когда увидѣлъ *слободу*, то не хотѣлъ оттуда уходить. Туда же онъ повелъ всю Россію.

Но его еще ожидали мрачныя времена, послѣдніе остатки азіатскаго режима.

IV.

Ѳеодоръ, старшій сынъ и преемникъ Алексѣя, умеръ въ 1682 году, не оставивъ потомства. Кто же теперь будетъ наслѣдникъ? Со времени смерти послѣдняго потомка Рюрика (1598 г.), тронъ почти всегда занимался насильственно. Борисъ Годуновъ овладѣлъ имъ, благодаря цѣлому ряду убійствъ; Димитрій—при помощи польскаго оружія. Василій Шуйскій обязанъ имъ былъ избранію аристократіей; Михаилъ Романовъ—избранію народомъ. Подобіе династическихъ правъ болѣе всего проистекало изъ этого послѣдняго; тѣмъ не менѣе полагаютъ, что вступленіе Алексѣя

происходило по приглашенію путемъ избранія. Изъ двухъ братьевъ, слѣдовавшихъ за Ѳеодоромъ, Иванъ, сынъ Милославской, которому было пятнадцать лѣтъ, былъ слабъ, на три четверти слѣпъ и на половину идіотъ. Донесеніе, отправленное въ 1684 году министромъ Людовика XIV, упоминаетъ о «разрощеній вѣкъ, которое дѣлаетъ то, что молодой принцъ ничего не могъ бы видѣть, если бы ему ихъ не поднимали». Высшіе придворные единогласно высказались въ пользу его младшаго сына, рожден-

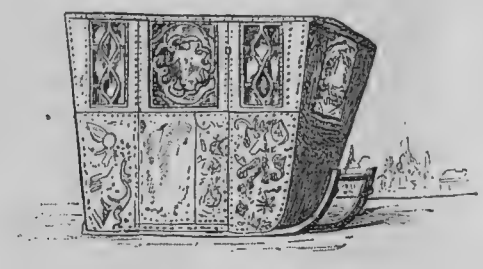
Московская улица XVII столѣтія.
Съ современной гравюры изъ путешествія Олеарія.

наго отъ Нарышкиной, пятилѣтняго Петра. Ихъ пугало то, что они могли, какъ говорили, превратиться въ сидѣлокъ при больномъ.

Безъ сомнѣнія, также возрастъ второго брата соблазнялъ ихъ надеждою на болѣе долгое регентство и возможность захвата власти въ свои руки. Они привлекли на свою сторону бояръ, находившихся все время при смертномъ одрѣ Ѳеодора, патріарха Іоакима, который завѣдывалъ похоронами. Здѣсь, какъ и въ Польшѣ, въ случаѣ перехода трона, главѣ Церкви принад-

лежало право временнаго управленія государственными дѣлами. Въ 1598 году патріархъ Іовъ такимъ образомъ обезпечилъ успѣхъ Бориса. Какъ тогда, такъ и теперь въ этомъ дѣлѣ ничего не было сдѣлано сообразно съ закономъ. Рѣчь архіерея къ собранію военныхъ и придворныхъ, случайно оказавшихся въ Кремлѣ; краткое воззваніе къ ихъ обязанностямъ съ послѣдующимъ провозглашеніемъ; потомъ появленіе неожиданныхъ избирателей снаружи, на Красномъ крыльцѣ, передъ народомъ, привлеченнымъ слухами о крупныхъ событіяхъ, повергшихъ въ смятеніе дворецъ; имя, брошенное въ эту толпу и—все кончено: въ Россіи есть царь и онъ зовется Петромъ.

Никакого упоминанія объ Иванѣ; никакого удовлетворенія за нарушеніе закона о престолонаслѣдіи. Въ сущности это лишь побѣда Нарышкиныхъ надъ Милославскими, конечно, захваченными врасплохъ, не подготовившимися къ защитѣ вслѣдствіе внезапности событій и быстроты развязки. Призрачное торжество, продлившееся съ трудомъ лишь мѣсяцъ. На другой день послѣ своего пораженія, побѣжденная партія вступила въ споръ, а за нею и неожиданная помощь въ лицѣ двухъ новыхъ политическихъ факторовъ выступила на арену борьбы—это царевна Софья и *стрѣльцы*.



Новодѣвичій монастырь въ XVII столѣтіи.
Со старинной гравюры.

Царевна Софья.

I.

Въ 1682 году у Алексѣя осталось семь дочерей. Одна только Софья получила имя въ исторіи. Она родилась, какъ и Иванъ, отъ Милославской, и была уже двадцати пяти лѣтъ. Я говорилъ о ея красотѣ, нѣкоторые писатели во главѣ съ Сумароковымъ, даже нѣкоторые иностранные—Штралевбергъ, Перри, воздаютъ ей большія похвалы. Но никто изъ нихъ не видѣлъ царевны. Свидѣтельство франко-польскаго дипломата, Ла-Невилля, который имѣетъ это преимущество, болѣе достовѣрно. Онъ испортилъ романъ, въ которомъ является замѣшаннымъ дѣтство Петра, но я не почерпнулъ изъ него ничего. «Безформенное туловище, невѣроятной толщины, съ головою—въ четверикъ, съ волосами на лицѣ и наростами на ногахъ»—таково его описаніе. Малорусскій историкъ, Костомаровъ, пытается согласить эти вещи: безобразная по понятіямъ иностранцевъ, Софья могла имѣть привлекательность для москвичей своего времени. Какъ на всемъ Востокѣ, тамъ даже до сего дня огромные размѣры роста далеко не ненравятся. Но молчаніе монаха Медвѣдева, духовника принцессы, преданнаго ей до самой смерти, особенно выразительно, какъ и его стараніе

восхвалить нравственныя качества царевны. Въ этомъ отношеніи я вижу, что согласны всѣ, не исключая Ла-Невилля: «насколько широка, коротка и толста ея талія, настолько же ея умъ тонокъ, проницателенъ и политиченъ, и, не видя никогда Макіавелли, не беря у него уроковъ, она отъ природы имѣетъ всѣ его качества».

До 1682 года жизнь Софьи была, по крайней мѣрѣ съ виду, такова, какъ всѣхъ молодыхъ русскихъ дѣвушекъ ея времени, отягченная еще для дѣвицъ ея положенія усиленіемъ тюремныхъ строгостей. Кремлевскій теремъ превосходилъ въ этомъ смыслѣ всѣ другіе: уединенность, мелочное и сложное благочестіе, частые посты. Патріархъ и ближайшіе родственники были единственными посѣтителями извнѣ. Врачъ допускался только въ случаѣ самой тяжкой болѣзни. Когда онъ приходилъ, закрывались ставни, и онъ могъ браться за пульсъ больной только черезъ ткань. Скрытые коридоры вели царицу и царевенъ въ церковь, гдѣ неизбѣжныя красныя занавѣски исполняли свое дѣло, возбуждая любопытство другихъ вѣрныхъ. Въ 1674 году, поворачивая за уголъ одного изъ внутреннихъ дворцовыхъ дворовъ, двое изъ молодыхъ вельможъ, Бутурлинъ и Дашковъ, встрѣтили неожиданно карету, гдѣ находилась царица, отправлявшаяся на богомолье въ монастырь. Этотъ случай едва не стоилъ имъ жизни. Было наряжено строгое слѣдствіе, съ допросами и пытками. Для принцессъ не было назначено мѣста ни на какихъ торжествахъ, которыя для остальныхъ придворныхъ нарушали ужасное однообразіе дней, подчиненныхъ непреложному и строгому этикету; онѣ появлялись только на похоронахъ, слѣдуя тогда за гробомъ, но всегда въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Народъ зналъ о нихъ только ихъ имена, провозглашаемыя на каждомъ богослуженіи въ молитвахъ, которыя составляли часть оффиціальной литургіи; онѣ же ничего не знали о немъ, ничего, такъ сказать, изъ жизни человѣческой внѣ того тѣснаго круга, куда ихъ заключила судьба. Не будучи въ правѣ выйти замужъ ни за одного подданнаго изъ-за своего положенія, ни за одного иностраннаго принца изъ-за религіи, онѣ должны были не знать любви, замужества, материнства. Таковъ былъ законъ.

Вѣроятно, что ей оказались доступными въ эту эпоху по крайней мѣрѣ нѣкоторыя перемѣны. Безъ этого Софья была бы не въ состояніи такъ легко играть роль, въ которой она является передъ нами. Петръ былъ провозглашенъ царемъ 27 апрѣля; 23-го слѣдующаго мѣсяца бунтъ *стрѣльцовъ* свергъ его

единовластіе, присоединивъ къ нему брата Ивана, и всѣ свидѣтели указываютъ на Софью, какъ на непосредственную вдохновительницу, а скорѣе даже, какъ на главную зачинщицу этого переворота. Кремлевскій теремъ долженъ былъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійскихъ идей, понимая подъ этимъ историческую смѣсь аскетизма и интригъ, изъ которыхъ складывалась жизнь Восточной Имперіи. У изголовья своего больного, умирающаго брата, Софья и ея сестры, конечно, припомнили образъ Пульхеріи, дочери Аркадія, овладѣвшей властью на все время малолѣтства Ѳеодосія, потомъ послѣ его смерти, царствовавшей еще при содѣйствіи Маркіана, начальника императорской гвардіи. Битье крыльями о перекладины клѣтки, возмущенія духа и тѣла, мечты о свободѣ, власти, любви, здѣсь такъ же, какъ и тамъ, и даже въ томъ же духѣ; изъ всѣхъ этихъ тайныхъ волненій происходятъ дворцовые перевороты.

Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ.

Софья, конечно, видѣла въ Кремлѣ и другія мужскія лица кромѣ патріарха, или даже своихъ ближайшихъ родственниковъ, Милославскихъ, людей энергичныхъ, но ограниченныхъ. Надолго прикованный къ постели, Ѳеодоръ нуждался въ женскомъ уходѣ; нашелся одинъ изъ его придворныхъ, научившій его нарушить

теремныя правила, и найти себѣ тамъ силѣлку, и предложившій ему выбрать Софью. Это былъ Василій Голицынъ.

Человѣкъ, достопримѣчательный не только по своему титулу, въ современной исторіи Россіи, даже при Петрѣ, онъ составлялъ эпоху. Болѣе чѣмъ Матвѣевъ, по болѣе выдающимся дѣламъ, онъ обозначаетъ собою эту медленную подготовку, эту умственную и нравственную перемѣну, размѣры которой можетъ быть могли преувеличивать, но которая несомнѣнно предшествовала появленію великаго реформатора и которая сдѣлала возможнымъ появленіе его твореній. Онъ олицетворяетъ ту плеяду, о которой я говорилъ, и изъ глубины которой люди, подобные Морозову, Ордынъ-Нащекину и даже самому патріарху Никону, уже въ предыдущія царствованія открывали собою новыя времена, революціонную эпоху. Принимая въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ значительное участіе въ управленіи страною, онъ не остался безучастнымъ при уничтоженіи *мѣстничества*, обычая совершенно азіатскаго происхожденія, согласно которому одинъ подданный царя не могъ занимать по сравненію съ другимъ подданнымъ мѣсто низшее того, какое его предки занимали хоть нѣсколько дней по отношенію къ предкамъ другого; непреодолимое препятствіе для разбора судебныхъ правъ, неисчерпаемый источникъ жалобъ, тормазившихъ дѣятельность правительства. Онъ намѣревался завести постоянную армію. Если вѣрить въ этомъ Ла-Невиллю, то онъ шелъ гораздо дальше еще въ своихъ планахъ на будущее, мечтая о томъ, чего Петръ едва осмѣлился коснуться: объ освобожденіи крестьянъ, превращеніи ихъ въ собственниковъ, о Сибири, просвѣщенной и покрытой почтовыми дорогами. Хотя и получившій запрещеніе отправиться въ Китай, во время всемогущества будущаго регента, задержанный въ Москвѣ, самъ Перъ Авриль отдаетъ дань удивленія его либеральному уму. Другіе бояре примкнули къ рѣшенію своего коллеги изъ ненависти къ католицизму.

Голицынъ бѣгло говорилъ и съ легкостью писалъ по-латыни; онъ часто посѣщалъ Нѣмецкую слободу и поддерживалъ тамъ дружественныя отношенія; онъ приглащалъ къ столу шотландца Гордона и лѣчился у германскаго врача Блюментроста; грекъ Спафари, котораго видятъ среди его приближенныхъ и который, благодаря ему, занимаетъ видное мѣсто въ управленіи иностранныхъ дѣлъ (посольскій приказъ), фигура вполнѣ современнаго дипломатическаго дѣльца и международнаго пройдохи, объѣхавшаго Европу и посѣтившаго Китай; онъ соста-

вилъ планъ судоходства по большимъ рѣкамъ Азіи и состоялъ въ перепискѣ съ бургомистромъ Амстердама, Витсеномъ. Голицынъ жилъ во дворцѣ, который какъ снаружи, такъ и внутри имѣлъ всѣ признаки европейскаго жилища съ высокими потолками, съ драгоцѣнной мебелью, гобеленовыми обоями, картинами и высокими окнами. У него была библіотека, гдѣ находились книги латинскія, польскія, нѣмецкія, гдѣ позднѣе сохранялась рукопись серба Крижанича, проповѣдника реформъ, которымъ, вѣроятно, вдохновлялся Петръ. Онъ выстроилъ въ Москвѣ три тысячи домовъ и даже одинъ каменный мостъ, первый, планъ котораго былъ составленъ однимъ польскимъ монахомъ. Онъ былъ страстнымъ приверженцемъ Франціи и привезъ своему сыну портретъ Людовика XIV. Его паденіе, послѣдовавшее со вступленіемъ на престолъ Петра, совершенно серьезно разсматривалось Ла-Невиллемъ, какъ катастрофа для цивилизаціи. Его считаютъ еще въ нѣкоторомъ отношеніи приверженцемъ того самаго строя, надъ разрушеніемъ котораго онъ старался. Онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрія. Онъ подвергъ пыткамъ одного крестьянина, котораго онъ подозрѣвалъ въ желаніи напустить на него порчу. Впослѣдствіи его обвиняли въ томъ, что онъ старался пріобрѣсти расположеніе Софьи посредствомъ любовнаго напитка, и что онъ сжегъ человѣка, которому было поручено его приготовить. Но въ этомъ отношеніи самъ Петръ не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ душевныхъ слабостей. Въ общемъ этотъ завтрашній противникъ еще наканунѣ былъ его провозвѣстникомъ.

Родившись въ 1643 году, Василій Васильевичъ Голицынъ былъ тридцати девяти лѣтъ въ то время, когда болѣзнь Ѳеодора сблизила его съ Софьей. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ нимъ у изголовья умирающаго оказались также Симеонъ Полоцкій, малороссійскій священникъ, очень образованный для того времени, Сильвестръ Медвѣдевъ, образованный монахъ, библіографъ и придворный поэтъ, Хованскій, военный, любимецъ *стрѣльцовъ*. Такимъ образомъ сформировалась политическая группа, элементы которой можетъ быть были уже привлечены раньше и объединены втихомолку. Медвѣдевъ былъ ея душою, но со стороны Софьи Голицынъ занималъ тамъ первое мѣсто и ему предоставила его любовь. Царевнѣ было двадцать девять лѣтъ, а она казалась сорока на взглядъ Ла-Невилля. Обладая пылкой, страстной натурой, она еще не жила, и ея умъ, равно и сердце, пробудившись одновременно, заставили ее окунуться въ жизнь безбоязненно, до самозабвенія, всецѣло отдаться

охватившему ее стремительному порыву. Она сдѣлалась властолюбива, ставши влюбленной. Естественно, что она присоединила къ своимъ замысламъ человѣка, безъ котораго ея успѣхи не имѣли для нея никакой привлекательности. Она его толкала скорѣе, чѣмъ онъ ее, по лѣстницѣ къ вершинѣ счастья, чтобы раздѣлить его вмѣстѣ съ нимъ. Онъ лично кажется робкимъ, нерѣшительнымъ, колеблющимся, проявляющимъ признаки слабоволія и усталости. Онъ можетъ быть иногда и отступилъ бы передъ крайними мѣрами безъ Медвѣдева, безъ Хованскаго. Медвѣдевъ подбодряетъ компанію, внушаетъ ей свой пылъ, свою страсть къ борьбѣ; наконецъ, Хованскій предоставляетъ ей собственными руками страшное оружіе, въ которомъ она нуждается для выполненія своихъ замысловъ.

Стрѣльцы.

II.

Созданіе Ивана Грознаго и его военнаго сподвижника, Адашева, *стрѣльцы* въ 1682 году имѣли за собою только довольно короткое прошлое и уже дурную славу; но за то они успѣли пріобрѣсти себѣ средства, на которыя и жили очень широко. Свободные люди, солдаты, по наслѣдству, они образовали среди всеобщей униженности военное привилегированное сословіе, имѣвшее, благодаря своимъ привилегіямъ, въ своихъ рукахъ вліяніе, не соотвѣтствовавшее ихъ естественной роли и заслугамъ. Государство давало имъ квартиры, одѣвало ихъ и платило имъ жалованье даже въ мирное время, тогда какъ всѣ другіе свободные люди должны были служить безъ всякаго жалованья, на собственный счетъ, даже во время войны. Они имѣли особое управленіе и своего начальника, который всегда былъ изъ именитыхъ бояръ. Въ мирное время они составляли уличную полицію, несли службу въ патруляхъ, караулахъ и почетной стражѣ, и тушили пожары. Одинъ избранный, стремянный полкъ, сопровождалъ царя во всѣхъ его выѣздахъ за городъ. Во время войны, они образовывали авангардъ и ядро арміи. Двадцать московскихъ полковъ отъ восьмисотъ до тысячи человѣкъ въ каждомъ, различались цвѣтомъ формы: красные, синіе и зеленые кафтаны, съ широкими красными поясами, въ желтыхъ сапогахъ и бархатныхъ шапкахъ, украшенныхъ мѣхомъ; неопредѣленное число полковъ въ провинціи. Такъ какъ ихъ военная служба оставляла имъ много свободнаго времени, то они занимались также торговлей и ремеслами; такимъ образомъ они легко обогащались, не платя ни патентовъ, ни пошлинъ; случалось также часто, что богатые московскіе купцы домогались разрѣшенія быть внесенными въ ихъ списки. Но это были исключенія и они защищались отъ постороннихъ.

Имъ именно нѣкогда Борисъ Годуновъ обязанъ былъ побѣдою надъ *самозванцемъ* Дмитріемъ; они же взяли при воцареніи Михаила въ плѣнъ Марину Мнишекъ и Заруцкаго, ея послѣдняго приверженца, отбили Смоленскъ у поляковъ при Алексѣѣ, защитили Чигиринъ противъ турокъ при Ѳеодорѣ; въ продолженіе долгой смуты внутренней и внѣшней въ XVII вѣкѣ они постоянно держали сторону регулярной власти, побѣдили Разина, мятежнаго козака, и этимъ спасли монархію. Но это тревожное время оказало на нихъ вліяніе, внесло въ ихъ ряды зародыши разложенія. Праздная жизнь окончательно ихъ доконала. Будучи

Утро стрѣлецкой казни.

Картина художника В. И. Сурикова. Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Худож. фототипія К. А. Фишер

естественными защитниками порядка, они вотъ уже нѣсколько времени входили въ сношенія съ мятежниками всѣхъ родовъ, подавая сигналы къ волненіямъ. Мятежи стали теперь въ порядкѣ дня у низшихъ классовъ. Подкупность, жадность чиновниковъ, злоупотребленія, вытекавшія отсюда, возмущали народную душу. Восшествіе на престолъ Петра тоже подготовилось тамъ, въ этомъ организующемся обществѣ на глазахъ разлагающагося государства. Имѣя меньше причинъ жаловаться, чѣмъ другіе, стрѣльцы не затруднялись поднимать свой голосъ за всѣхъ жалующихся. Отнынѣ болѣе чѣмъ посредственные солдаты, какъ покажетъ ближайшее будущее, они поднимаются, какъ страшные крикуны; одинъ бурный день превращаетъ ихъ въ самыхъ отчаянныхъ бандитовъ. Признаки безпокойства появились среди нихъ передъ кончиной Ѳеодора; стрѣльцы изъ полка Семена Грибоѣдова поднялись противъ своего полковника, обвиняя его во взяточничествѣ; онъ кралъ ихъ жалованье и заставлялъ ихъ работать по воскресеньямъ надъ постройкой своей дачи. Благодаря слабости правительства, зараза распространилась въ то время, когда царь уже умиралъ и оставались его младшіе наслѣдники. Достигши власти вмѣстѣ съ Петромъ, Нарышкины нашли шестнадцать полковъ подъ ружьемъ. Крайне смущенные, они вернули изъ ссылки Матвѣева, виновника ихъ благополучія, опытнаго государственнаго человѣка, а въ ожиданіи своего спасителя они выдали полковниковъ. Къ нимъ примѣнили процедуру *правежа,* на подобіе несостоятельныхъ должниковъ. Передъ собравшимися войсками обвиненные начальники были биты по ножнымъ икрамъ розгами до тѣхъ поръ, пока они отдавали все свое имущество, плодъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ хищеній. Наказаніе продолжалось нѣсколько часовъ Они отъ него не умерли, но умерла дисциплина и ужасный звѣрь, съ котораго сняли намордникъ, въ этомъ сборищѣ дикихъ преторіанцевъ уже ожидалъ себѣ добычу по зубамъ, чтобы наброситься на нее и вонзить свои когти.

Софья и ея совѣтники указали ему на Нарышкиныхъ.

Движеніе было готово, возмущеніе быстро организовано, били въ барабаны, совершенно открыто, почти у всѣхъ на глазахъ. Дядя царевны, Иванъ Милославскій, объявленный потомъ Петромъ въ качествѣ главнаго виновника постыднаго дѣла, преслѣдуемый до самой смерти дикою злобою, вѣроломно агитировалъ, распространяя ложные слухи, разжигая страсти. Прошелъ слухъ, что Нарышкины отравили царя Ѳеодора; что они

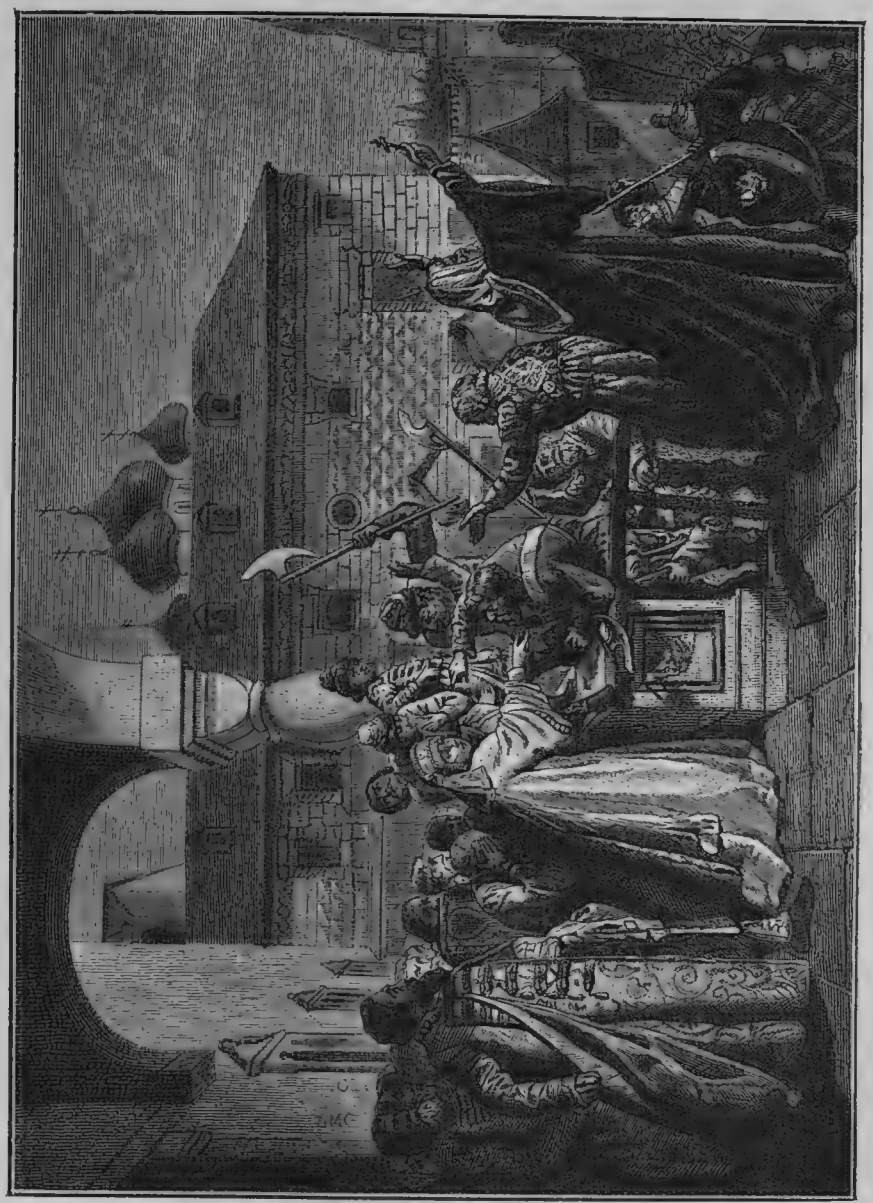
дурно обращаются съ старшимъ братомъ Петра, низложеннымъ царевичемъ, что одинъ изъ нихъ стремится захватить тронъ. Одинъ Нарышкинъ въ сопровожденіи вооруженной толпы былъ замѣченъ въ оскорбленіи жены одного *стрѣльца*,—то былъ переодѣтый агентъ Милославскихъ. Посланная Софьей, Ѳеодора Родиница, бѣгала по улицамъ, распространяя слухи въ военныхъ кварталахъ, сѣя ненавистническія рѣчи, деньги и обѣщанія. Ожидали прибытія Матвѣева; это былъ условный знакъ. Стрѣльцы, вымуштрованные, хорошо приняли стараго вождя и усыпили его бдительность; 6 мая 1682 года депутація, посланная отъ двадцати пяти полковъ, поднесла ему хлѣбъ-соль, «медъ на концѣ ножа», какъ говорилъ сынъ несчастнаго старика, уже осужденнаго, приговореннаго къ смерти. Четыре дня спустя, на разсвѣтѣ, ударили въ набатъ во всѣхъ кварталахъ, двадцать пять полковъ взялись за оружіе и Кремль былъ осажденъ. *Стрѣльцы* на этотъ разъ бросили разноцвѣтные кафтаны: они явились одѣтыми совершенно одинаково въ красныя рубахи, съ рукавами, засученными по-локоть, указывая этимъ на дѣло, за которымъ они поднялись такъ рано, уже не въ качествѣ солдатъ, а судей и палачей. Прежде чѣмъ отправиться въ дорогу они много пили, и пьяные сначала отъ водки, потомъ отъ крови, ужасно кричали и размахивали алебардами. Они повѣрили или притворились повѣрившими, что Иванъ и даже самъ Петръ убиты и требовали мщенія за ихъ смерть. Съ высоты Краснаго крыльца имъ показали царя и царевича цѣлыхъ и невредимыхъ; пытались ихъ успокоить; но они больше ничего не слышали, никого не узнавали. Они кричали еще сильнѣе: «смерть убійцамъ!»

Начальникъ ихъ *приказа*, старый Долгорукій поднялся на площадку, чтобы призвать ихъ къ порядку. Тотчасъ нѣсколько самыхъ смѣлыхъ буяновъ взобрались по лѣстницѣ, схватили старика и бросили его внизъ; другіе подставили свои копья: «любо! любо!» закричала толпа.

Избіеніе началось и продолжалось три дня.

Вызываемые одинъ за другимъ, потомъ преслѣдуемые внутри дворца, настигаемые въ сосѣднихъ домахъ, въ церквахъ, приближенные и родственники Наталіи, Матвѣевъ и Нарышкины раздѣлили участь Долгорукаго; нѣкоторые сначала были подвергнуты пыткамъ, ихъ волочили за волосы по площади, били кнутомъ, жгли каленымъ желѣзомъ и, наконецъ, приканчивали ударами алебардъ. Наталія отчаянно сопротивлялась, прежде чѣмъ выдать своего любимаго брата, Ивана. Наконецъ, онъ самъ

выдалъ себя, повинуясь мольбамъ старика князя Одоевскаго, отдавая свою голову за спасеніе тѣхъ изъ своихъ, кого согла-



Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году.

сились пощадить въ своей ярости *стрѣльцы*. Пріобщившись въ одной изъ Кремлевскихъ церквей, онъ вышелъ, держа въ ру-

кахъ изображеніе святого, какъ высшую защиту. У него вырвали *икону* и онъ исчезъ въ морѣ гнѣва и крови, продолжавшемъ биться о стѣны стараго дворца. Оно разлилось дальше, бушевало по городу, увлекая въ свой водоворотъ частныя жилища и общественныя зданія, сбиваясь съ пути въ розыскахъ предполагаемыхъ участниковъ воображаемаго преступленія, грабя и убивая всюду. Мятежники принялись даже за архивы, куда, впрочемъ, можно думать, ихъ вела политическая идея, желаніе придать ихъ безобразіямъ характеръ народнаго движенія. Полагаютъ, что они искали возможности уничтожить документы, относящіеся къ введенію крѣпостного права.

А Софья? Историки пытались снять съ нея отвѣтственность. Но это споръ противъ очевидности. Никогда еще не представлялось болѣе удобнаго случая подтвержденія истины: «тотъ сдѣлалъ, кому выгодно». Въ эти ужасные дни было много побѣжденныхъ, но единственнымъ побѣдителемъ является она. Она настолько прочно держитъ въ рукахъ движеніе, что останавливаетъ и пускаетъ его въ дѣйствіе, когда ей заблагоразсудится. Темная личность, Циклеръ, успѣвалъ нѣсколькими словами подѣйствовать на самыхъ ярыхъ; этотъ Циклеръ на другой день послѣ происшествія оказался въ кругу приближенныхъ къ царевнѣ. Въ то же время самые отвѣтственные посты достались ея вчерашнимъ друзьямъ, ея родственникамъ, Хованскому, Ивану Милославскому, Василію Голицыну. Это добыча. Она получила свое по праву. Хотя Петръ еще оставался номинально царемъ, но она захватила власть, будучи въ дѣйствительности, или лучше въ будущемъ, регентшей. Наконецъ, она заплатила тѣмъ, кто такъ хорошо послужилъ ей: *стрѣльцы* получили за трудъ по десяти рублей на душу, и, если имущество ихъ жертвъ не было раздѣлено между ними, какъ они желали, то было предложено дать имъ удовлетвореніе другимъ способомъ; это имущество было назначено въ продажу и за ними оставили преимущество при его покупкѣ. Имъ благоволили, потому что въ нихъ была еще нужда: 23 мая они опять появились подъ Кремлемъ и провозгласили участіе Ивана въ царствованіи. Раздѣленное такимъ образомъ его легче удержать въ опекѣ. Условились, что помогутъ патріархъ и нѣкоторые бояре; говорятъ о Фараонѣ и Іосифѣ, Аркадіи и Гоноріи, о Василіи и Константинѣ; забываютъ о Михаилѣ и Филаретѣ,—двоевластное управленіе которыхъ оставило такія тяжелыя воспоминанія; произвели подобіе избранія и былъ сооруженъ злосчастный тронъ на два сидѣнья.

Но этого мало; нужно еще, чтобы слабоумный идіотъ Иванъ получилъ первенствующій титулъ. Новое избраніе, новое подобіе избирательнаго собранія. На этотъ разъ Софья совершенно сбросила маску: когда Иванъ былъ провозглашенъ *первымъ царемъ*, выборщикамъ было устроено пиршество, и царевна чествовала ихъ. Ихъ руки были еще красны отъ крови, какъ ихъ рубахи, а она угощала ихъ виномъ. Они засвидѣтельствовали ей свою признательность, явившись снова 29 мая предложить ей титулъ *правительницы.*

III.

Итакъ, она на вершинѣ. Но она желала достигнуть ея цѣною стольких злодѣйствъ не иначе, какъ для того, чтобы наслаждаться радостями власти вмѣстѣ съ избранникомъ своего сердца и при его участіи. Всѣ ей послушны; но она желаетъ, чтобы онъ именно распоряжался. И истиннымъ властелиномъ Россіи въ теченіе семи лѣтъ, когда продолжалось ея регентство, былъ Василій Голицынъ.

Какъ и ея политическая честность, добродѣтели царевны тоже находили себѣ защитниковъ. Но влюбленная царевна сама позаботилась оставить намъ въ этомъ отношеніи документальныя данныя и довести дѣло до конца. Прошло пять лѣтъ; она царила въ Кремлѣ, а Голицынъ кончалъ въ Крыму злополучную войну, по поводу которой она была единственной думавшей, что онъ заслужилъ лавры. Онъ долженъ поскорѣе соединиться съ нею въ Москвѣ, и она ему пишетъ:

«*Батюшка,* моя надежда, мое все, да хранитъ тебя Господь на многія лѣта. Сегодняшній день безмѣрно для меня счастливъ, потому что Господь Богъ нашъ прославилъ черезъ тебя, мое все, имя свое и имя Богородицы. Никогда еще благодать Божія не проявлялась столь великолѣпно; никогда наши дѣды не получали такого великаго ея проявленія. Подобно тому, какъ Богъ помогъ Моисею вывести Израильтянъ изъ Египта, такъ онъ вывелъ насъ черезъ пустыню, помогая тебѣ. Слава ему, показавшему на тебѣ свое безконечное милосердіе. Что мнѣ сдѣлать, о, моя любовь, чтобы достойно вознаградить твои чрезвычайные труды, о, моя радость, о, счастье глазъ моихъ! Могу ли я хоть по крайней мѣрѣ думать, о, мое сердце, что я тебя скоро опять увижу, о, мой цѣлый свѣтъ! Для меня будетъ великій день, когда я опять увижу тебя возлѣ себя, о, моя душа! Если бы

было возможно, я желала бы, чтобы ты вернулся, какъ по волшебству, въ нѣсколько мгновеній. Благодаря Бога твои письма доходятъ благополучно; отчетъ о битвѣ при Перекопѣ пришелъ 11-го; въ этотъ день я отправилась на богомолье въ Воздвиженскій монастырь, совершая путь пѣшкомъ; когда я подходила къ Сергіевскому монастырю, меня догналъ твой гонецъ. Я не знаю даже уже, какъ я дошла до конца пути. Я читала въ дорогѣ. Какъ выразить благодареніе Богу, Пресвятой Богородицѣ, милосердію Святого Сергія чудотворца! Ты совѣтуешь мнѣ творить милостыню по монастырямъ: я все выполнила; во всѣ я ходила на богомолье, какъ и въ этотъ, пѣшкомъ. Медали еще не готовы; но не безпокойтесь; какъ только будутъ готовы, я вамъ ихъ пришлю. Ты совѣтуешь мнѣ молиться: я такъ и дѣлаю, а Господь, слышащій меня, также хорошо знаетъ, какъ долго я тебя не вижу, о, мой свѣтъ, о, моя душа! Я надѣюсь на его милосердіе; онъ поможетъ мнѣ скоро увидѣть тебя, о, вся моя надежда! Во всемъ, что касается арміи, ты можешь рѣшать по своему усмотрѣнію. Что же касается меня, то я здорова, твоими, конечно, молитвами. Мы всѣ совершенно здоровы. Когда Богъ сподобитъ меня увидѣть тебя, то я разскажу тебѣ все, о, мой свѣтъ; ты узнаешь о моемъ житьѣ, о дѣлахъ; но не медлите; выступайте; но тѣмъ не менѣе не утруждайтесь, вы можете утомиться. Какъ я могла бы васъ прежде всего вознаградить за все? Никто еще не сдѣлалъ того, что ты сдѣлалъ и ты могъ этого достичь только при такомъ стараніи». «Софья».

Хотя и не будучи составлено въ стилѣ героини m-lle Скюдери, письмо тѣмъ не менѣе довольно убѣдительно въ этомъ отношеніи. Если вѣрить въ этомъ Ла-Невиллю, Софья не затруднилась бы воздать своему герою награду, какой она считала его достойнымъ, если бы не одно препятствіе, которое портило всѣ планы награды. Это препятствіе называлось m-me Голицына. И, къ несчастью, герой отказывался сдѣлать все необходимое для его устраненія, исходя изъ чувства чести, кромѣ того, что онъ имѣлъ отъ нея большія средства и дѣтей, бывшихъ ему болѣе дорогими, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ имѣлъ отъ царевны, и которыхъ онъ любилъ, пока былъ счастливъ. «Тѣмъ не менѣе—продолжаетъ историкъ,—такъ какъ женщины изобрѣтательны, то она (Софья) такъ повела дѣло, что уговорила (Голицына) убѣдить свою жену сдѣлаться монахиней, расчитывая, что по православной религіи въ такомъ случаѣ мужъ по силѣ своего темперамента, не позволяющаго ему сохранять безбрачіе, получаетъ

разрѣшеніе вновь жениться. Когда эта добрая женщина развязала имъ руки, принцесса больше уже не колебалась въ исполненіи своихъ намѣреній».

Она не ожидала другого препятствія, которое вдругъ встало между нею и близкимъ осуществленіемъ ея завѣтныхъ желаній.

IV.

Среди ужасныхъ потрясеній, которыя въ нѣсколько пріемовъ начертали на его молодомъ челѣ тяжелую тайну Ивана Грознаго и наполнили его зрѣніе кровавыми видѣніями, сынъ Наталіи Нарышкиной игралъ, какъ это хорошо извѣстно, только роль безмолвной жертвы. Правда, что услужливыя басни представляютъ его удивляющимъ свѣтъ своимъ мужествомъ не по лѣтамъ, не боящимся убійцъ и заставляющимъ ихъ отступить подъ огнемъ и величіемъ своего взора. Въ то же время не менѣе раннее развитіе его генія оставляло далеко за собою подвиги Пика де-Мирандоль. Въ три года его представляютъ командующимъ полкомъ и представляющимъ рапорты отцу. Одиннадцати лѣтъ онъ подъ руководствомъ шотландца Мекезія прошелъ всѣ премудрости военнаго искусства и высказывалъ въ нѣкоторомъ отношеніи свои личные взгляды и новаторскія обобщенія. Я придаю большое значеніе разсказамъ, но не отказываюсь оспаривать ихъ въ силу исторической необходимости, когда они представляются мнѣ ошибочными. Здѣсь они ошибочны во всемъ рѣшительно. Физическій и умственный ростъ будущаго великаго человѣка представляется, наоборотъ, развивающимся довольно медленно. Этотъ колоссъ не безъ труда былъ поставленъ на ноги. Трехъ лѣтъ онъ былъ еще у кормилицы; одиннадцати лѣтъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Полководецъ на помочахъ и его полкъ *(Петровъ полкъ)*, о которомъ лучше настроенный историкъ обычно съ удовольствіемъ распространяется въ трудѣ, довольно впрочемъ любопытномъ,—лишь фикція и наивность. Болѣе того. Даже уже въ гораздо болѣе зрѣломъ возрастѣ Петръ никогда не представлялъ доказательствъ природной храбрости. Онъ былъ слишкомъ нервенъ для этого, слишкомъ легко возбудимъ. Его первые шаги въ свѣтѣ, которыми онъ поднялъ шумъ вокругъ своихъ дѣяній, не имѣли ничего геройскаго. Мужество, какъ и знаніе, явились у него поздно, и съ такимъ же усиліемъ воли, закаленной испытаніями. Эти страшныя испытанія, эти мученія, эти ужасы, которыми было напол-

нено его дѣтство, наложили съ другой стороны на его темпераментъ и его характеръ неизгладимую печать, выработавъ въ немъ силу воли при легкомъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ, подъ легкими ударами насилія, при свойственномъ всякому человѣку отступленіи передъ опасностью, особенно предоставленному самому себѣ. Конечно, воля взяла верхъ и естественно, что онъ предпочелъ покориться; но онъ все-таки остался самимъ собою. Понятно, что Петръ всю свою жизнь остался трусомъ; но поэтому же самому онъ остается вѣроломнымъ — но это вѣроломство не сознательное во всемъ и не расчитанное, какъ у Наполеона, а совершенно непосредственное, выходящее въ данный моментъ изъ повиновенія волѣ и разуму. Эта печать, впрочемъ, на которую я указалъ, этотъ признакъ вырожденія, онъ остается у него на всю жизнь, запечатлѣннымъ на тѣлѣ, муча болѣзненнымъ подергиваніемъ его повелительное и грубое лицо, придавая ему рѣзкое выраженіе. Говорили даже о попыткѣ отравленія, оставившей этотъ слѣдъ. Физическій ли ядъ или нравственный, но суть одна и та же. Тотъ, который влили въ жилы бѣднаго ребенка *стрѣльцы,* заставивъ его маленькими ногами скользить по крови его дядей, мнѣ кажется, болѣе сильнымъ.

Онъ былъ напуганъ, какъ былъ бы напуганъ всякій ребенокъ на его мѣстѣ; онъ, навѣрное, прятался въ юбки своей матери и онъ безъ сожалѣнія разъ на-всегда покинулъ мрачный дворецъ, населенный ужасными призраками. Ибо торжество Софьи осудило его еще на изгнаніе, его и всѣхъ его близкихъ, поставило его, если не внѣ закона, то по крайней мѣрѣ къ ихъ счастью внѣ обычнаго права. Ссылка для этого государя, который превратится въ столь необычайно безпокойнаго человѣка, это родъ убѣжища, какъ воздухъ для дыханія, оздоровляющій душу и тѣло; больше—это освобожденіе.

Онъ оказался въ выигрышѣ; онъ конечно являлся въ Кремль въ дни большихъ церемоній, чтобы возсѣдать на двойномъ тронѣ, экстренно заказанномъ въ Голландіи, который и теперь еще можно видѣть въ Московскомъ музеѣ; но это были лишь кратковременныя появленія; остальное время онъ былъ въ Преображенскомъ, свободный отъ какихъ бы то ни было заботъ, отъ всѣхъ требованій этикета власти—а большаго ему и не было нужно. Не нужно забывать, что онъ держался матерью въ относительно независимой средѣ. Съ самаго своего вступленія въ Кремль Наталія производила тамъ скандалы своими полу-англій-

скими выѣздами. Развѣ это не она рѣшалась поднять уголъ занавѣски, опущенной на стекла кареты! Петръ устранитъ вовсе эту занавѣску! Материнская наслѣдственность пріобщила его къ центру европейскаго просвѣщенія; а судьбѣ его было угодно, чтобы онъ держался въ сторонѣ отъ греко-латинско-польской школы, вліяніе которой было главенствующимъ до того въ Россіи. Представители этой школы съ Медвѣдевымъ во главѣ принадлежали къ партіи Софьи. Наставникъ Зотовъ, котораго ему дали и который съ нимъ занимался, долженъ былъ бѣжать и не былъ замѣщенъ. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ выбралъ себѣ другихъ по собственному усмотрѣнію, склоняясь безсознательно больше на сторону иностранцевъ. Онъ учился такимъ образомъ многому, не только вещамъ, относившимся къ военному дѣлу. Изъ него никогда не выйдетъ только солдатъ — вслѣдствіе слишкомъ практическаго ума, я бы охотно сказалъ слишкомъ буржуазнаго. Намъ представляютъ его отдавшимъ большую дань *Оружейной Палатѣ*, этому придворному складу оружія; но этотъ московскій арсеналъ XVII вѣка былъ военнымъ только по названію; это былъ родъ восточнаго базара; Петръ посылаетъ туда за часами, онъ забавляется разсматриваніемъ механизма, за садовыми инструментами, употребленіе которыхъ онъ проситъ ему показать.

Вѣдь такъ нравится преувеличивать значеніе дѣтской любознательности. Представимъ себѣ первое попавшееся дитя, хорошо одаренное, само собою разумѣется съ яснымъ умомъ; представимъ себѣ его совершенно лишеннаго систематическаго воспитанія и въ то же время совершенно свободнаго въ удовлетвореніи пытливости пробуждающагося ума, среди естественной работы его воображенія: ясно, что его инстинктивное стремленіе къ знанію обратится на массу предметовъ.

Петръ былъ *самоучка*, какъ писалъ однажды одинъ дипломатъ при его дворѣ въ примѣчаніи къ письму, адресованному къ Лейбницу. Отсюда не слѣдуетъ вовсе, что онъ былъ ученикъ съ раннимъ развитіемъ. Сохранились его тетради для занятій; въ шестнадцать лѣтъ его чистописаніе было слабо, его почеркъ дрожащій, и онъ научился только двумъ первымъ правиламъ ариѳметики. Его учитель, голландецъ Францъ Тиммерманъ, самъ едва могъ справиться съ умноженіемъ четырехзначныхъ чиселъ. Правда, что на подобныхъ урокахъ, ариѳметическія задачи чередовались съ задачами по начертательной геометріи.

Впрочемъ, еще одному случаю Петръ обязанъ тѣмъ, что довольно рано заинтересовался одною отраслью науки, мало предназначенною къ тому, чтобы занимать собою очень молодые умы. Въ 1686 году одинъ разговоръ случайно привлекъ его любопытство къ любопытному инструменту, вывезенному княземъ Яковомъ Долгорукимъ во время путешествія по иноземнымъ государствамъ. При помощи этого инструмента, говорили ему, можно измѣрять разстояніе, не сходя съ мѣста. Ничего подобнаго не было видано въ *Оружейной Палатѣ!* И называется *астролябіей*. Увы! Долгорукій вернулся съ пустыми руками: вещи этой не оказалось въ его домѣ; ее, безъ сомнѣнія, украли. По счастью, князь опять собирался отправиться въ страны, полныя диковинокъ; Софья и Голицынъ посылали его къ Людовику XIV съ порученіемъ просить помощи противъ турокъ. Христіанскій король оказалъ послу пріемъ, который можно было предвидѣть, но *астролябія* была куплена. Когда Петръ получилъ ее въ руки, то вначалѣ онъ былъ очень смущенъ: какъ ею пользоваться? Кто-то сказалъ о Тиммерманѣ, и голландецъ, строившій дома въ *Нѣмецкой слободѣ,* сдѣлался преподавателемъ математики въ Преображенскомъ. У Петра не было ни времени, ни желанія, ни средствъ при такомъ учителѣ подвинуться слишкомъ далеко въ этой отрасли знанія. Очевиднѣе и проще всего, что *астролябія* въ его рукахъ была лишь яснымъ доказательствомъ стремленія во все вникать, которое составляетъ основу всѣхъ дѣтскихъ натуръ. Безъ сомнѣнія, способъ, которымъ у него обнаружилось это общее стремленіе, выходилъ изъ ряда обычнаго на взглядъ большинства, указывая не только на характеръ, складывавшійся своеобразно и склонявшійся къ любознательности даже въ ребенкѣ, но также и на совершенно особенныя обстоятельства, подъ вліяніе которыхъ подпалъ его умъ. Его судьбѣ было угодно, чтобы въ средѣ, гдѣ онъ вращался, вещи, наиболѣе энергично привлекавшія его вниманіе въ поискахъ за своими свѣдѣніями, наиболѣе привлекательныя, наиболѣе *любопытныя*, были бы въ то же время наиболѣе научныя и полезныя; вещи изъ новаго міра, населеннаго чудесами, съ которымъ эта среда приходила въ соприкосновеніе.

Вопреки всѣмъ розсказнямъ, не вполнѣ достовѣрно, чтобы въ десять лѣтъ или даже въ шестнадцать, будущій реформаторъ могъ отдавать себѣ отчетъ, какую выгоду получитъ когда-нибудь Россія отъ управленія государемъ, изучившимъ на практикѣ *четырнадцать* ремеслъ. Цифра эта предвзята. Петръ ни-

когда не изучалъ четырнадцати ремеслъ; онъ дѣйствительно изучилъ на практикѣ нѣкоторыя, даже, напримѣръ, токарное или зубоврачебное, но безъ видимой пользы для кого или чего-либо. Разбрасываясь такимъ образомъ, онъ, какъ бы ни былъ великъ размахъ его безконечно разнообразныхъ способностей, подвергался риску остаться поверхностнымъ, и этого онъ не избѣжалъ. Позднѣе, научившись отъ равныхъ себѣ и обративши эти естественныя склонности къ обученію другихъ, онъ замѣтилъ, что говорить своимъ подданнымъ «дѣлайте то-то и то-то, проснитесь, научитесь»—ничего не стоитъ въ сравненіи съ могущественнымъ собственнымъ примѣромъ; тогда по принципу, но всегда также по влеченію, охотно, по вкусу и подъ давленіемъ... атмосферы, онъ продолжалъ самъ увлекаться, приниматься то за одно, то за другое, за все вмѣстѣ, случайное, за всѣ науки, за всѣ знанія, дѣлать всюду и вездѣ всякое дѣло своими руками. И это были все еще тѣ самые мотивы, которые толкнули его когда-то на единственную дорогу, на которой онъ могъ достичь совершенства, чтобы сдѣлаться хорошимъ практикомъ, если не мастеромъ, гдѣ въ то же время онъ находилъ себѣ неисчерпаемый источникъ удовольствій, не говоря уже о положительныхъ и постоянныхъ благодѣяніяхъ для себя и для своей страны.

Всѣмъ извѣстна исторія, прикрашенная и соотвѣтственно преувеличенная, о старомъ англійскомъ ботикѣ, найденномъ среди хлама въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ дядѣ молодого героя, Никитѣ Ивановичу Романову. Изобрѣтательная во всемъ легенда хочетъ, чтобы Петръ ребенкомъ долгое время чувствовалъ отвращеніе къ жидкой стихіи до того, что блѣднѣлъ и дрожалъ при видѣ ручейка. Можетъ быть это только символическое выраженіе естественной трудности для туземца, жителя обширнѣйшаго въ мірѣ материка, войти въ близость съ этою отдаленною стихіей, невиданной, неизвѣстной, почти недоступной. Петръ далъ Россіи флотъ раньше, чѣмъ далъ море; весь характеръ его дѣла со всею его стремительностью, ненормальностью и парадоксальностью, выясняется въ этомъ разсказѣ. Старая деревянная, наполовину сгнившая лодка, измайловскій ботикъ, привлекши вниманіе ребенка, будто бы побѣдила его страхи и рѣшила его морское призваніе.

Нѣтъ еще никакихъ данныхъ для объясненія присутствія этой лодки въ сосѣдней съ Москвою деревнѣ, на сушѣ среди ровныхъ полей.

Когда Петръ впослѣдствіи рѣшилъ устроить мастерскую для морскихъ построекъ въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ дальше, на Переяславскомъ озерѣ, то онъ шелъ тутъ только по намѣченнымъ слѣдамъ, обозначеннымъ еще до него; онъ создалъ эту удивительную вещь—флотъ безъ моря; но не онъ его придумалъ. Собственно говоря, какъ дальше будетъ видно, онъ ничего не придумалъ въ рядѣ своихъ многочисленныхъ преобразованій. Въ этомъ направленіи въ царствованіе царя Алексѣя уже дѣлались попытки; въ Дѣдиновѣ, на берегахъ рѣки Оки, была выстроена яхта *Орелъ*, при помощи приглашенныхъ для этого иностранныхъ плотниковъ. Штройсъ много распространяется объ этомъ въ своихъ *Путешествіяхъ*. Идея, еще смутная, носилась въ воздухѣ, но уже, несомнѣнно, все клонило къ ея осуществленію.

Какъ и *астролябія*, измайловскій ботикъ представился взорамъ Петра сначала, какъ какой-то таинственный предметъ.

Крестьяне иногда видѣли, что корабль плавалъ *противъ вѣтра*.

Еще чудо. Спустить его на воду на сосѣднемъ пруду было пустымъ дѣломъ. Но какъ же заставить его маневрировать? Тиммерманъ ничего не слыхивалъ объ этомъ. По счастью, плотники, тоже голландцы, работавшіе въ Дѣдиновѣ, не всѣ еще разошлись.

Нѣкоторые изъ нихъ жили въ *Слободѣ*. Такимъ образомъ у Петра явилось еще два учителя, два плотника Карштенъ-Брандтъ и Кортъ. Они посовѣтовали перенести ботикъ въ Переяславль. Тамъ была обширная водная поверхность. Петръ послѣдовалъ ихъ совѣту и съ жаромъ ухватился за ихъ науку.

Но въ сущности это была школа кустарная, которая годилась лишь на первое время. Онъ пріобрѣлъ тамъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній, но въ особенности привычки и наклонности, изъ которыхъ нѣкоторыя были плачевны.

Онъ пріобрѣлъ еще здоровье, силу; онъ упражнялъ мускулы, создалъ физическое здоровье исключительной крѣпости, помимо и несмотря на первые припадки—результатъ наслѣдственности; нравственный характеръ удивительно подвижной, благодаря тѣмъ же припадкамъ, сильный и предпріимчивый.

Онъ пріобрѣлъ себѣ также друзей, цѣлый небольшой народъ, собранный наудачу изъ многочисленной дворни, окружавшей его, при его постоянныхъ скитаніяхъ, изъ молодцовъ съ отцовской конюшни *(конюховъ)*, скакавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на неосѣдланныхъ мѣстныхъ лошадяхъ, и изъ уличныхъ ребятишекъ. Легко можно представить себѣ, что онъ игралъ съ ни-

ми въ солдаты; конечно, онъ ими предводительствовалъ. Такимъ образомъ онъ во главѣ полка, и изъ этой второй забавы родилась мысль о другомъ громадномъ созданіи—о русской арміи. Дѣйствительно, псевдо-морскія игры на Переяславскомъ озерѣ и псевно-военныя игры на военномъ плацу Преображенскаго, эти двѣ отправныя точки привели къ двумъ конечнымъ пунктамъ: къ побѣдамъ на Балтикѣ и къ Полтавской битвѣ!

Но чтобы свести это къ дѣйствительности, чтобы объять такое огромное разстояніе, нужно было нѣчто иное, кромѣ одного промежутка между дѣтствомъ и зрѣлымъ возрастомъ, одного лица, даже самаго выдающагося, какого только можно себѣ представить; нѣчто другое, кромѣ развитія въ предѣлахъ человѣческой возможности единоличнаго генія; нужно было собраніе огромныхъ коллективныхъ силъ, соединившихся въ своемъ стремительномъ натискѣ, готовыхъ заранѣе, но остававшихся безъ движенія въ ожиданіи удобнаго часа, подходящаго человѣка, чтобы придти въ дѣйствіе, и, съ появленіемъ человѣка и наступленіемъ часа, подняться вдругъ, и сохранить при этомъ свои свойства постольку, поскольку онъ ими пользовался, продвигая въ свою очередь впередъ и его постольку, поскольку онъ ускорялъ ихъ дѣйствіе.

Человѣкъ былъ самъ лишь продуктъ этой скрытой энергіи, и потому онъ такъ и пришелся кстати, вышелъ изъ нихъ, воспитался съ ними и ими.

И не только армія и флотъ, но и новое общество подготовлялись тамъ, среди предпріятій и шумныхъ забавъ неудержимаго юноши. Скоро вся старая аристократія, вся старинная власть Москвы падетъ къ ногамъ этихъ дерзкихъ компаньоновъ, оторванныхъ отъ конюшенъ и кухонь, изъ которыхъ онъ надѣлаетъ графовъ и князей, министровъ и маршаловъ. Но и тутъ онъ лишь вновь завяжетъ порванную нить національныхъ традицій; онъ ничего не выдумаетъ новаго; онъ подражаетъ только предкамъ до-монгольскаго періода, начальникамъ *дружины* (шайка собутыльниковъ), работавшимъ наравнѣ съ своими *друтами*, пившимъ съ ними, по окончаніи трудовъ, и отказывавшимися стать магометанами, ибо «Руси есть веселіе пити».

Петръ всегда будетъ хорошимъ товарищемъ и веселымъ собутыльникомъ; онъ надолго еще сохранитъ черты, на взглядъ нѣкоторыхъ непріятныя, этого компанейства, исходящаго изъ низшихъ слоевъ народа, и въ этомъ отношеніи онъ оставитъ кое что собственное, передѣланное имъ въ соціальномъ духѣ.

Народные обычаи эпохи, предшествовавшей его появленію, нашли уже своихъ страстныхъ поборниковъ. Восхваленіе должно было распространиться и на духовный обликъ великаго реформатора и это было бы рискованное предпріятіе. Непристойныя привычки, грубыя манеры, унизительные пороки, кабацкій духъ съ оттѣнкомъ цинизма, все, что тамъ было грубаго, все это Петръ усвоилъ на улицѣ, въ общественной жизни своей дореформенной страны. Онъ потерпѣлъ отъ того, что сохранилъ вкусъ съ нимъ, и еще болѣе отъ того, что желалъ, чтобы и народъ его сдѣлалъ то же.

V.

Царица Наталія, кажется, спохватилась слишкомъ поздно объ опасности, создавшейся для ея сына отъ такого рода знакомства. Она сама не имѣла другого, которое бы за неимѣніемъ лучшаго заняло его. Происхожденіе потѣшныхъ полковъ восходитъ по самымъ вѣрнымъ даннымъ къ 1682 году, чего вполнѣ достаточно, чтобы опровергнуть наконецъ утвержденіе, что они имѣли серьезный характеръ, какъ это думаютъ имъ придать: Петру было десять лѣтъ. Но въ 1687 году военныя игры юнаго царя начали принимать размѣры, обратившіе всеобщее вниманіе. Въ Преображенскомъ на берегахъ Яузы была выстроена крѣпостца, и на нее воздвигли пушку!

Спустя годъ, состоялось открытіе англійской шлюпки, и раздираемый съ этихъ поръ между водою и огнемъ, привлекаемый въ Переяславль, Петръ вышелъ изъ всякаго повиновенія. Разсказываютъ, что онъ рисковалъ жизнью въ этихъ упражненіяхъ, гдѣ несчастія бывали часты. Чтобы сразу положить этому конецъ, Наталія нашла средство, результатъ котораго казался ей вѣрнымъ. «Женится—перемѣнится» говоритъ русская пословица. Она нашла жену своему сыну. Онъ предоставилъ ей это дѣло.

Въ противоположность своему будущему противнику, суровому Карлу XII, онъ не чувствовалъ къ прекрасному полу ни равнодушія, ни ненависти. 28 января 1689 года онъ ввелъ во дворецъ Евдокію Лопухину, дочь одного знатнаго боярина.

Но онъ не оправдалъ пословицы. Спустя три мѣсяца, чета была уже разведена: онъ отправился на берегъ Переяславскаго озера, она начала первые шаги вдовства, которое должно было продолжаться всю ея жизнь. Плаваніе сдѣлалось для юнаго царя болѣе чѣмъ удовольствіемъ, — странною, исключительною страстью. Въ его душѣ проснулась неопредѣленная наслѣдствен-

ность, происходившая отъ отдаленныхъ варяговъ; онъ никогда не видѣлъ моря, и онъ только и бредилъ имъ; онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ его. И всюду онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ по традиціи: уже въ теченіе двухъ столѣтій всѣ войны, предпринятыя его предшественниками, имѣ-

Царица Евдокія.
Съ портрета гр. Воронцова-Дашкова.

ли въ виду эту цѣль: достичь моря, будь то на сѣверо-западѣ, отбросивъ Польшу или Швецію, будь то на югѣ, отодвинувъ Турцію.

Но онъ пуститъ для этого своихъ конюховъ; ему рисуются въ воображеніи уже стратегическіе планы, которые вовлекутъ въ битву и въ сраженіе морскія и сухопутныя силы, которыми онъ располагаетъ. А силы эти росли вмѣстѣ съ юношей, ростъ котораго становился уже гигантскимъ. Игрушка становилась уже почти оружіемъ.

Въ сентябрѣ 1688 года юный царь потребовалъ для своихъ военныхъ забавъ всѣхъ барабанщиковъ и всѣхъ дудочниковъ избраннаго *стрѣлецкаго* полка; въ ноябрѣ къ великому неудовольствію князя Василія Голицына онъ отобралъ у другого полка двѣ трети его состава и забралъ въ складѣ *конюшеннаго приказа* необходимыя принадлежности для своей потѣшной артиллеріи. Въ Преображенскомъ была учреждена настоящая канцелярія по набору и туда являлись записываться на эти должности не только конюхи и повара. Между новобранцами являлись представители самыхъ знатныхъ московскихъ фамилій—Бутурлинъ, Голицынъ.

Впрочемъ, присутствіе этихъ аристократовъ есть противорѣчіе, одна изъ тѣхъ неожиданныхъ ироній, которыми изобилуетъ исторія. Пока еще безсознательный работникъ великаго политическаго и общественнаго обновленія, не знающій самъ, куда онъ идетъ, если дѣло шло не объ удовольствіяхъ, Петръ сдѣлался, безъ сомнѣнія, орудіемъ партіи, которая преслѣдовала самыя различныя цѣли. Его труды немедленно примѣнялись въ пользу діаметрально противоположныхъ стремленій. Среди этихъ пришельцевъ, которые вдругъ подвинутъ будущаго реформатора къ требованію своихъ узурпированныхъ правъ, да именно въ ихъ рядахъ, соберется также когда-нибудь толпа наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ реформы. Но сейчасъ суть не въ реформѣ, дѣло шло совсѣмъ о другой вещи. Средства, которыми Милославскіе и Софья въ свою очередь пользовались, чтобы укрѣпить и завоевать свою власть, уничтоженіе мѣстничества, потомъ поднятіе народнаго возстанія, соединили въ себѣ ихъ цѣли съ цѣлями низшихъ классовъ. Пораженная въ своихъ правахъ, въ своихъ старинныхъ обычаяхъ, высшая знать, по крайней мѣрѣ та, которая наиболѣе упорствовала противъ идей прогресса, естественно также должна была группироваться сначала около Матвѣева и Наталіи, потомъ около Петра. Какъ бы то ни было—оружіе, съ которымъ Петру нравилось играть, въ намѣреніяхъ тѣхъ, кто теперь явился къ нему на помощь ковать желѣзо и оттачивать его, было предназначено для ускоренія торжества консервативныхъ противоевропейскихъ идей, противъ человѣка, наиболѣе близкаго къ Европѣ, котораго когда-либо знала Москва. «Долой Василія Голицына!»—вотъ ихъ воинственный кличъ. Преображенское попросту сдѣлалось естественнымъ центромъ собранія недовольныхъ всякаго происхожденія, между которыми реакціонеры, будучи самыми вліятельными, есте-

Петръ Великій на набережной.

КАРТИНА СѢРОВА. ПРІОБРѢТЕНА ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕЙ. ПЕЧАТАЕТСЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Худож. фототипія К. А. Фиш

ственно заняли первое мѣсто. Пораженый самъ, обиженный и отстраненный переходнымъ режимомъ, конца котораго они съ нетерпѣніемъ ожидали, Петръ былъ предназначенъ быть ихъ главою, будущимъ, какъ они, по крайней мѣрѣ, надѣялись,—мстителемъ за общія обиды.

Но онъ объ этомъ не заботился. Онъ забавлялся. Онъ забавлялся на водахъ Переяславля тѣмъ, что заставлялъ плавать корабли, паруса которыхъ еще не надувалъ никакой реформаторскій вѣтеръ. Подъ прикрытіемъ его имени и при его содѣйствіи готовилась борьба между безмолвнымъ Кремлемъ и шумнымъ лагеремъ, гдѣ онъ проявлялъ юношескій пылъ; но въ этой партіи, гдѣ ставкою служила его судьба и судьба Россіи, единственная выгода, которую онъ получилъ бы и которой онъ добивался, состояла въ болѣе широкой аренѣ для примѣненія его ученическихъ фантазій. Пройдутъ еще годы, прежде чѣмъ онъ откроетъ свой истинный путь, беззаботный до самаго его нахожденія, и послушный своимъ случайнымъ проводникамъ. Въ день, назначенный ими, онъ отправится и приступомъ захватитъ власть, имъ же предоставитъ награды, достойныя побѣды.

Такимъ образомъ онъ вступаетъ въ исторію задомъ, повернувшись спиною къ своей судьбѣ и славѣ.

Поворотъ наступилъ въ іюнѣ 1689 года.

Троицкій монастырь.

I.

Оправдываемое, если не непосредственно мотивируемое молодымъ возрастомъ Петра, регентство Софьи въ 1689 могло продолжаться болѣе или менѣе законно еще лишь нѣсколько лѣтъ. Петру наступалъ только восемнадцатый годъ, а въ Россіи, подобно тому какъ во Франціи при Карлѣ V, не было закона, опредѣляющаго время наступленія совершеннолѣтія для государей. Нетерпѣніе и честолюбіе ускоряли шествіе времени. Но этого не было со стороны Петра. Нетерпѣніе и честолюбіе были ему такъ мало знакомы, что сами совершившіяся событія долгое время ничего не мѣняли въ его обычныхъ занятіяхъ. Начавшее собою женовластіе, какъ бы предназначенное не задолго до этого сдѣлать этотъ режимъ почти постояннымъ въ Россіи въ продолженіе почти цѣлаго вѣка,—отъ Екатерины I до Екатери-

ны II,—правленіе Софьи и ея соправителя, мнѣ кажется, не заслужило ни критики, ни восхваленій, одинаково исключительнымъ предметомъ которыхъ оно служило. Ни Вольтеръ съ Невиллемъ, дѣлающій изъ царевны чуть не Лукрецію Борджіа, ни Карамзинъ съ Левекомъ и Кономъ, провозглашающіе ее «чуть ли не одною изъ величайшихъ женщинъ, бывшихъ когда-нибудь на міровой сценѣ»,—на нашъ взглядъ несправедливы по отношенію къ ней. Мюллеръ въ своей критикѣ очерковъ Вольтера, и среди прежнихъ русскихъ историковъ Болдинъ въ своихъ *Замѣчаніяхъ* на исторію Леклерка и особенно Эминъ, а между современными Аристовъ, пытались, но не вполнѣ успѣшно, согласовать эти противорѣчивыя утвержденія. Мнѣ представляется, что это въ общемъ было управленіе еще вполнѣ византійскаго склада. Придворныя интриги, борьба партій, бунты преторіанцевъ, богословскіе споры изъ-за того, сколькими пальцами слѣдуетъ креститься на молитвѣ, сколько разъ слѣдуетъ произносить *аллилуіа*, и не должна ли Троица быть въ четырехъ лицахъ, съ отдѣльнымъ тономъ для Спасителя міра, — все это тамъ было. Однако, являлись примѣшанными туда и другіе элементы, которые поднимали уровень: продолженіе экономическаго обновленія, начатаго уже въ царствованіе Алексѣя, и начало умственнаго обновленія.

Голицынъ основывалъ дома въ Москвѣ, а Софья писала пьесы для театра; она заставляла ихъ играть въ Кремлѣ; нѣкоторые утверждаютъ, что она даже сама играла въ нихъ. Въ политикѣ регентства, какъ внутренней, такъ и внѣшней не было недостатка ни въ энеріи, ни въ искусствѣ.

Оно рѣшительно поразило зачинщиковъ религіозныхъ споровъ, послѣдовавшихъ за мятежными раскольниками, и явившимися во дворецъ, какъ явились туда *стрѣльцы*, чтобы отыскать патріарха и вступить съ нимъ въ споръ. Никита, начальникъ *раскольниковъ*, былъ наказанъ.

Оно энергично принялось за водвореніе порядка, а такъ какъ стрѣльцы присвоили себѣ привилегію его нарушать, то оно не побоялось преслѣдовать даже вплоть до этихъ союзниковъ старины.

Оно обратилось къ народу противъ мятежнаго войска; угрожаемое въ Кремлѣ, оно перенесло оттуда тронъ и поставило его подъ покровительство святыни. Въ октябрѣ 1682 года Софья и Голицынъ искали убѣжища въ *Троицкомъ* монастырѣ.

Традиціонное убѣжище царствующаго дома въ дни несчастія, «Троица», въ 10 лье отъ Москвы, сохраняла въ эту эпоху

общій характеръ большихъ русскихъ *обителей*: маленькіе укрѣпленные города съ монашескимъ населеніемъ изъ послушниковъ и слугъ, которое считалось тысячами, съ церквами, считавшимися дюжинами, а также съ фабриками, мастерскими и разными службами. Здѣсь спасался Борисъ Годудновъ, и тамъ до сихъ поръ еще съ гордостью показываютъ слѣды польскихъ бомбъ, которые-де означаютъ ихъ безсиліе въ борьбѣ со святымъ мѣстомъ. Петръ въ свою очередь явился туда неожиданно просить помощи и покровительства.

Призывъ временнаго правительства былъ услышанъ и ему была дана армія. Завлеченный въ западню въ Воздвиженскомъ на полдорогѣ между Москвой и *Троицей*, Хованскій, теперь враждебный вождь *стрѣльцовъ*, сложилъ тамъ свою голову.

Его сына постигла та же участь. Обезглавленный вмѣстѣ съ ними мятежъ сложилъ оружіе.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Голицынъ показалъ себя, по крайней мѣрѣ въ области дипломатической, вѣрнымъ и счастливымъ представителемъ старинной политики территоріальнаго расширенія, которое постепенно все отодвигало къ югу и западу границы Московіи. Искусно воспользовавшись въ своихъ видахъ затрудненіями, въ которыя, несмотря на побѣды Собѣсскаго, поставила поляковъ продолжительная война съ Турціей, онъ отнялъ у нихъ Кіевъ. Въ іюнѣ 1685 года новый митрополитъ, назначенный въ древнюю столицу, согласился получить посвященія отъ московскаго патріарха: это былъ рѣшительный шагъ на пути, который долженъ былъ привести къ занятію малороссійскихъ земель и къ раздѣлу республики.

Эти успѣхи были къ несчастью испорчены злополучнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, самое происхожденіе которыхъ лежало въ могуществѣ, заключавшемся въ регентствѣ. Усмиряя сторонниковъ безпорядка и анархіи, Софья и Голицынъ обратились противъ ихъ виновниковъ. Среди ошибокъ, которыя они совершили съ своей стороны, и злобы, которую они вызвали съ другой, ихъ политика встрѣчала пустоту. Скоро она уже толковалась, какъ бѣдствіе. Со слѣдующаго года она уже нуждалась въ помощи. Оскорбленные и недовольные бояре, казалось, подняли голову; на Лубянской площади, обширнѣйшей въ столицѣ, собралась толпа. Здѣсь было поднято безымянное письмо; оно приглашало народъ идти толпою въ Казанскій Соборъ, гдѣ за иконой Богородицы спрятана другая бумага, которая укажетъ, что надо дѣлать. Отправились туда и нашли памфлетъ противъ

Софьи и призывъ къ народу убить бояръ, которые поддерживали царевну. Памфлетъ былъ комедіей и имѣлъ своимъ авторомъ Шакловитаго, новаго совѣтника, допущеннаго къ себѣ Софьей, представителя старой Московіи, въ наиболѣе чистомъ византійскомъ духѣ, жестокаго и скрытнаго интригана. Царевна представилась запуганной, а честной народъ приглашался для того, чтобы освободить ее отъ враговъ.

Наконецъ и во внѣшнихъ дѣлахъ удача отвернулась. Обѣщавши Польшѣ въ обмѣнъ за Кіевъ помощь московскимъ войскомъ противъ турокъ, регентъ два раза отправлялся въ Крымъ. Это тоже была проторенная дорожка. Крымскіе татары составляли преграду между Москвою и Константинополемъ, которую Россія стремилась опрокинуть уже въ теченіе цѣлаго вѣка. Но Голицынъ вовсе не былъ великимъ полководцемъ; при всякомъ походѣ онъ хоронилъ въ степяхъ армію, огромныя средства и то, что еще у него оставалось отъ славнаго имени. Отправляясь во второй походъ, онъ нашелъ передъ дверями своего дворца гробъ съ слѣдующей надписью: «постарайся быть счастливѣе». Когда онъ возвратился въ Москву въ іюнѣ 1689 года, его возвращеніе было встрѣчено ужасными криками, свистомъ и угрозами смерти.

Его обвиняли публично, что онъ далъ себя подкупить. Даже видѣли, какъ проносили въ его палатку боченки, наполненные французскими луидорами. Преображенскій лагерь день ото дня увеличивался притокомъ новыхъ силъ; Софья видѣла, что и вокругъ нея растутъ ряды его сторонниковъ. Она мужественно держала голову противъ бури. Ея честолюбіе и ея любовь были, повидимому, въ апогеѣ. Ей удалось по поводу заключенія мира съ Польшею заставить провозгласить себя *самодержицею* на ряду съ братьями.

Отнынѣ этотъ титулъ фигурировалъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ, а въ общественныхъ церемоніяхъ царевна занимала мѣсто рядомъ съ братьями, или скорѣе со старшимъ, ибо Петръ не показывался тамъ вовсе. Она приказала выгравировать въ Голландіи свой портретъ съ шапкой Мономаха на головѣ. Въ то время и именно благодаря тому, что, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, она создала отсутствующему Голицыну тайнаго соперника въ лицѣ Шакловитаго, она съ возрастающимъ жаромъ преслѣдовала крайнюю цѣль своихъ первыхъ стремленій: свое замужество съ регентомъ и занятіе трона совмѣстно съ нимъ. Чтобы достичь этого, она выработала очень

сложный планъ, въ который долженъ былъ вмѣшаться самъ папа. Надо женить Ивана, а женѣ его дать любовника, чтобы у него были дѣти; такимъ образомъ Петръ былъ бы оттѣсненъ въ сторону; съ нимъ можно бы сговориться, чтобы онъ покончилъ съ собою; потомъ, употребивъ въ качествѣ приманки отвергнутое во всякомъ случаѣ предложенное сліяніе православной церкви съ Римомъ, можно было бы предложить папѣ провозгласить незаконность дѣтей Ивана, а разъ мѣсто очищено, Софьѣ и Голицыну ничего не оставалось бы, какъ занять его. Въ ожиданіи же царевна хотѣла наградить за смѣлость. Въ то время какъ Шакловитый, низведенный съ возвращеніемъ регента на роль подчиненнаго придворнаго и полицейскаго, преслѣдовалъ рѣдкихъ сторонниковъ Петра, осмѣливавшихся снять маску, и чинилъ имъ тайные допросы въ отдаленныхъ лѣсныхъ углахъ въ окрестностяхъ Москвы, она бросила вызовъ общественному мнѣнію, рѣшивши раздать награды военнымъ соратникамъ Голицына, котораго она рѣшила провозгласить побѣдителемъ. Настроенный окружающими, Петръ отказалъ въ своемъ согласіи. Она обошлась безъ него: это уже былъ открытый конфликтъ. Генералы и офицеры, одаренные почестями и пенсіями, отправились въ Преображенское, чтобы поблагодарить царя; онъ отказался ихъ принять: это уже былъ разрывъ.

II.

Наступила историческая ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года; свѣтлая лѣтняя ночь, которую, къ несчастью, омрачили противорѣчія исторіи и легенды. Вотъ что только кажется наиболѣе ясно. Петръ былъ внезапно разбуженъ бѣглецами, вырвавшимися изъ Кремля, которые явились предупредить его, что царевна собрала вооруженную силу, чтобы настичь его въ Преображенскомъ и умертвить. Нѣтъ ничего менѣе убѣдительнаго, чѣмъ осуществимость этой попытки, нѣтъ ничего менѣе вѣроятнаго. Документы, собранные наиболѣе освѣдомленнымъ изъ русскихъ историковъ, Устряловымъ—напротивъ ясно и очевидно доказываютъ, что Софья не думала и не могла думать въ этотъ моментъ о нападеніи на Преображенскій лагерь. Она знала, что онъ хорошо охраняется, держится на военную ногу, на-сторожѣ отъ всякихъ неожиданностей. Скорѣе она боялась или притворялась боящеюся наступательнаго движенія со стороны «*потѣшныхъ полковъ*», очень вымуштрованныхъ, очень пылкихъ, жаждавшихъ помѣряться съ кѣмъ-нибудь силою. Мы знаемъ,

что ея привычкою было представлять себѣ ужасы, чтобы поддерживать въ *стрѣльцахъ* и въ населеніи Москвы желаніе ее защитить. Она такъ мало была расположена дѣйствовать, что она до утра не знала о предупрежденіи, переданномъ ночью брату, и объ его послѣдствіяхъ. Уже давно Преображенское и Кремль были такимъ образомъ взаимно на-сторожѣ, опасаясь, подозрѣвая и обвиняя другъ друга въ воображаемыхъ покушеніяхъ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ, посѣщая Петра въ его «лагерѣ», по случаю освященія водъ Яузы, Софья явилась въ сопровожденіи трехъ сотенъ *стрѣльцовъ;* нѣсколько дней спустя, когда Петръ явился въ Кремль, чтобы поздравить съ праздникомъ свою тетку Анну, Шакловитый поставилъ пятьсотъ вѣрныхъ человѣкъ у *Краснаго крыльца* на случай всякаго происшествія.

Въ эту роковую ночь въ Кремлѣ была собрана вооруженная сила. Съ какою цѣлью? Впослѣдствіи Софья утверждала, что для того, чтобы утромъ сопровождать ее на богомолье. Въ рядахъ этихъ солдатъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу царевны, нашлись *пять*, позволившихъ произнесть угрозы по адресу Петра и его матери. Двое другихъ, имена которыхъ сохранились потомству, Мельковъ и Ладогинъ, нашли удобный случай бѣжать, отправиться въ лагерь Преображенскаго и явиться тамъ спасителями, въ качествѣ предупредителей. Нѣкоторые историки видятъ въ нихъ провокаторовъ, дѣйствовавшихъ по приказу, исходившему отъ партіи, которая толкала Петра къ выступленію. Можетъ быть. Вернемся къ результату, который установленъ.

Петръ началъ съ бѣгства; не позаботившись провѣрить наличность опасности, которая ему угрожала, онъ вскочилъ съ постели, бросился прямо на конюшню въ рубашкѣ, на босуногу, вскочилъ верхомъ на лошадь и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣкоторые *конюхи* скоро присоединились къ нему и привезли ему одежды. За ними послѣдовали еще въ небольшомъ количествѣ офицеры, солдаты. Теперь, когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ хотя бы достаточной охраной, онъ, не давши себѣ времени предупредить мать, жену, другихъ своихъ друзей, пришпорилъ лошадь и во всю прыть помчался по направленію къ *Троицѣ*. Онъ прибылъ туда въ шесть часовъ утра, разбитый тѣломъ и душей. Ему постлали постель; но онъ неспособенъ былъ заснуть; онъ залился слезами, громко рыдалъ, метался въ страхѣ, двадцать разъ принимаясь спрашивать архимандрита Винцента, можетъ ли онъ считать его своимъ покровителемъ. Этотъ мо-

нахъ уже давно былъ его преданнымъ сторонникомъ, и даже его заимодавцемъ въ критическіе моменты, когда мелочная разсчетливость Софьи вынуждала Петра обращаться къ нему. Его рѣшительныя и твердыя слова увѣрили, наконецъ, молодого царя. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ регента, Бутурлинъ и другіе крупные начальники изъ Преображенскаго постарались присоединиться къ бѣглецамъ въ *Троицѣ*.

Происходившее, а равно и все предыдущее, кажется, съ очевидностью доказываютъ, съ одной стороны, что окружающіе Петра приняли широкія мѣры противъ возгорѣвшейся теперь борьбы, и съ другой, что онъ самъ неспособенъ былъ фигурировать въ роли личнаго иниціатора и направителя. Онъ отдался на волю своихъ друзей и особенно заботился о своемъ Переяславскомъ озерѣ и о плававшихъ на немъ корабляхъ, которые онъ намѣренъ былъ перестроить на свой ладъ. Пока онъ оставилъ ихъ господами положенія, созданнаго ими же.

Къ концу дня монастырь наполнился; царицы Наталія и Евдокія, *Потѣшные*, стрѣльцы Сухаревскаго полка, уже давно бывшіе сторонниками молодого царя, являлись одни за другими. Чтобы такъ скоро найти свое мѣсто, всѣ должны были быть заранѣе предувѣдомлены, гдѣ искать его. Никакого слѣда неожиданности въ мѣропріятіяхъ, отвѣтственность за которыя тотчасъ принялъ Борисъ Голицынъ. Казалось, что все предпринималось и складывалось по намѣченному плану, и даже самое внезапное бѣгство царя является предусмотрѣннымъ событіемъ (можетъ быть даже послѣдовательно подготовленнымъ), какъ сигналъ передъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію въ непріятельскому лагерю. Что касается самого предмета вражды, то онъ подразумѣвался. Кажется безполезно объ этомъ говорить. Если нужно драться, то будутъ драться, чтобы рѣшить, кому быть хозяиномъ.

III.

Сначала вступили въ переговоры; Петръ написалъ Софьѣ, требуя у нея отвѣта о ночномъ вооруженіи въ Кремлѣ, а царевна послала уклончивый отвѣтъ. Съ той и другой стороны старались выиграть время; одинъ важный факторъ оставался въ сторонѣ отъ возгорѣвшейся борьбы: мѣстная и иностранная армія, большинство стрѣльцовъ и полки Гордона и Лефорта, которые еще не трогались. Дѣло шло о томъ, чтобы узнать, кому удастся привлечь ихъ на свою сторону. 16 августа

Петръ предпринялъ первые шаги: царская *грамота* сзывала на ближайшіе дни охотниковъ изъ всѣхъ этихъ войскъ, по десять человѣкъ отъ полка. Суровая отповѣдь Софьи; ея посланные, разставленные въ удобныхъ мѣстахъ, арестовываютъ гонцовъ царя, въ то время какъ другая грамота, подписанная правительницей, запрещаетъ солдатамъ и ихъ начальникамъ оставлять свои кварталы. Ослушникамъ—смертная казнь. Сначала мѣра казалась дѣйствительною: вызванные охотники не откликнулись на призывъ; прошелъ слухъ, что грамота Петра была подложная. Однако понемногу, незамѣтно, кварталы пустѣютъ, въ то же самое время въ *Троицѣ* увеличивается притокъ солдатъ и офицеровъ всякаго рода оружія; даже среди стоящихъ близко къ царицѣ показываются симптомы разложенія. Василій Голицынъ, самъ первый даетъ этому примѣръ. Полагаютъ, что онъ думалъ неожиданно отправиться въ Польшу, чтобы вернуться оттуда съ арміей изъ поляковъ, татаръ и казаковъ, и такимъ образомъ стать лицомъ къ лицу съ событіями. Софья отговорила его отъ этого проекта, разлучавшаго ее съ любовникомъ. Въ такомъ случаѣ онъ предоставляетъ ее своей судьбѣ, а себя—своей, удаляясь въ свой деревенскій домъ въ Медвѣдковѣ, въ трехъ лье отъ Москвы, предпочитая ни во что не вмѣшиваться. Иностраннымъ офицерамъ, являвшимся за полученіемъ его приказаній, онъ отвѣчалъ уклончиво. Это послужило сигналомъ непосредственнаго отпаденія.

Но сама правительница не давала еще брату выиграть дѣло. Она знала, чего ей надо ожидать отъ него. Уже вожаки поднявшихся *раскольниковъ*, наполнивши Кремль, кричали: «пора вамъ отправиться по дорожкѣ въ монастырь». Она предпочла бы лучше смерть! Она шлетъ въ *Троицу* гонцовъ съ предложеніемъ мира; она посылаетъ туда патріарха. Святой парламентеръ считаетъ за лучшее засвидѣтельствовать свои собственныя мирныя намѣренія и является о бокъ съ царемъ при торжественномъ пріемѣ перебѣжчиковъ изъ солдатъ и офицеровъ, число которыхъ ростетъ съ каждымъ днемъ. Она рѣшается рискнуть всѣмъ и отправляется сама. На полдорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, бывшемъ семь лѣтъ раньше убѣжищемъ, въ которомъ пала голова Хованскаго, ее арестовалъ Бутурлинъ. Ей запрещено идти дальше. А вооруженная сила, слѣдующая за бояриномъ, готовитъ свои мушкеты. Она забила отбой, но еще храбро держалась, обѣщая милости *стрѣльцамъ*, большое число которыхъ, сдерживаемое запутанностью происшествій, боязнью возмездія,

надеждою на новую поживу, оставалось еще вѣрными ей. Они давали слово умереть за нее, но, всегда колеблющіеся, недисциплинированные, явились 6 сентября передъ Кремлемъ, вызывая Шакловитаго, повѣреннаго, правую руку и временнаго любовника царевны, чтобы выдать его Петру. Они предполагали сдѣлать изъ него козла отпущенія, очистительную жертву, выдача которой утишитъ гнѣвъ царя и установитъ общій миръ. Послѣ прекраснаго сопротивленія, она кончила тѣмъ, что уступила, и съ этого момента ей стало ясно, что она не можетъ положиться ни на что и ни на кого.

Шакловитый въ рукахъ Петра ужасное оружіе. Подвергнутый допросу, онъ подъ ударами кнута выложилъ всѣ свѣдѣнія, желаемыя слѣдствію, которое повели противъ Софьи и ея приверженцевъ сторонники Петра. Эхо этихъ открытій извлекло даже самого Василія Голицына изъ его убѣжища и привело его въ Троицу, покорнаго и раскаявшагося. Это уже былъ конецъ. Петръ отказался его видѣть; но, благодаря вмѣшательству Бориса, онъ согласился не быть черезчуръ строгимъ. Экс-регента сослали въ Каргополь, по дорогѣ въ Архангельскъ, потомъ въ Яренскъ, далѣе на сѣверъ; его село было отобрано, все его имущество конфисковано, а ему назначенъ одинъ рубль въ день на прожитіе съ семьей, состоящей изъ пяти лицъ. Его продержали тамъ до 1715 года. Но полумилосердіе царя такъ и остановилось на этомъ. Шакловитый и его сообщники, истинные или предполагаемые, осуждены на смерть. Заключенный сначала въ монастырь, послѣ жесточайшихъ пытокъ Медвѣдевъ кончилъ тою же участью. Эшафотъ уравниваетъ всѣхъ.

Для Софьи, какъ она и предвидѣла, назначенъ монастырь, съ нѣкоторыми мѣрами предосторожности, которыя увеличивали строгость заключенія. Петръ сначала обошелся правильно съ братомъ. Въ письмѣ, тщательно составленномъ, онъ объявляетъ ему о козняхъ ихъ сестры, но защищается противъ обвиненія въ желаніи отнять права своего старшаго брата при возстановленіи нарушенныхъ ею правъ. Напротивъ, онъ говорилъ, что намѣренъ уважать прерогативы его титула. Онъ будетъ его любить и уважать всегда, какъ отца. Однако, онъ отказался принять его мнѣніе въ томъ, что касалось обращенія съ узурпаторшей. Гонецъ, товарищъ первыхъ дней, Иванъ Троекуровъ, получилъ порученіе прямо предложить царевнѣ сдѣлать выборъ монастыря на жительство. Послѣ нѣкотораго колебанія, она подчинилась и назначила недавно основанный монастырь св. Дѣвы

(*Ново-Дѣвичій*) по близости Москвы. Новый режимъ былъ установленъ.

Но это еще переходный режимъ. Между Иваномъ, который молча принималъ совершившіеся факты, и продолжалъ считаться только принадлежностью церемоніаловъ, и Петромъ, который, тотчасъ по минованіи кризиса, скрылся за спинами тѣхъ, кто ему помогъ столь побѣдоносно справиться съ нимъ, и обратился опять къ своимъ развлеченіямъ, власть отошла къ истиннымъ хозяевамъ момента. Борисъ Голицынъ, московитъ стариннаго уклада, живая противоположность двоюродному брату Василію, сначала имѣлъ наибольшее вліяніе; потомъ, когда онъ былъ скомпрометированъ помощью, оказанною виновному родственнику, и вызвалъ гнѣвъ Нарышкиныхъ, остались сами Нарышкины и другіе родственники царицы-матери.

Часъ будущаго великаго человѣка еще не пробилъ. Серьезная борьба, въ которую онъ былъ вовлеченъ неожиданно, не вывела его еще изъ юношескаго состоянія съ его потѣшными войсками и игрушечными сраженіями. Тѣмъ не менѣе эта борьба не оставила даже внѣшняго непосредственнаго результата на дальнѣйшей судьбѣ Петра, ни значительнаго вліянія на развитіе его характера и привычекъ. Юный царь предоставилъ дѣла своимъ товарищамъ по возстанію, но онъ скоро нашелъ другихъ, еще новичковъ, которые заняли въ его сердцѣ мѣсто послѣднихъ и были призваны, если не дѣлать вмѣстѣ съ нимъ исторію великаго царствованія, то, по крайней мѣрѣ, указать ему дорогу, которая поведетъ его и направитъ его шаги.

Человѣкъ.

Физическій портретъ.—Черты характара.

I.

Тотъ, кого англійскій портретистъ, Готфридъ Кнеллеръ изобразилъ въ 1698 году въ Лондонѣ—былъ прекрасный молодой человѣкъ: пріятное лицо героя, тонкія, правильныя черты, благородное и гордое выраженіе, освѣщенное умомъ и добротою очень открытыхъ глазъ и сложенныхъ въ улыбку довольно рѣзкихъ губъ. Натуральная примѣта, скромно спрятавшаяся на правой щекѣ—бородавка, по описанію примѣтъ посланнаго въ Саардамъ—придаетъ вѣроятность творчеству художника. Однако это свидѣтельство очень противорѣчиво. Не говоря уже объ ужасной фигурѣ государя, которая безобразитъ галлерею Зимняго Дворца въ Петербургѣ, Леруа и Каравакъ гораздо менѣе польстили, какъ и Даннгауэръ и даже Карлъ де-Мооръ, которому Петръ самъ былъ хорошо извѣстенъ, пославши портретъ изъ Гааги въ Парижъ въ 1717 году, чтобы предоставить для воспроизведенія его на фабрикѣ гобеленовъ. Портреты, написанные на мѣстѣ, въ ту же эпоху, Наттье и Риго, меньше ему польстили. Немного игривые, они, конечно, не передали ничего изъ грубой силы оригинала, которую Мооръ помѣстилъ на первое мѣсто, но въ какихъ густыхъ краскахъ! Между Кнеллеромъ и Мооромъ, правда, прошло надъ этой фигурой двадцать лѣтъ жизни, и какой жизни! Но Ноомент видѣлъ великаго человѣка раньше Кнеллера, и въ его журналѣ я нахожу слѣдующій, очевидно, наскоро набросанный силуэтъ: «Большой и сильный, обычнаго сло-

женія, проворный, живой и ловкій во всѣхъ движеніяхъ, съ круглымъ лицомъ, немного жестокимъ выраженіемъ, чернобровый, а также съ короткими и стриженными волосами... Ходитъ длинными шагами, размахивая руками и держа въ рукѣ рукоятку новаго топора» [1]). Вотъ и исчезъ герой. Еще я прочелъ въ томъ же мѣстѣ: «Въ его фигурѣ, въ его выраженіи, даже въ его манерахъ нѣтъ ничего, что бы изображало или указывало въ немъ принца». И это вышло изъ-подъ руки кардинала Коллоница, примаса Венгріи, который находился въ Вѣнѣ при проѣздѣ царя въ 1698 году, и былъ скорѣе благожелательнымъ свидѣтелемъ. Извѣстенъ портретъ Сэнъ-Симона; я склонялъ придать ему существенное значеніе, ибо современные документы, которые я могъ собрать, согласны съ нимъ въ основныхъ пунктахъ. Вотъ двѣ версіи въ дѣлахъ Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ во время пребыванія царя въ Парижѣ. Подъ 1717 годомъ значится:

«Онъ имѣлъ довольно красивыя черты лица; онѣ казались даже пріятными и, глядя на него, совсѣмъ нельзя было подумать, что онъ не разъ въ состояніи былъ снимать головы тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыми онъ былъ недоволенъ. Это былъ очень интересный государь, когда онъ не былъ не въ духѣ; онъ ходилъ, сгорбившись, гораздо хуже голландскаго матроса, походкѣ котораго онъ, казалось, подражалъ. У него были большіе глаза, красиво поставленные ротъ и носъ, пріятный, хотя нѣсколько блѣдный, видъ, волосы каштановаго цвѣта и довольно короткіе. Онъ сильно гримасничалъ. Одно движеніе, которое было свойственно ему,—это взглядъ на свое плечо, стараясь при этомъ наклонить голову надъ плечомъ, и поднять и вытянуть назадъ одну ногу. Иногда онъ поворачивалъ голову, какъ будто онъ хотѣлъ взглянуть сверху посрединѣ своего плеча. Лица, бывшія около него, предполагаютъ, что онъ былъ поражаемъ такого рода судорогами, когда онъ усиленно думалъ о чемъ-нибудь».

И еще: «Царь очень высокаго роста, немного сутуловатый, съ головой обыкновенно наклоненной. Онъ брюнетъ и съ нѣсколько грубоватымъ лицомъ; кажется, что онъ остроуменъ и легко схва-

---

[1]) Смотри приложенную при этомъ выпускѣ картину художника Сѣрова, гдѣ Петръ шагаетъ по набережной, а за нимъ едва успѣваютъ спутники.

тываетъ вещи, съ своего рода величіемъ въ манерахъ, но не самоувѣренъ».

Разногласія по поводу цвѣта волосъ могутъ быть объяснены стараніями парикмахеровъ, такъ какъ Петръ старался и въ прическѣ подражать европейскому костюму того времени. Въ то же время полное единодушіе относительно гримасъ, нервныхъ подергиваній, постояннаго поворачиванія головой, сгорбленной спины,—замѣченной министрами императора въ 1698 году на двадцать четвертомъ году!—и жестокаго выраженія лица. Допущенный до цѣлованія руки Ивана и Петра, во времена двуумвирата обоихъ братьевъ, архіепископъ новгородскій, Яновскій, не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія, подойдя къ старшему изъ государей; но, встрѣтившись взглядомъ съ другимъ, онъ почувствовалъ, что у него ноги подкашиваются. Послѣ у него навсегда осталось предчувствіе, что онъ получитъ смерть отъ этой руки, которой онъ едва коснулся своими похолодѣвшими губами.

«Извѣстно,—говоритъ Штелинъ,—что этотъ монархъ еще съ молоду и до самой смерти былъ подверженъ частымъ и коротким приступамъ довольно сильныхъ мозговыхъ судорогъ. Это былъ родъ судорожныхъ припадковъ, которые повергали его на нѣкоторое время, часто даже на цѣлые часы, въ столь ужасное состояніе, что онъ не могъ никого выносить около себя, даже своихъ лучшихъ друзей. Этотъ приступъ начинался всегда съ сильнаго поворачиванія шеи въ лѣвую сторону и непроизвольнаго сокращенія мускуловъ лица».

Отсюда постоянное употребленіе лѣкарствъ, иногда странныхъ, какъ, напримѣръ, какой-то порошекъ, приготовленный изъ желудка и крыльевъ сороки. Отсюда также привычка спать, положивши обѣ руки на плечи дежурнаго офицера. Здѣсь желали видѣть источникъ злорѣчивыхъ предположеній, предметомъ которыхъ были интимные обычаи государя. Къ несчастью, нѣтъ достаточно точнаго изслѣдованія. Въ 1718 году, находясь за столомъ съ прусской королевой, Петръ сдѣлалъ рукой — въ которой держалъ ножъ, — столь рѣзкое движеніе, что Софія-Шарлотта испугалась и хотѣла вскочить. Чтобы успокоить ее, онъ схватилъ ее за руку, но сжалъ ее такъ сильно, что она вскрикнула. Онъ пожалъ плечами: «У Катерины менѣе нѣжныя кости». Это замѣчаніе было сдѣлано такъ громко, что всѣ слышали.

Эти явленія нервной болѣзни встрѣчаются у Ивана Грознаго, повидимому, отъ той же причины: отъ испытанныхъ въ дѣтствѣ слишкомъ сильныхъ потрясеній. Это наслѣдство, которое ста-

рая Русь, въ лицѣ *стрѣльцовъ*, уже обреченныхъ на погибель, оставила своему реформатору. Но, по счастью, вмѣстѣ съ ядомъ она дала ему одновременно и противоядіе: огромную работу для выполненія, гдѣ очистится его кровь и укрѣпятся его нервы. Иванъ не былъ столь счастливъ. Впрочемъ, физически Петръ былъ красивый мужчина, высокаго роста, двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ, брюнетъ. «Очень смуглый, какъ будто онъ родился въ Африкѣ», утверждаетъ одинъ современникъ, «очень сильный, съ величественнымъ видомъ, съ нѣкоторыми недостатками въ фигурѣ и мучительнымъ недугомъ, которые вмѣстѣ его безобразили». Онъ плохо и небрежно одѣвался, и часто мѣнялъ свои смѣшные военные или цивильные костюмы, выбирая иногда очень странные. У него не было никакого чувства мѣры. Въ Копенгагенѣ въ 1716 году онъ показывается датчанамъ въ зеленой шляпѣ, повязавъ шею чернымъ солдатскимъ галстукомъ, застегнувши воротникъ рубашки огромной серебряной запонкой, украшенной поддѣльными камнями, какъ носили его офицеры. Черный сюртукъ съ роговыми пуговицами, вязанный жилетъ, черныя очень узкія брюки, толстые шерстяные заштопанные чулки и очень грязные башмаки—дополняли его костюмъ. Онъ соглашался носить парикъ, но онъ хотѣлъ очень короткій, чтобы его можно было положить въ карманъ и изъ-подъ него выступали его волосы, которые онъ отказывался стричь. Они у него были очень длинные и густые; въ 1772 г., во время похода въ Персію, находя ихъ неудобными, онъ позволилъ ихъ остричь; но, чтобы ничего не терять, изъ экономіи, онъ приказалъ, ему сдѣлать изъ нихъ новый парикъ: тотъ самый, который фигурируетъ на манекенѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что онъ похожъ. Восковое лицо со стеклянными глазами сдѣлано было по маскѣ, снятой послѣ смерти, и давленіе гипса на обезображенныя черты дало неестественныя впадины и выпуклости. У него же были полныя и круглыя щеки. Онъ только однажды надѣвалъ платье изъ гродетура синяго цвѣта, вышитое серебромъ, въ которое его здѣсь нарядили, а равно такимъ же способомъ вышитый поясъ и чулки темно-краснаго цвѣта съ серебряными стрѣлками: это было въ Москвѣ, въ день коронованія Екатерины. Она собственноручно великолѣпно сработала костюмъ, и онъ согласился по этому случаю одѣться въ него. Но онъ сохранилъ свои прежніе башмаки, старые и заплатанные. Остатки его имущества подлиннаго и обычнаго находятся тутъ же въ двухъ шкафахъ, включая и тронъ — также

поддѣльный—на которомъ посадили манекенъ: платье изъ толстаго сукна, изношенное, шляпа безъ галуна, пробитая пулей подъ Полтавой, чулки изъ суровыхъ нитокъ, покрытые заплатами. Въ одномъ углу пресловутая *дубина,* изъ очень толстаго тростника съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, съ которой мы, къ несчастью, будемъ имѣть случай познакомиться.

Близкіе окружающіе государя видали его часто даже въ рубашкѣ. Ибо когда бывало слишкомъ жарко, то онъ не стѣснялся снимать платье, даже за столомъ. Онъ не стѣснялся никакими приличіями.

II.

Радость души была въ дѣйствіяхъ: величайшій поэтъ сѣвера разгадалъ героя великой эпохи, представленіе о которомъ я стараюсь дать, и охарактеризовалъ его въ нѣсколькихъ словахъ съ его темпераментомъ, его характеромъ, и почти всѣмъ его геніемъ. *Въ потребности дѣятельности была вся его сила,*—сказалъ также Поссельтъ. Да, его сила, его величіе, его успѣхъ закончились въ этой неизмѣнной энергіи, которая сдѣлала изъ него, физически и нравственно, человѣка самаго подвижного, самаго стойкаго противъ усталости, самаго чувствительнаго къ «радости дѣйствованія», какого когда-либо видѣлъ свѣтъ. Нѣтъ ничего болѣе естественнаго, что легенда постаралась сдѣлать изъ него подставное дитя, сына иностранныхъ родителей: онъ является настолько и въ столькихъ пунктахъ въ противорѣчіи со средой, въ которой онъ родился! Онъ не имѣлъ предразсудковъ, а его Московиты полны ими; они религіозные фанатики, онъ почти свободомыслящій; они гонители всѣхъ новшествъ, онъ—ненасытимъ нововведеніями; они — фаталисты, онъ — человѣкъ иниціативы; они—сторонники формы и обрядности, онъ—доводитъ презрѣніе къ нимъ до цинизма; наконецъ, и это въ особенности—они безпечные, лѣнивые, неподвижные, какъ будто замерзшіе зимой, или заснувшіе вѣчнымъ сномъ, онъ—охваченъ лихорадочною жаждой движенія и работы, о которой извѣстно, и выводитъ ихъ изъ этого оцѣпенѣнія и бездѣятельности, то ударами палки, то топора. Было бы любопытно установить, хотя бы за нѣсколько мѣсяцевъ, графическую кривую всѣхъ его безпрерывныхъ походовъ.

Когда бросишь взглядъ только на столъ его корреспонденціи съ Екатериной, всего 223 письма, опубликованные министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1861 году, гдѣ видишь ихъ

помѣченными и Лембергомъ въ Галиціи, Маріенвердеромъ въ Пруссіи, Царицыномъ на Волгѣ, на югѣ имперіи, Вологдой на сѣверѣ, Берлиномъ, Парижемъ, Копенгагеномъ, — то прямо голова кружится.

Онъ то въ глубинѣ Финляндіи посѣщаетъ лѣса, то на Уралѣ осматриваетъ копи; то онъ въ Помераніи, гдѣ участвуетъ въ съѣздѣ; то на Украйнѣ, гдѣ занимается разведеніемъ барановъ; то при блестящемъ дворѣ одного германскаго князя, гдѣ онъ представляетъ своего собственнаго посла; и вдругъ, въ горахъ Богеміи, гдѣ онъ является простымъ путешественникомъ. 6-го іюля 1715 года я нахожу его въ Петербургѣ, плавающимъ по морю со своимъ флотомъ, 9-го, по возвращеніи въ столицу, посылающимъ письмо черногорцамъ съ утѣшеніемъ по поводу безчинствъ, совершаемыхъ надъ ними со стороны турокъ, подписывающимъ договоръ съ Прусскимъ министромъ и дающимъ наказъ Меншикову о сохраненіи строевого лѣса въ окрестностяхъ города; 12-го онъ въ Ревелѣ; 20-го онъ присоединяется къ флоту въ Кронштадтѣ и снова маневрируетъ съ нимъ. И такимъ образомъ всегда, отъ начала года до конца, съ одного конца жизни до другого. Онъ всегда спѣшилъ. Въ каретѣ онъ ѣхалъ галопомъ; пѣшкомъ онъ не ходилъ, а бѣгалъ.

Когда, въ какое время онъ отдыхалъ? Трудно себѣ это представить. Со стаканомъ въ рукѣ ему случалось очень долго засиживаться на вечеринкахъ, но и тогда онъ еще споритъ, говоритъ, онъ удивляетъ своихъ неизмѣнныхъ собутыльниковъ рѣзкостью переходовъ отъ веселости къ гнѣву, своими остротами, своими грубыми шутками, своими гнѣвными вспышками; наконецъ, онъ даетъ ауденціи въ четыре часа утра! Въ 1721 г., послѣ заключенія мира со шведами, онъ пригласилъ въ этотъ часъ къ себѣ двухъ пословъ, Остермана и Бутурлина, передъ тѣмъ, какъ отправить ихъ въ Стокгольмъ. Онъ принялъ ихъ въ коротком домашнемъ костюмѣ, оставлявшемъ открытыми его голыя ноги, въ огромномъ ночномъ колпакѣ, обшитомъ внутри полотномъ (такъ какъ онъ очень потѣлъ), съ чулками, спадавшими на туфли. Отдавая приказанія своимъ адъютантамъ, онъ долгое время ходилъ въ такомъ костюмѣ, выслушивая ихъ доклады, а потомъ вдругъ подхватывалъ ихъ, забрасывалъ ихъ вопросами, вертѣлъ ихъ туда и сюда, чтобы убѣдиться, хорошо ли они поняли, въ чемъ дѣло, потомъ отпустилъ ихъ, проворно одѣлся, осушилъ стаканъ водки и побѣжалъ на корабельную стройку.

Царевна Софья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Съ картины Рѣпина.

Худож. фототипія К. А. Фишера.

Даже празднества, которыя онъ давалъ, пиры, иллюминаціи маскарады служили ему подспорьемъ въ работѣ: здѣсь онъ больше трудится, чѣмъ отдыхаетъ; самъ устраиваетъ фейерверки, руководитъ процессіями, играетъ на барабанѣ, ибо онъ въ то же время и тамбуръ-мажоръ, предводительствуетъ танцами, такъ какъ онъ въ то же время изучалъ и хореографію. Въ 1772 г., въ Москвѣ, во время свадьбы графа Головина съ дочерью князя Ромодановскаго онъ исполнялъ обязанности метръ-д'отеля, и, когда многіе почувствовали себя дурно отъ жары, онъ приказалъ принести себѣ слесарные инструменты и въ полчаса выставилъ окно; онъ важно расхаживалъ взадъ и впередъ, держа въ рукахъ жезлъ, знакъ своей должности, дѣлая пируэты передъ молодой, стоялъ во время ужина, слѣдя за прислугой, и ѣлъ только послѣ всѣхъ. Негритенокъ, служившій ему пажемъ, держалъ единственный бокалъ, онъ старательно осушалъ его, подавая тому знаки.

Впрочемъ, его любимое развлеченіе въ часы отдыха была опять-таки работа. Поэтому онъ былъ гравероmъ на мѣди и токаремъ. Въ маѣ 1711 года французскій посолъ, Балюзъ, получивши разрѣшеніе на аудіенцію у него въ Яворовѣ, въ Польшѣ, нашелъ его въ прелестномъ обществѣ: онъ ухаживалъ за одной прелестной полькой, пани Сенявской, занимаясь съ ней постройкой лодки, собственноручно пиля и строгая. Для того, чтобы онъ пересталъ или, по крайней мѣрѣ, согласился ограничить себя въ этомъ расходованіи самого себя, нужно было, чтобы онъ заболѣлъ до невозможности двигаться. И какимъ печальнымъ и безутѣшнымъ онъ тогда былъ, и какъ жаловался своимъ сотрудникамъ! «Пусть они не думаютъ, что это лѣность съ его стороны, онъ право же не можетъ, больше силъ нѣтъ!» И даже, когда онъ жалуется или сердится на свое вынужденное бездѣйствіе, какъ, напримѣръ, въ 1708 г. во время жестокаго приступа скорбутической лихорадки, мы видимъ его лично руководящимъ подавленіемъ возстанія донскихъ казаковъ, снабженіемъ армии провіантомъ, освященіемъ построекъ въ столицѣ и массою мелочей.

Ни одна подробность не ускользаетъ отъ него. Въ Архангельскѣ, на Двинѣ, онъ тщательно обходитъ одну за другой барки, на которыхъ привозятъ на рынокъ глиняную посуду, сработанную въ сосѣднихъ деревняхъ, при чемъ онъ такъ суетится, что, спускаясь въ трюмъ, разбиваетъ вдребезги весь грузъ одного утлаго суденышка. Въ январѣ 1722 года, въ Москвѣ,

послѣ одной рождественской ночи, которую онъ провелъ, переходя съ толпой изъ дома въ домъ съ пѣніемъ гимновъ, и по обычаю страны собирая мелочь, подкрѣпляясь виномъ, пивомъ, водкой, онъ узналъ утромъ, что въ отдаленномъ кварталѣ вспыхнулъ пожаръ, онъ спѣшитъ туда и, въ продолженіе двухъ часовъ, исполняетъ обязанности пожарнаго, послѣ чего его опять видятъ въ саняхъ летящимъ такъ, какъ будто онъ хочетъ загнать лошадей. Нужно замѣтить, что въ то же время онъ былъ занятъ крупными перемѣнами въ высшей администраціи имперіи, онъ готовился уничтожить свой «Ревизіонный совѣтъ», права котораго должны были перейти къ Сенату, а потомъ онъ тотчасъ отправился на похороны одного полкового командира!

Въ 1721 году, предпринявши изданіе «Морского Регламента», онъ предписалъ себѣ образъ жизни, которому онъ слѣдовалъ съ величайшею аккуратностью; согласно его запискамъ, письменнымъ работамъ тамъ было отведено четыре дня въ недѣлю по четырнадцати часовъ въ день: съ пяти часовъ утра до полудня и съ четырехъ часовъ до одиннадцати. И это продолжалось съ января до декабря 1721 года. Рукопись «Регламента» вся собственноручная, покрыта помарками, и хранится въ Московскомъ Архивѣ. Тамъ же находятся его собственноручные черновики, доказывающіе, что самая главная часть огромнаго количества документовъ, относящихся къ Сѣверной войнѣ и имѣющихъ помѣтку канцлера Головина, вышла подъ его непосредственнымъ указаніемъ и изъ-подъ его пера. И нужно то же самое сказать, какъ про большинство записокъ и важныхъ депешъ, подписанныхъ обычно его политическими сотрудниками, Головинымъ, Шереметевымъ, генераломъ Вейде, такъ и про всю законодательную и административную части его царствованія: созданіе флота и арміи, расширеніе торговли и промышленности, основаніе фабрикъ и заводовъ, устройство суда, уничтоженіе подкупа среди чиновниковъ, учрежденіе государственнаго казначейства. Онъ писалъ черновые наброски, принимаясь за нихъ нѣсколько разъ, составляя проекты иногда въ нѣсколькихъ редакціяхъ, и, тѣмъ не менѣе, это не мѣшало ему заниматься даже мелочами по управленію дворцомъ, слѣдить даже за дворцомъ своихъ родныхъ, напримѣръ, опредѣлять качество и количество водки, которая должна быть доставлена его свояченицѣ, царицѣ Прасковіи.

Итакъ, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ и именно вслѣдствіе этого всего онъ являлся благомъ для своей страны и для своей націи, и я охотно оправдалъ бы его появленіе на свѣтъ. Онъ соотвѣт-

ствовалъ той формѣ народной жизни, которая, сообразно своимъ широтамъ, сама находится подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій физической природы. Послѣ длинной и жестокой зимы, поздніе и быстрые волны, мгновенно покрывающія землю оживающей зеленью при сильномъ напорѣ водъ. Душевное настроеніе населенія тоже имѣетъ весеннее обновленіе и такіе же приливы энергіи. Хотя его обвиняютъ въ инертности, но продолжительность и суровость зимъ дѣлаютъ его лѣнивыми, не размягчая однако, какъ въ жаркихъ странахъ Востока, а, наоборотъ, закаляя духъ и тѣло въ вынужденной борьбѣ съ суровой и негостепріимной природой.

Съ поворотомъ солнца надо спѣшить выполнить всѣ главныя работы, позаботиться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль о нуждахъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отсюда нравственныя и физическія привычки, а также способности; Петръ былъ только могущественнымъ частнымъ выраженіемъ этого, и все, что было въ этомъ отношеніи въ немъ исключительнаго, все это лишь пережитокъ дикихъ, зачаточныхъ силъ, которыя являются въ эпическихъ герояхъ русскихъ былинъ, богатыряхъ, носящихъ, какъ тяжелую ношу, избытокъ силъ, которымъ они не могутъ найти примѣненія, и погибающихъ отъ этого! Исчезнетъ Петръ, но останутся еще раскольники, которые для облегченія себя отъ такой тяжести будутъ бѣгать на босу-ногу, въ однѣхъ рубашкахъ въ холодныя январскія ночи и кататься въ снѣгу.

III.

Обладалъ ли онъ храбростью при такой силѣ энергіи и при такомъ предпріимчивомъ и даже отважномъ духѣ? Онъ не искалъ опасности, какъ его шведскій противникъ, онъ не находилъ въ ней удовольствія. Вначалѣ онъ даже выказалъ всѣ черты настоящаго труса. Памятна исторія его внезапнаго бѣгства въ ночь на 8-е августа 1689 года и его совершенно не геройское появленіе въ *Троицѣ*. То же повторилось въ 1700 году подъ стѣнами Нарвы. Вопреки розсказнямъ и самымъ хвалебнымъ выдумкамъ, голый фактъ таковъ: по полученіи извѣстія о неожиданномъ приближеніи шведскаго короля, онъ бросилъ армію, предоставивъ командованіе еще совершенно неопытному начальнику, назначенному недавно, снабдивъ его инструкціей, которая, по словамъ всѣхъ компетентныхъ судей, показываетъ съ одной стороны его растерянность, съ другой—его невѣжество. «Это не солдатъ», прямо сказалъ саксонскій генералъ Галляръ, увидѣвшій

его въ этотъ моментъ въ палаткѣ новаго начальника, принца де-Круа, «въ отчаяніи и какъ сумошедшій», причитаетъ и пьетъ стаканъ за стаканомъ водку, чтобы подбодриться, забываетъ дать приказанія и приложить къ нимъ печать своей канцеляріи. Въ своемъ дневникѣ Петръ даетъ понять, что онъ не зналъ о быстромъ наступленіи Карла XII, и эта явная неправда стоитъ признанія.

Однако, при Полтавѣ онъ храбро исполнилъ свой долгъ, не щадя себя въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ битвы. Онъ приготовился къ ней заранѣе, какъ къ страшному и трудному испытанію, безъ воодушевленія, но и безъ слабости, хладнокровно, почти печально. Въ немъ не было ничего рыцарскаго, никакого слѣда рыцарскаго духа, и въ этомъ тоже онъ былъ чисто русскимъ. Заболѣвши и слегши въ постель въ началѣ года, онъ грустно просилъ Меншикова предупредить его, когда наступитъ вѣроятность неизбѣжной встрѣчи, «эта штука не должна пройти мимо него». Разъ онъ взялся за лѣло, то личный рискъ впасть въ опасность представлялся ему общимъ съ другими, тогда онъ оцѣнивалъ его совершенно хладнокровно и принималъ его, если приходилось, съ тѣмъ же величіемъ души.

Въ 1713 году вице-адмиралъ Крюи хотѣлъ, чтобы онъ не пускался въ опасное крейсерство, онъ напоминалъ о свѣжихъ случаяхъ, приводя въ примѣръ одного шведскаго адмирала, взорвавшагося съ своимъ кораблемъ. Петръ написалъ на поляхъ донесенія: «Окольничій Засѣкинъ задохся отъ свиного уха... я не совѣтую и никому не приказываю лѣзть въ опасность, но получать деньги и не служить—стыдно». Это была всегдашняя идея долга службы, долга, который его ведетъ, какъ цвѣтной значекъ, водруженный передъ глазами, и помогаетъ ему взобраться по крутому склону мужскихъ доблестей и героическихъ жертвъ, но ему всегда нужно было время, чтобы подняться до вершины, и этотъ человѣкъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ, безстрашныхъ и упрямыхъ на протяженіи времени; въ то же время одинъ изъ наиболѣе быстро обезкураживающихся въ данный моментъ и изъ наиболѣе трусливыхъ въ трудную минуту. Наполеонъ—другой великій невропатъ, тоже подвергался этимъ внезапнымъ и неожиданнымъ припадкамъ подъ вліяніемъ пораженій, и такимъ же перемѣнамъ настроенія, хотя они все-таки давали ему возможность владѣть самому собою и своими способностями съ удесятеренною силою; этими явленіями Петръ обладалъ въ еще большихъ размѣрахъ.

Узнавши о пораженіи своей арміи подъ стѣнами Нарвы, онъ переодѣлся крестьяниномъ, безъ сомнѣнія, чтобы легче избѣжать преслѣдованія непріятелемъ, который, по его мнѣнію, гнался за нимъ по пятамъ; онъ проливалъ потоки слезъ и впалъ въ такое состояніе прострацiи, что никто не рѣшался уже обращаться къ нему съ дѣлами. Онъ готовъ былъ принять самыя унизительныя условія мира. Два года спустя онъ былъ подъ стѣнами Нотебурга, маленькаго укрѣпленнаго городишки, осаду котораго онъ предпринялъ со всею своею арміей. Приступъ, на который онъ повелъ войско лично, сначала не имѣлъ того успѣха, котораго отъ него ожидали, тогда онъ быстро отдалъ приказъ отступать. «Скажите царю, что съ этого часа я принадлежу уже не Петру, а Богу», отвѣтилъ одинъ лейтенантъ-полковникъ, Михаилъ Голицынъ, командиръ Семеновскаго полка. По другимъ свидѣтельствамъ, приказаніе, отданное царемъ, не достигло по назначенію, но по приказу или вопреки ему, и, даже, можетъ быть, безъ произнесенія геройскихъ словъ, приписанныхъ легендой, Михаилъ Голицынъ продолжалъ атаку и взялъ мѣстечко. Гораздо позже, уже послѣ Полтавы, Петръ оставался въ этомъ же отношеніи все такимъ же; доказательствомъ этому служитъ Прутскій походъ, къ которому я еще вернусь. Въ немъ была почти парадоксальная смѣсь силы и слабости, чѣмъ отчасти объясняется столкновеніе враждебныхъ противорѣчивыхъ элементовъ. Столь крѣпко придерживаясь крупнаго жизненнаго пути и дѣла, единство и послѣдовательность котораго составляютъ предметъ удивленія въ исторіи, Петръ былъ въ мелочахъ олицетворенное непостоянство и противорѣчіе. Его мнѣнія и рѣшенія мѣнялись съ его настроеніемъ, какъ вѣтеръ. Это была сама ртуть.

Во время его путешествія во Францію, въ 1717 году, раздавался цѣлый рядъ жалобъ со стороны окружающихъ его на постоянную перемѣну его плановъ. Никогда нельзя было знать, что онъ собирается дѣлать завтра, черезъ часъ, куда и какъ онъ собирается отправиться. Ни одного мѣста, продолжительность пребыванія въ которомъ была бы заранѣе опредѣлена, ни одного дня, программа котораго осталась бы заранѣе установленной, черта, особенно свойственная славянскому характеру, сложный продуктъ различныхъ и крайнихъ началъ, культуръ и вліяній азіатскихъ и европейскихъ. Нація можетъ быть отчасти обязана его упорству, необычайной глубинѣ, доказательство которой заключается въ большихъ преобразованіяхъ. Но эта смѣсь

подвижности и неповоротливости можетъ быть также и индивидуальной; она встрѣчается и у нѣкоторыхъ историческихъ противниковъ великаго реформатора, предназначенныхъ судьбою, какъ можно думать, сберегать свои силы. Петръ служилъ самъ себѣ даже въ области самыхъ важныхъ дѣлъ. Этому, конечно, содѣйствовала легкость, съ какою онъ мѣнялъ фронтъ, отворачиваясь отъ Турціи, чтобы повернуться лицомъ къ Швеціи, бросая свои проекты на Азовскомъ морѣ, чтобы перебросится на Балтику, но всюду и всегда принимаясь за дѣло основательно, никогда не соря свои силы.

Точно также мнѣніе совершенно ошибочно о его чрезвычайной понятливости, въ особенности въ подробностяхъ. Въ 1722 году, отмѣняя указъ, которымъ онъ ввелъ въ Сенатѣ въ законодательномъ учрежденіи, президентовъ административныхъ коллегій, онъ безъ смущенія призналъ это «неважной мѣрой». Это не мѣшало ему въ другихъ случаяхъ признавать что-нибудь за благо вопреки всѣмъ мнѣніямъ, всѣмъ вліяніямъ, противъ вѣтра и теченія. Ни одинъ человѣкъ не умѣлъ лучше желать и лучше заставить повиноваться. Надпись: «я считаю за фактъ все, что бы я ни приказалъ», которую читатель Овидія помѣстилъ на одной изъ медалей въ память крупныхъ событій своего царствованія, могла бы быть среди прочихъ выбрана имъ, какъ девизъ.

Замѣчательно, что какъ въ его ошибкахъ, такъ и въ областяхъ всегда причиной является только умъ; и никогда не участвуетъ тамъ сердце. Петръ не былъ сентименталенъ ни въ малѣйшей степени. Его слабости, наиболѣе непріятныя для Меншикова и для другихъ фаворитовъ, являются просто, можетъ быть, результатомъ плохого разсчета. Онъ ставилъ слишкомъ высоко уровень умственнаго развитія того или другого изъ своихъ сотрудниковъ и слишкомъ низко нравственный уровень ихъ всѣхъ. Меншиковъ былъ конечно мошенникомъ въ его глазахъ, но умнымъ мошенникомъ. Съ другими хотя бы это были изъ числа самыхъ близкихъ ему друзей, но кто не имѣлъ достаточно ума, чтобы прятать свои грѣшки, онъ могъ быть рѣзкимъ, даже жестокимъ. Спокойно онъ объявилъ одному изъ нихъ, Андрею Виніусу, что онъ увольняетъ его отъ управленія почтой, потому что убѣдился, что онъ не годится въ администраторы и приноситъ государству вреда больше, чѣмъ это допустимо. И это не означало перемѣну благоволенія. «У меня нѣтъ любимцевъ, чтобы водить меня за носъ», прибавилъ онъ по этому случаю.

Съ этой точки зрѣнія я не видѣлъ другого столь рѣшительнаго примѣра безчувственности. Во время процесса своего сына Алексѣя, различныя перипетіи котораго заключали въ себѣ достаточно волнующаго элемента, онъ берегъ свои силы, досуги и желанія, чтобы отдаться иногда другимъ дѣламъ, требующимъ присутствія духа, и своимъ привычнымъ удовольствіямъ. Большое число указовъ, относящихся къ огражденію лѣсовъ, финансовому управленію, устройству разныхъ промышленныхъ заведеній, таможенъ, касающихся раскола, сельскаго хозяйства, помѣчены датами, совпадающими съ самыми мрачными событіями судебной драмы. Въ то же время ни одна изъ годовщинъ, которыя царь имѣлъ привычку справлять торжественно и пышно, не была ни забыта, ни пропущена. Пиры, маскарады и фейерверки шли своимъ чередомъ.

Онъ заключалъ въ себѣ неисчерпаемый запасъ веселости, а также широкой общественности. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего характера и темперамента онъ оставался ребенкомъ до самаго зрѣлаго возраста, съ наивной веселостью, со стремленіемъ къ изліяніямъ, и дѣтской простотой. Онъ не могъ удержаться, чтобы, по поводу всякаго счастливаго событія, случившагося съ нимъ, не подѣлиться тотчасъ радостью со всѣми, кого, по его предположенію, это должно было интересовать. Онъ написалъ, напримѣръ, заразъ около пятидесяти писемъ по поводу одного военнаго дѣла посредственнаго значенія — взятія въ 1713 году Штеттина.

При его всегдашней страсти къ удовольствіямъ его видятъ въ 1711 году въ Дрезденѣ катающимся на каруселяхъ съ криками: «скорѣй, скорѣй» и хохочущимъ до слезъ, когда отъ быстроты движенія нѣкоторые изъ его спутниковъ были выброшены изъ сѣдла. Въ 1720 году среди народнаго ликованія, послѣдовавшаго за заключеніемъ Нейштадтскаго мира, онъ имѣлъ видъ школьника, отпущеннаго на каникулы; онъ прыгалъ и паясничалъ среди толпы, онъ вскакивалъ на столы и пѣлъ во все горло. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, онъ, какъ уличный мальчишка, увлекается величайшими глупостями, близкими къ шутовству. Въ 1723 году онъ однажды ночью началъ бить въ набатъ, поднявши на ноги обитателей всего Петербурга—пожары были тамъ часты и ужасны—и былъ внѣ себя отъ радости, когда примчавшись, какъ очумѣлые на мѣсто предполагаемаго несчастія, они находили на площади солдатъ, которые разжигали костеръ и со смѣхомъ объявляли имъ: «Первое ап-

рѣля». Однажды, усѣвшись за столъ съ герцогомъ Голштинскимъ, онъ восхвалялъ цѣлебныя качества Олонецкихъ водъ, которыми онъ пользовался уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Бассевицъ, герцогскій министръ, выразилъ намѣреніе тоже попользоваться ими. Ударъ кулакомъ по громадной круглой спинѣ дипломата прервалъ его: «Пожалуй, примутъ за бочку для воды».

Какимъ же образомъ при такомъ правѣ онъ скорѣе внушалъ страхъ, чѣмъ уваженіе? Какимъ образомъ его смерть была освобожденіемъ для его окружающихъ, концомъ тяжелаго гнета, рѣжима страха и неволи? Это лежитъ прежде всего въ его манерѣ обращенія, соотвѣтствовавшей средѣ, въ которой онъ жилъ съ дѣтства, и его занятіямъ, которымъ онъ предавался съ особеннымъ увлеченіемъ. Къ жестокости русскаго *барина* онъ присоединилъ грубость голландскаго матроса. Но кромѣ того онъ рѣзокъ и часто заносчивъ, и однако ему случается быть трусливымъ. А это все по той же причинѣ, вслѣдствіе того же главнаго порока нравственнаго: неспособность владѣть собою. Его сила воли часто уступала влеченію его темперамента; будучи главою, она часто подчинялась внѣшнимъ обстоятельствамъ, и получилось то, что она не имѣла достаточной власти въ общей массѣ его инстинктовъ и страстей. Слишкомъ рабское поведеніе его окружающихъ способствовало еще болѣе развитію въ немъ этого внутренняго противорѣчія.

«Его качества никогда не были изъ числа красивыхъ», замѣчаетъ саксонскій министръ Лефортъ въ своемъ дневникѣ, въ маѣ 1721 года, «но онъ становится день-ото-дня невыносимѣе, и большой счастливецъ тотъ, кто не долженъ находиться постоянно возлѣ него». Развивалось это постепенно. Въ сентябрѣ 1698 года, среди обѣда, даннаго Имперскимъ посломъ Гваріеномъ, царь поспорилъ съ генералиссимусомъ Шереметевымъ по поводу нѣкоторыхъ выраженій объ арміи, которыя онъ считалъ несправедливыми; обнаживъ шпагу, онъ стучалъ ею по столу съ крикомъ: «Я изрублю въ котлеты весь твой полкъ, а съ тебя самого сдеру кожу, начиная съ ушей»; Ромодановскій и Зотовъ бросились между ними, пытаясь ихъ разнять, онъ бросился на нихъ: у одного оказались наполовину отрубленными пальцы руки, другой получилъ нѣсколько ранъ на головѣ. Одному Лефорту—Меншикову по другимъ свидѣтельствамъ—удалось его успокоить.

Но, немного времени спустя, на ужинѣ у полковника Чемберсъ, онъ повалилъ того же Лефорта и билъ его ногами, а,

замѣтивши на одномъ балу, что Меншиковъ осмѣлился танцовать со шпагой на боку, онъ далъ ему такую оплеуху, что у любимца пошла кровь изъ носа. Въ 1703 г. онъ нашелъ дерзкими слова, обращенныя къ нему публично голландскимъ посломъ, и тотчасъ выразилъ свое негодованіе ударомъ кулака и нѣсколькими ударами шпагой плашмя. Дѣло не имѣло послѣдствій, но спустя долгое время дипломатическій корпусъ получилъ удовлетвореніе въ царской столицѣ. Въ домѣ барона Рабе, въ Эстоніи, хранится палка, которою Петръ, не найдя лошадей на сосѣдней съ замкомъ почтовой станціи, выместилъ свой гнѣвъ на спинѣ кастеляна. Доказавши свою невинность, кастелянъ получилъ право хранить на память палку вмѣсто вознагражденія.

Лучше того: Иванъ Саввичъ Брыкинъ, предокъ знаменитаго археолога Снегирева, разсказывалъ, что въ его присутствіи царь убилъ ударомъ палки слугу, виновнаго въ томъ, что онъ слишкомъ медленно снялъ передъ нимъ шляпу. Даже съ перомъ въ рукѣ случалось, что государь забывался и терялъ всякое чувство мѣры, задѣвая, напримѣръ несчастнаго соперника Августа II, короля Лещинскаго, и называя его «воровскимъ сыномъ» въ письмѣ, имѣвшемъ всѣ данныя, чтобы не остаться секретомъ.

IV.

Излишества въ напиткахъ, которымъ онъ охотно предавался, были въ значительной степени причиной этихъ выходокъ. «Не проходитъ дня, чтобы онъ не напился», утверждаетъ баронъ Пельницъ, разсказывая о пребываніи государя въ Берлинѣ, въ 1717 г. Утромъ 11 іюля 1705 г., при посѣщеніи монастыря базиліанцевъ въ Полоцкѣ, Петръ остановился передъ статуей извѣстнаго мученика ордена, блаженнаго Іосафата. Онъ изображенъ тамъ съ черепомъ, раскроеннымъ топоромъ. Онъ потребовалъ объясненія. — «Кто умертвилъ этого святого?» — «Схизматики». Одного этого слова было достаточно, чтобы вывести изъ себя. Онъ ударилъ шпагой настоятеля Коциковскаго и убилъ его, офицеры его свиты бросаются на другихъ монаховъ, трое на мѣстѣ были уложены на смерть, два другихъ, тяжело раненые, скончались спустя нѣсколько дней, монастырь былъ отданъ на разграбленіе, церковь, послѣ опустошенія служила складомъ для царскихъ войскъ. Донесеніе, посланное объ этомъ происшествіи въ Римъ и обнародованное въ уніатскихъ церквахъ, приводитъ другія ужасныя и отвратительныя подробности: тамъ говорится, что

царь позвалъ свою англійскую собаку и при ея помощи задушилъ первую жертву, будто бы онъ приказалъ отрѣзать груди женщинамъ, которыя не совершили никакого другого преступленія, какъ только присутствовали при этой рѣзнѣ и казались изумленными. Въ этомъ было нѣкоторое преувеличеніе. Но факты, которые я привелъ выше, считаются доказанными.

Дневникъ Шведской войны содержалъ въ себѣ въ первоначальной редакціи, веденной секретаремъ государя, Макаровымъ, слѣдующую лаконическую запись: «30 іюня (11 іюля) вошелъ въ церковь Полоцкихъ уніатовъ и убилъ пять уніатовъ за то, что назвали нашихъ генераловъ еретиками». Петръ подтвердилъ это свидѣтельство, вычеркнувъ его собственноручно. Но всѣ сообщенія объ инцидентѣ сходятся въ одномъ пунктѣ: отправляясь къ базиліанцамъ, Петръ былъ пьянъ, онъ только что вышелъ съ ночной оргіи.

Онъ, впрочемъ, не отказался однажды на-утро исправить дурной поступокъ и искалъ случая извиниться. Въ этомъ отношеніи у него являлось раскаяніе столь же быстро, какъ и гнѣвъ. Въ маѣ 1703 года я нахожу въ его запискѣ, адресованной къ Федору Апраксину, слѣдующія знаменательныя слова: «Какъ я васъ покинулъ, я не могу сказать, ибо я былъ слишкомъ полонъ отъ возліянія Бахусу. Прошу васъ всѣхъ также простить меня, если я кому-нибудь изъ васъ причинилъ непріятности... и забыть происшедшее».

Онъ часто пилъ чрезмѣрно и хотѣлъ, чтобы то же дѣлали и другіе, имѣвшіе честь быть приглашенными къ его столу. Въ обществѣ царя даже женщины и тѣ не были изъяты изъ общаго правила, а, чтобы не дать имъ заранѣе отказаться отъ предложеннаго стакана, Петръ приводилъ доводы безъ возраженій. Дочь вице-канцлера Шафирова, крестившагося еврея, отказалась отъ *чарки* водки, онъ ей крикнулъ: «злая жидовская порода, я тебя научу слушаться!» И подкрѣпилъ восклицаніе двумя сильными пощечинами.

Онъ всегда давалъ примѣръ: но сила его натуры была такова, что, даже разрушая его здоровье въ будущемъ, эти излишества оставляли пока, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя его силы въ порядкѣ, въ то время, какъ у другихъ ноги подкашивались и разумъ мутился.

По этому поводу существуетъ еще басня, что будто бы въ этомъ постоянномъ и какъ бы систематическомъ разгулѣ, великій человѣкъ искалъ только лишь средства къ управленію, спо-

соба получить доступъ къ наиболѣе сокровеннымъ мыслямъ своихъ собутыльниковъ. Средство грязное, если признать его существованіе! Во всякой другой странѣ государь рисковалъ бы при этомъ престижемъ своей власти. И даже въ Россіи политическая выгода, извлекаемая изъ него, не окупала нравственнаго ущерба: порчи цѣлаго общества! Мѣстные нравы до сихъ поръ носятъ его слѣды. Извѣстна исторія съ тостомъ «За тебя, о Франція!» произнесеннымъ передъ Людовикомъ XV однимъ изъ собесѣдниковъ, увлекшимся слишкомъ вольнымъ духомъ пирушки. «Господа, здѣсь король!» возразилъ монархъ, задѣтый въ чувствѣ собственнаго достоинства. И ему не пришлось больше напоминать.

Петръ позволялъ себя «тыкать» въ подобныхъ случаяхъ, повторявшихся ежедневно. Если же дѣло заходило слишкомъ далеко и приходилось вмѣшаться, то у него оставалось средство усмиренія, которое онъ любилъ примѣнять—это былъ огромный стаканъ водки, который виновный долженъ былъ осушить тотчасъ послѣ неудачнаго выраженія. Послѣ этого можно было быть увѣреннымъ въ быстромъ прекращеніи выходокъ, ибо тотъ непремѣнно скатывался подъ столъ.

Мнѣ было бы слишкомъ трудно согласиться, чтобы здѣсь былъ какой-нибудь намекъ на глубокую мысль или обдуманное намѣреніе. Я не нахожу ничего, что могло бы меня въ этомъ убѣдить. Напротивъ, я вижу, что, въ особенности къ концу царствованія, все болѣе и болѣе частое возвращеніе къ продолжительнымъ и разнузданнымъ оргіямъ, въ которыхъ находилъ удовольствіе царь, не замедлило принести значительный вредъ дѣламъ. «Царь не выходитъ изъ комнаты уже шесть дней», помѣчаетъ саксонскій министръ Лефортъ подъ 22-мъ августа 1724 г., «будучи нездоровъ послѣ кутежей, происходившихъ на *Царской Мызѣ* (нынѣ Царское Село) по причинѣ освященія церкви съ помощью трехъ тысячъ бутылокъ вина».

Въ январѣ 1725 года переговоры, веденные по поводу заключенія перваго франко-русскаго союза, вдругъ прервались; французскій посолъ, Кампердонъ, безпокоился, понуждалъ канцлера Остермана и кончилъ тѣмъ, что услышалъ отъ него слѣдующее выразительное признаніе: «Нѣтъ никакой возможности въ настоящее время привлечь царя къ серьезнымъ вещамъ, онъ весь въ своихъ удовольствіяхъ, которыя происходятъ всѣ дни въ главныхъ домахъ города въ сопровожденіи двухъ сотъ лицъ, музыкантовъ и другихъ, поющихъ на всевозможные лады и за-

бавляющихся питьемъ и ѣдой насчетъ лицъ, которыхъ они посѣщаютъ».

Даже въ предшествовавшее время, въ наиболѣе активный и героическій періодъ своей жизни, Петръ предавался порокамъ своего первоначальнаго воспитанія, дѣлая подобные внезапные перерывы.

Въ декабрѣ 1707 года, въ тотъ моментъ, когда Карлъ XII готовилъ рѣшительный походъ, который долженъ былъ ввести его въ сердце Россіи, защита страны была парализована, потому что царь былъ въ Москвѣ и забавлялся. Меншиковъ слалъ къ нему курьера за курьеромъ, чтобы заставить его присоединиться къ арміи, онъ оставлялъ пакеты нераспечатанными и продолжалъ праздновать. Правда, онъ потомъ принимался за дѣло быстрѣе и умѣлъ наверстать потерянное время. Но, конечно, не изъ вѣжливости онъ забылъ такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль объявить войну своему страшному противнику.

V.

Грубые вкусы идутъ естественно на-ряду съ кабацкими нравами. Въ обществѣ женщинъ, которымъ онъ не переставалъ нравиться, Петръ, казалось, особенно любилъ грубый разгулъ и въ особенности любилъ видѣть пьяными подругъ, которымъ онъ себя отдавалъ. Сама Екатерина, «пьяница первой руки», по свидѣтельству Бассевица и въ значительной степени обязана этому качеству своимъ успѣхомъ. Въ торжественные дни обыкновенно полы раздѣлялись, при чемъ Петръ сохранялъ за собою привилегію проникать въ дамскій залъ, гдѣ царица предсѣдательствовала на пиру и гдѣ не было ничего забыто, чтобы доставить хозяину забавное зрѣлище. Но во время болѣе тѣсныхъ собраній ставили общій столъ и тогда пиры кончались чисто по-сарданапаловски. Духовенство тоже занимало замѣтное мѣсто на пирахъ и не было отъ нихъ отстранено. Напротивъ, Петръ любилъ сидѣть тамъ рядомъ съ высшими духовными особами, перемѣшивая съ обильными возліяніями самые неожиданные богословскіе споры, и стараясь за научныя ошибки, которыя онъ находилъ, налагать принятый штрафъ—осушить стаканъ водки; послѣ чего споръ грозилъ окончиться потасовкой къ его великому удовольствію. Его излюбленные собутыльники корабельные капитаны и голландскіе купцы, были еще не изъ самаго низкаго разряда среди тѣхъ, съ которыми онъ обыкновенно запросто садился за столъ. Въ Дрезденѣ, въ 1711 году въ

гостиницѣ *Золотою Кольца* его любимое пребываніе было въ комнатѣ лакеевъ, онъ завтракалъ съ ними на дворѣ.

Въ немъ не было ничего мягкаго, ничего тонкаго. Въ Амстердамѣ, во время своего перваго путешествія онъ съ энтузіазмомъ увлекался знаменитымъ клоуномъ Тесте-Руэномъ, который давалъ представленія на открытомъ воздухѣ и плоскія шутки котораго такъ нравились подонкамъ населенія. Онъ желалъ пригласить его въ Россію.

Это—мужикъ. По нѣкоторымъ взглядамъ онъ ничего не потерялъ изъ своей врожденной дикости. Жестокій ли это дикарь? Говорятъ, что да. Ничего нѣтъ прочнѣе установленнаго, чѣмъ репутація его жестокости. Но это только повидимому. Онъ часто присутствовалъ въ комнатахъ пытокъ, на слѣдствіяхъ, гдѣ дыба и кнутъ дѣлали свое дѣло, какъ равно и на публичныхъ площадяхъ при казняхъ, гдѣ дѣйствовалъ во-всю рядъ самыхъ возмутительныхъ казней. Полагаютъ даже, что онъ не всегда являлся только простымъ свидѣтелемъ. Я буду имѣть случай вернуться къ этому вопросу по поводу ужасныхъ сценъ, которыми ознаменовался конецъ *стрѣльцовъ*. Но споры, поднятые по этому вопросу, мнѣ кажутся безплодными. Что онъ исполнялъ при случаѣ обязанности палача, да почему бы нѣтъ? Вѣдь исполнялъ же онъ съ успѣхомъ обязанности матроса, или столяра, а онъ не замѣчалъ и не могъ замѣтить разницы. Онъ былъ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ наибольшое количество дѣлъ въ странѣ, гдѣ такое соединеніе дѣлъ есть общественный долгъ и ея петербургскій палачъ числился въ спискѣ придворныхъ шутовъ! Можетъ быть Петръ рубилъ даже головы? И это возможно. Находилъ ли онъ удовольствіе въ подобныхъ дѣлахъ? Вѣроятно, какъ и въ какой угодно работѣ: удовольствіе отъ дѣйствія. Но вотъ и все. Я не вѣрю ни одному слову въ анекдотѣ, разсказанному Фридрихомъ Великимъ Вольтеру объ одномъ ужинѣ, на которомъ, въ присутствіи барона Принцена, посланника короля прусскаго, царь будто бы забавлялся сниманіемъ головъ 20 *стрѣльцамъ*, осушивъ при этомъ столько же стакановъ водки, приглашая будто бы къ тому же и пруссака послѣдовать своему примѣру. Такимъ образомъ вокругъ каждой черты этого характера, и каждой главы этой исторіи создался цѣлый рядъ басенъ, которыя можно устранить заранѣе изъ-за одной только ихъ нелѣпости. Другимъ импонируетъ выборъ. Я уже указывалъ мое руководящее правило: согласованность данныхъ, даже различающихся въ под-

робностяхъ, но представляющихъ неоспоримость въ одномъ и именно главномъ основаніи. Поэтому я не нахожу ничего, что бы позволяло примѣнить къ Петру признаки настоящаго дикаря: тонкое удовольствіе отъ исполненія казни и кровожадность. Въ немъ не было ни малѣйшаго признака садизма и даже обычныхъ признаковъ увлеченія кровопролитіемъ. Онъ былъ грубъ, жестокъ и безчувственъ. Состраданіе было въ его глазахъ лишь явленіемъ, какъ болѣзнь или здоровье, и трогало его не больше того.

Поэтому я охотно представляю его себѣ по легендѣ, преслѣдующимъ своихъ осужденныхъ вплоть до эшафота съ бранью и упреками, радующимся ихъ агоніи и смерти. Но если онъ былъ недоступенъ состраданію, когда онъ считалъ себя въ своемъ правѣ, то онъ въ высшей степени, до мелочей, сострадателенъ, когда онъ рѣшаетъ, что здѣсь не задѣты интересы государства.

Знаменитая истина уголовнаго права, изъ-за которой воздается столько почести Екатеринѣ II: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго», вовсе не представляетъ историческаго наслѣдства великой государыни. Петръ собственноручно начерталъ его даже въ военномъ регламентѣ!

Правда, современникамъ извѣстенъ цѣлый рядъ поступковъ, которые ничѣмъ невозможно объяснить иначе, какъ удовольствіемъ, которое онъ находилъ въ причиненіи другимъ неудовольствій, или по-просту въ причиненіи имъ зла. Приводятъ примѣръ адмирала Головина, даже любимца, отказавшагося ѣсть салатъ, такъ какъ уксусъ внушалъ ему отвращеніе и ужасъ. Петръ тотчасъ влилъ ему большой флаконъ въ ротъ, рискуя, что онъ задохнется. Я не оспариваю истинности разсказа, потому что мнѣ разсказывали цѣлый рядъ подобныхъ. Нѣжныя молодыя дѣвицы, принуждаемыя выпить гренадерскую порцію водки, дряхлые старики, вынужденные прыгать по улицамъ въ костюмахъ скомороховъ,—подобныя исторіи происходили почти ежедневно въ его царствованіе. Но фактъ здѣсь вызываетъ сомнѣніе съ другой точки зрѣнія. Петръ усвоилъ манеру одѣваться, питаться и развлекаться, какую онъ считалъ наиболѣе подходящей, которая уже тѣмъ самымъ, что была подходяща ему, должна быть подходяща всѣмъ. Это былъ его способъ толкованія, его самодержавная власть и его роль реформатора. Онъ этого и держался.

Уксусъ составлялъ для него часть государственныхъ законовъ, и тотъ, кто, какъ Головинъ, отказывался отъ этой при-

правы, или, какъ другіе, отъ сыра, устрицъ, прованскаго масла, того Петръ никогда не пропускалъ случая напичкать этимъ, разъ онъ только подозрѣвалъ въ стремленіи уклониться отъ гастрономическихъ новшествъ. Наконецъ, помѣстивши свою столицу на болотѣ, онъ назвалъ ее раемъ и желалъ, чтобы всѣ строили тамъ дома, восхищались и радовались, какъ восхищался онъ.

Очевидно, онъ не былъ очень нѣженъ. Въ январѣ 1694 года, видя свою мать тяжко больной и уже при смерти, онъ выражаетъ недовольство задержкой въ Москвѣ, не можетъ больше тамъ оставаться и назначаетъ отъѣздъ. У нея началась агонія въ часъ, который онъ назначилъ къ отъѣзду, и потому онъ поторопился съ похоронами. Я совсѣмъ не забылъ также кровавый призракъ Алексѣя и печальную тѣнь Евдокіи. Нужно ли еще перечислять обстоятельства, связывающія тѣло съ точки зрѣнія моральной, съ личностью и другими чертами его физіономіи, я хочу сказать о неотдѣлимыхъ судьбахъ революціоннаго періода, объ инстинктахъ этого человѣка, возставшаго противъ противорѣчія, не забывая непосредственности его политики, наиболѣе личной и своенравной, какая когда-либо существовала.

Онъ обожалъ своего второго сына, и его переписка съ Екатериной, столь нѣжная въ мѣстахъ, касающихся сюда, полна выраженій, свидѣтельствующихъ о безпрерывной заботѣ его о здоровьѣ и благополучіи его двухъ дочерей, Анны и Елизаветы, которыхъ онъ въ шутку называетъ «воровками», потому что онѣ отнимали у него время, которыхъ онъ называлъ также «утробой». Онъ всякій день приходилъ къ нимъ въ комнату во время занятій и присутствовалъ на ихъ урокахъ.

Онъ не побоялся войти въ камеру заключеннаго, который еще наканунѣ былъ его любимцемъ, чтобы объявить ему, что, къ своему сожалѣнію, онъ завтра долженъ снять ему голову. Этотъ случай былъ съ Монсомъ въ 1724 году. Но поскольку его друзья казались ему достойными его дружбы, я нахожу его не только внимательнымъ къ нимъ, но и нѣжнымъ и ласковымъ, даже уже слишкомъ. Въ августѣ 1723 года на празднованіи годовщины созданія флота въ присутствіи «дѣдушки» флота,—англійскаго ботика, найденнаго въ 1688 году въ сараѣ,—онъ, правда подвыпивши, началъ цѣловать герцога Голштинскаго въ шею, въ лобъ, въ голову,—поднявши даже парикъ,—и наконецъ, какъ сообщаетъ Берхгольцъ, «между зубами и губами».

Всѣ эти черты не позволяютъ намъ видѣть въ немъ, даже съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, простое подражаніе азіатскому деспоту. Будь то какъ государь, будь то какъ частное лицо, онъ заслуживаетъ большаго, во всякомъ случаѣ онъ нѣчто *другое*, внѣ всего человѣчества, выше или ниже, смотря по убѣжденію, но не безчеловѣченъ ни по инстинкту, ни по разуму. Рядъ указовъ, за его подписью, показываетъ въ немъ умъ, если не сердце, доступный идеямъ, если не чувствамъ человѣколюбія. Въ одномъ изъ нихъ онъ требуетъ титула покровителя вдовъ, сиротъ и беззащитныхъ людей.

Точно также въ области мозговой дѣятельности надо искать центра нравственной тяжести этого великаго безсознательнаго идеалиста, который былъ въ то же время великимъ сластолюбцемъ—случай не единственный,—но который, при всей пылкости своего темперамента, умѣлъ въ общемъ и чаще даже подчинять свои чувства общему закону, первымъ слугой котораго онъ провозгласилъ себя, надѣясь такимъ путемъ пріобрѣсти право подчинить ему неумолимо и безразлично всѣ воли, всѣ умы, всѣ страсти.

ГЛАВА II.

Черты ума.—Нравственный обликъ.

Конечно, этотъ мозгъ былъ особеннаго устройства. Свойства и широта его объема поневолѣ теперь вызываютъ на сравненіе съ Наполеономъ I. То же безпрерывное напряженіе безъ видимаго утомленія. Та же мощная гибкость и изворотливость. Та же способность заниматьея заразъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ, самыхъ несхожихъ между собою, наиболѣе неравныхъ по значенію, безъ какой-либо замѣтной растраты умственныхъ способностей, безъ какого-либо ослабленія способности охватить каждый предметъ въ отдѣльности. Въ 1698 году въ Штокерау, въ окрестностяхъ Вѣны, въ то время, когда его послы спорили съ имперскими властями, обсуждая подробности торжественнаго въѣзда въ столицу, *Петръ Михайловъ*, всецѣло участвуя въ этихъ спорахъ, раздражавшихъ его, занимался въ письмѣ къ Виніусу обсужденіемъ постройки русской церкви въ Пекинѣ! Въ одномъ изъ писемъ, къ адмиралу Апраксину, помѣченныхъ сентябремъ 1706 года, я нахожу приказанія относительно веденія кампаніи, поставленія о переводѣ части латин-

скихъ книгъ, совѣты по поводу дрессировки охотничьихъ собакъ, съ подробнымъ изложеніемъ того, чему онѣ должны научиться: «1-е, поноскѣ; 2-е, снимать шляпу; 3-е, брать на караулъ; 4-е, прыгать черезъ палку; 5-е, сидѣть и просить ѣсть». 15 ноября 1720 года въ письмѣ къ Ягужинскому, посланному съ порученіемъ въ Вѣну, онъ интересуется обратной уступкой Шлезвига герцогу Голштинскому; портретомъ одной дѣвицы съ *свинымъ рыломъ*, который Петръ Алексѣевичъ Толстой вывезъ изъ своего путешествія: гдѣ эта дѣвица и нельзя ли ее видѣть? по поводу двухъ или трехъ дюжинъ хорошаго токайскаго, которое онъ желалъ бы пріобрѣсти, но онъ хочетъ сначала узнать цѣну и расходы по пересылкѣ.

Это былъ умственный центръ, доступный всякому пониманію, въ высшемъ своемъ развитіи, съ исключительно славянскою способностью, которую Герценъ обозначилъ словомъ *воспріимчивость*.

Можетъ быть онъ никогда не слышалъ до своего прибытія въ Лондонъ даже имени квакеровъ и ужъ, конечно, не зналъ ихъ ученія; случаю угодно было, чтобы онъ помѣстился на квартирѣ въ домѣ, гдѣ жилъ знаменитый Вилльямъ Пенкъ въ критическій моментъ своей бурной жизни, когда его преслѣдовали, какъ измѣнника и заговорщика; этого было довольно, чтобы царя уже видѣли въ дружественныхъ почти отношеніяхъ и съ этимъ Пенкомъ и со всѣми другими его сообщниками: Томасомъ Сторн, Жильбертомъ Моллесономъ, позволяющимъ приносить ему ихъ изданія, благоговѣйно слушающимъ ихъ проповѣди. Девятнадцатью годами позже, по прибытіи въ Фридрихштадтъ, въ Голштиніи, съ отрядомъ войскъ, который долженъ былъ доставить помощь датчанамъ противъ шведовъ, его первымъ дѣломъ было спросить, есть ли въ городѣ квакеры. Ему было показано мѣсто ихъ собраній и онъ отправился туда.

Онъ не придавалъ крупнаго значенія системѣ Лея, ни даже финансамъ вообще; но самъ авторъ, его ученіе и судьба не преминули, тотчасъ послѣ знакомства, внушить ему живѣйшій интересъ. Онъ переписывается съ предпріимчивымъ банкиромъ; онъ слѣдитъ за нимъ съ большимъ интересомъ, сначала съ удивленіемъ, потомъ снисходительно и всегда расположенно, даже во времена тяжкой опалы.

Всюду, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы видѣть или знать что-нибудь, его оживленіе и душевное безпокойство были таковы, что только одинъ Наполеонъ, можетъ выдержать сравненіе.

Прибывши вечеромъ въ Дрезденъ послѣ цѣлаго дня пути, который утомилъ до изнеможенія всю его свиту, онъ не сталъ ужинать раньше, чѣмъ отправиться въ *Кунскамеру*, мѣстный музей; онъ явился туда въ часъ ночи и провелъ тамъ всю ночь, удовлетворяя свое любопытство при свѣтѣ факеловъ. Впрочемъ, эта любознательность, какъ уже раньше было видно, настолько всеобща и неутомима, что не знала ни времени, ни мѣры. Когда въ 1715 году умерла на пятьдесятъ первомъ году жизни царица Марѳа Апраксина, вдова Ѳеодора, онъ пожелалъ убѣдиться, основательно ли распространяемое въ публикѣ мнѣніе по поводу болѣзни умершей и строгой нравственности ея; для этого онъ самъ рѣшилъ сдѣлать вскрытіе трупа и кажется вывелъ изъ него удовлетворительное заключеніе относительно добродѣтельности своей невѣстки.

Такимъ образомъ, несмотря на безпрестанное увеличеніе запаса его знаній и свѣдѣній, несмотря на удивительное разнообразіе, онъ сохранялъ кое-что въ нетронутомъ и зачаточномъ видѣ. Онъ говорилъ хорошо только по-русски, а по-голландски умѣлъ говорить только съ моряками и о морскихъ дѣлахъ.

Въ ноябрѣ 1721 года, принимая тайно французскаго посла, Кампредона, который жилъ въ Голландіи и свободно владѣлъ языкомъ страны, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ переводчику и къ несчастію сдѣлалъ плохой выборъ. Правда, что онъ былъ мало знакомъ съ торжественными пріемами западной дипломатіи; въ маѣ 1719 года французскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Ля-Ви, замѣтилъ, что онъ позволилъ начать переговоры объ Аландскихъ островахъ безъ соблюденія «прелиминарныхъ пунктовъ», благодаря чему шведы получили возможность обмануть его, ведя очень сомнительные переговоры. Онъ пускалъ въ ходъ въ иностранной политикѣ пріемы своего изобрѣтенія или своей страны, пріемы славянскаго остроумія, удвоенные азіатскою хитростью; онъ выбивалъ изъ позиціи своихъ иностранныхъ партнеровъ, вольностями, рѣзкостями и неожиданными нѣжностями, обрывавшими ихъ на полусловѣ поцѣлуемъ въ лобъ, или громко споря въ ихъ присутствіи; при этомъ никто изъ нихъ ничего не понималъ въ происходившемъ, а являлись лишь зрителями. Онъ являлся и еще является и теперь въ глазахъ нѣкоторыхъ военныхъ историковъ великимъ полководцемъ. Ему приписывались новыя и счастливыя идеи о роли резервовъ, о значеніи кавалеріи, о принципѣ молчаливой под-

держки, которую должны оказывать нѣкоторыя отдѣльныя части о простотѣ строя, о пользованіи редутами. Утверждаютъ, что Полтавская битва представила единственный, и при томъ заслуживший удивленія со стороны Морица Саксонскаго, примѣръ примѣненія редутовъ для наступленія.

Эти редуты были его изобрѣтенія. Онъ лично велъ большинство осадныхъ операцій, очень многочисленныхъ во время Сѣверной войны и всегда его непосредственное вмѣшательство обезпечивало успѣхъ. Я не обладаю нужнымъ запасомъ свѣдѣній чтобы вступать въ споры по этому поводу, и потому ограничиваюсь ссылкою на свидѣтельство Морица Саксонскаго. Меня удерживаетъ противорѣчивое свидѣтельство. *Дневникъ Сѣверной войны*, о которомъ я уже упоминалъ. Петръ, самъ редактировавшій его, не кажется мнѣ ни выдающимся историкомъ, ни полководцемъ. Описаніе битвъ, которыя я тамъ нахожу, а болѣе я тамъ не нахожу ничего, въ общемъ или плачевно ничтожны, какъ въ случаѣ при Нарвѣ, или, когда они вдаются въ подробности, явно неточны. Я не могу сказать, изобрѣлъ ли великій человѣкъ редуты, которымъ придаютъ такое большое значеніе при Полтавѣ; но всѣмъ извѣстно, что онъ удовольствовался самъ выступленіемъ во главѣ одного полка, предоставивъ, какъ всегда, командованіе своимъ генераламъ.

Онъ старательно изучалъ успѣхи военнаго генія и постарался обезпечить и защитить новыя пріобрѣтенія на берегахъ Балтики; но Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ съ трудомъ могла бы сойти за образецъ; изъ другихъ же созданій подобнаго рода, предпринятыхъ подъ его руководствомъ, даже по признанію его величайшихъ почитателей, ни одно не можетъ быть названо совершеннымъ. Что же касается осадъ, успѣхъ которыхъ можетъ быть отнесенъ на его активъ, то я вижу ихъ неизмѣнно оканчивающимися приступомъ, гдѣ проявлялись единственныя качества: это блестящія качества новой русской арміи, ея храбрость и дисциплина. Эти качества мнѣ представляются также единственнымъ неоспоримымъ пунктомъ, который могъ бы съ своей стороны увеличить славу великаго преобразователя. Онъ ввелъ почти во всѣхъ отрасляхъ, какъ я это покажу въ другомъ мѣстѣ, усовершенствованія, которыя упрочили могущество и значеніе его страны; онъ былъ организаторъ, не имѣвшій равнаго себѣ, и я даже скорѣе сказалъ бы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его апологетами, что онъ опередилъ свое время, напримѣръ, учрежденіемъ набора, въ примѣненіи нѣкоторыхъ прин-

циповъ, появившихся и прославленныхъ теоретически на Западѣ гораздо ранѣе его, но по господствовавшей рутинѣ далекихъ отъ практическаго приложенія.

Для пріобрѣтенія настоящаго искусства въ какой-нибудь отрасли знаній, у него не только не хватало чувства мѣры, но также еще и чего-то другого, за отсутствіемъ чего я вижу его въ продолженіе всей его жизни забавляющимся въ серьезныхъ вещахъ и серьезно увлекающимся дѣтскими забавами. Укажу хотябы только, напримѣръ, на его занятія и стремленія къ хирургическому и зубоврачебному искусству. Со времени возвращенія изъ Голландіи, онъ постоянно носилъ при себѣ ящикъ съ инструментами и никогда не пропускалъ случая примѣнить ихъ. Служащимъ въ госпиталяхъ С.-Петербурга было вмѣнено въ обязанность извѣщать его о всѣхъ случаяхъ, когда предстояла интересная операція больному; онъ почти всегда присутствовалъ при операціи и часто самъ брался за ножъ.

Онъ выпустилъ однажды 20 фунтовъ жидкости у женщины съ водянкой,—которая умерла нѣсколько дней спустя. Несчастная защищалась, какъ только могла, если не отъ самой операціи, то отъ оператора. Онъ шелъ за ея гробомъ. Въ Музеѣ искусствъ въ Петербургѣ хранится полный мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ августѣйшимъ ученикомъ бродячаго практика изъ Амстердама. Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ понравиться государю было обратиться къ его услугамъ по вырыванію зуба. Случалось, что онъ выдергивалъ совершено здоровые. Его комнатный слуга, Полубояровъ, жаловался ему на свою жену, которая подъ предлогомъ зубной боли уже давно отказывалась отъ исполненія супружескихъ обязанностей. Онъ приказалъ позвать бунтовщицу, тутъ же произвелъ ей операцію, не взирая на ея слезы и крики, и предупредилъ, что въ случаѣ повторенія такая же участь постигнетъ обѣ челюсти. Надо, однако, признать правду, что ему обязана Москва въ 1706 году своимъ первымъ военнымъ госпиталемъ, за которымъ послѣдовала школа хирургіи, анатомическій кабинетъ и ботаническій садъ, гдѣ онъ самъ посадилъ нѣкоторое количество древесныхъ породъ. Въ томъ же году, благодаря его стараніямъ, были учреждены аптеки въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ, Ригѣ и Ревелѣ.

Впрочемъ, сценическія и артистическія занятія и дѣла были для него не только простымъ дѣломъ удовольствія или естественной склонности.

Онъ явно не имѣлъ никакого художественнаго чувства, никакого вкуса ни въ живописи, ни въ архитектурѣ. Его деревянный домикъ, въ Преображенскомъ, столь низенькій, что можно было достать рукою крышу, имѣлъ въ себѣ все, чтобы вполнѣ удовлетворить его личныя склонности. Долгое время онъ не соглашался имѣть другого даже въ Петербургѣ. Однако, онъ считалъ необходимымъ строить тамъ дворцы, которые бы служили жилищами его сотрудниковъ. Но постройки шли вяло; онъ видѣлъ необходимость показать примѣръ разъ навсегда и кончилъ тѣмъ, что сдѣлалъ себѣ Зимній и Лѣтній дворцы. Онъ выстроилъ довольно неуклюжее подражаніе западнымъ образцамъ, ибо стремился быть и своимъ собственнымъ архитекторомъ. Корпусъ зданія не сходился съ крыльями и образовались безобразные выступы, а въ комнатахъ, отведенныхъ для него, надо было сдѣлать двойные потолки, чтобы сохранить представленіе о томъ, что онъ живетъ еще въ деревянной хижинѣ. Но начало было положено, и со временемъ, французскій архитекторъ Леблонъ, приглашенный за огромное вознагражденіе въ сорокъ тысячъ ливровъ годовыхъ, постарался исправить ошибки прошлаго, придавши новой столицѣ подходящій для нея основательный и красивый видъ.

Петръ точно также позаботился объ увеличеніи небольшихъ коллекцій музея искусствъ, пріобрѣтеннаго имъ въ первое путешествіе въ Голландію. Когда онъ появился въ Амстердамѣ въ 1717 году, то рѣшилъ принять видъ просвѣщеннаго любителя; онъ случайно пріобрѣлъ картины Рубенса, Ванъ-Дика, Рембрандта, Жана Штейна, Ванъ-деръ-Верфа, Лингельбаха, Бергхейма, Мириса, Вувермена, Брэхгеля, Остада, Ванъ-Гиссена. У него былъ большой выборъ картинъ въ Лѣтнемъ Дворцѣ, цѣлая галлерея въ Петергофскомъ замкѣ. Рисовальщикъ и монетный рѣзчикъ Пикаръ и хранитель швейцарецъ Гжелль, бывшій старьевщикъ въ Голландіи, были приглашены на службу при этихъ коллекціяхъ,—первые, которыхъ знаетъ Россія.

И все это безъ малѣйшаго признака личнаго интереса. Позволительно сомнѣваться, чтобы онъ много проявилъ его въ корреспонденціи съ аббатомъ Биньонъ, королевскимъ библіотекаремъ и членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ которой онъ былъ со времени своего пребыванія въ Парижѣ, въ 1717 году. Въ 1720 году онъ послалъ къ аббату своего библіотекаря,—ибо онъ создалъ себѣ также и библіотеку,—нѣмца Шумахера, поручивъ ему рукопись золотыми буквами на пергаментѣ, най-

денную въ Семипалатинскѣ въ Сибири, подъ сводами одной разрушенной церкви. Дѣло шло не о томъ, чтобы разобрать документъ, а сначала узнать, на какомъ языкѣ онъ написанъ; Петръ казался восхищеннымъ, когда, принявшись за нее съ помощью присяжнаго королевскаго переводчика Фурмона, аббатъ объявилъ ему, что эта таинственная загадка принадлежитъ Тангутамъ—древнему Калмыцкому племени. Только послѣ его смерти двое русскихъ, которыхъ онъ послалъ въ Пекинъ изучать китайскій языкъ, и которые пробыли тамъ 16 лѣтъ, занялись пересмотромъ этого ученаго изслѣдованія и сдѣлали открытіе, компрометирующее заслуги парижскихъ оріэнталистовъ: рукопись была манджурская и ея текстъ совершенно отличался отъ того, который привелъ Фурмонъ. Но Петръ умеръ съ убѣжденіемъ, что пролитъ свѣтъ на важный пунктъ отечественной палеографіи и этнографіи и что онъ добросовѣстно исполнилъ свой долгъ государя. Между курьёзами, собранными имъ въ своемъ музеѣ искусствъ и естественной исторіи, современники упоминаютъ о нѣкоторыхъ живыхъ субъектахъ человѣческаго рода: объ одномъ человѣкѣ, пораженномъ ужаснымъ, отталкивающимъ недугомъ, и о недоразвитыхъ дѣтяхъ. Великій человѣкъ думалъ такимъ образомъ послужить наукѣ этими выставками.

II.

Это былъ умъ ясный, точный, опредѣленный, прямо идущій къ цѣли, безъ колебаній и уклоненій, машина, управляемая вѣрною рукой.

Его корреспонденція характерна въ этомъ отношеніи. Онъ не писалъ длинныхъ писемъ, какъ дѣлала его преемница, Екатерина II. Онъ не имѣлъ времени. Ни фразъ, ни разсужденій, ни тѣмъ болѣе каллиграфіи и ореографіи. Его обыкновенное письмо почти также неудобочитаемо, какъ наполеоновское. Въ большинствѣ словъ не хватаетъ буквъ. Онъ слѣдующимъ образомъ начинаетъ записку, адрессованную Меншикову: «Meiu hez brude in Kamamara, когда хочетъ сказать: Mein Her Bruder und Kamarad» (Мой милый братъ и товарищъ). Даже въ своей подписи «Перъ» онъ вводитъ фантастическое сокращеніе, принятое въ славянскомъ алфавитѣ. Но онъ говоритъ быстро и хорошо то, что онъ хочетъ сказать, сразу и безъ усилій подыскивая правильное выраженіе, слово, которое опредѣляетъ и выражаетъ его мысль. Однако, онъ любитъ во всемъ шутку и, возможно, что Екатерина Великая, просто подражала ему въ этомъ

тношеніи. Онъ писалъ, напримѣръ, Меншикову на имя любимаго дога. Очень часто у него бывали шутки, остроты и вольности, какъ по мысли, такъ и внѣшней формѣ, но еще чаще онъ бывалъ рѣзокъ и ѣдокъ. Вице-адмиралъ Крюй прислалъ ему донесеніе, въ которомъ онъ жалуется на своихъ офицеровъ, прибавляя нѣсколько комплиментовъ по адресу царя: «человѣкъ, любящій море, какъ Петръ, лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ, насколько дисциплина важна въ морскомъ дѣлѣ». Онъ отвѣтилъ: «вице-адмиралъ самъ дѣлаетъ выборъ своихъ подчиненныхъ, ему самому и надлежитъ приняться за ихъ недостатки. Въ послѣднемъ случаѣ онъ кажется менѣе убѣжденнымъ въ качествахъ, которыя онъ дѣйствительно приписываетъ государю. Его критика, какъ и его похвалы должно быть дѣлались послѣ выпивки: онъ на ногахъ не стоялъ. Или нужно меня вычеркнуть изъ числа понимающихъ моряковъ, или не говорить мнѣ бѣлое, когда я говорю черное».

Восточный оттѣнокъ проявляется въ естественныхъ и пластическихъ оборотахъ его рѣчи. По поводу своего союза съ Даніей и неудовольствій, которыя онъ ему причинялъ, я нахожу слѣдующее выраженіе, вырвавшееся изъ-подъ его пера: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не могутъ ужиться»; и еще: «нашъ союзъ, какъ пара молодыхъ лошадей, впряженныхъ въ телѣгу». Или если дѣло шло о Польшѣ, гдѣ умы были въ постоянномъ броженіи: «дѣла идутъ тамъ, какъ молодая брага». Человѣкъ, который принимаетъ неосновательныя рѣшенія сравнивается съ «медвѣдемъ, который говоритъ, что можетъ перегнать кобылу». Даже въ качествѣ законодателя онъ иногда выражается такимъ языкомъ. Создавая постъ генералъ-прокурора въ Сенатѣ онъ сказалъ, что «хочетъ воспрепятствовать, чтобы законами играли, какъ картами, подбирая ихъ по мастямъ». Прокуроръ будетъ его «окомъ».

Не будучи историкомъ, онъ не былъ лишенъ историческаго чутья. Онъ только описываетъ событія, но короче понимаетъ ихъ смыслъ и значеніе. Онъ правильно ихъ объясняетъ, даже въ своихъ письменныхъ бесѣдахъ съ Екатериною. Очевидно, что онъ ведетъ точный учетъ всему, что творится и происходитъ вокругъ него.

Его воображеніе естественно склонно къ большому и даже къ огромному. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ возобновить колоссъ Родосскій между Кронштадтомъ и Кронштотомъ, въ видѣ огромной башни—коня надъ проливомъ, подъ которой

ы проходили самые большіе корабли, а на вершинѣ которой была бы небольшая крѣпость и маякъ. Уже была начата ея постройка въ 1724 году.

Въ нѣкоторыхъ его порывахъ я нахожу шекспировскія черты. Въ 1697 году, въ то время когда его отъѣздъ въ первое путешествіе по Европѣ былъ задержанъ раскрытіемъ заговора Циклера, онъ, замѣтивъ общую преступную связь между настоящимъ и прошлымъ, приказалъ вырыть трупъ Ивана Милославскаго, опущеннаго въ могилу уже 12 лѣтъ тому назадъ, и уже съѣденнаго червями. Его останки отвезли въ Преображенское на саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью свиньями и помѣстили ихъ въ открытомъ гробѣ *подъ эшафотомъ*, на которомъ должны медленно умереть Циклеръ и его сообщникъ Соковкинъ, разрубленные и разсѣченные на мелкіе куски. Съ каждымъ ударомъ ножа, кровь казнимыхъ будетъ падать мстительными каплями на того, кто остается ненавистнымъ врагомъ, оторваннымъ отъ покоя смерти, чтобы подвергнуться страшному наказанію отъ своего побѣдителя.

Въ 1723 году Преображенское было свидѣтелемъ другого зрѣлища, менѣе безобразнаго, но все-таки страшнаго. Петръ приказалъ сжечь тамъ свой деревянный домъ, который возстановили по его приказанію на его прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ былъ перенесенъ. Обыватели въ то время предпринимали переселеніе въ странѣ, тогда близкой еще къ жизни кочевниковъ. Памятный и символическій пожаръ. Въ этомъ именно домѣ—признавался онъ герцогу Голштинскому—Петръ составилъ проектъ своей ужасной борьбы со шведомъ, теперь уже окончившейся, и на радостяхъ, по случаю заключенія мира, онъ хочетъ уничтожить всѣ слѣды тяжелыхъ пережитковъ до этого памятника включительно. Но чтобы придать больше торжественности мирной демонстраціи, онъ рѣшилъ придать ей большое великолѣпіе при помощи фейерверка; онъ подожгъ наполовину сгнившіе столбы своей хижины римскими свѣчами и когда крыша освѣщалась снопами разноцвѣтныхъ огней, онъ самъ билъ въ барабанъ въ продолженіе всего пожара.

Временами, даже въ сферѣ пониманій и ощущеній гораздо болѣе тонкихъ, онъ, кажется, безъ усилій возвышался и парилъ въ облакахъ съ душами великихъ историческихъ избранниковъ, какъ по высотѣ полета, такъ и по широтѣ размаха. Въ 1712 г., Стефанъ Яворскій, малороссійскій монахъ, котораго онъ перевелъ изъ Кіева въ Москву, чтобы назначить архіереемъ, пуб-

лично напалъ на него въ своей рѣчи, разразившись ею противъ мужей, бросающихъ своихъ женъ, и людей, не соблюдающихъ постовъ.

Возникло дѣло объ оскорбленіи Величества, и государю было представлено донесеніе въ этомъ духѣ. Петръ ограничился подписью на поляхъ: «Сперва одинъ на одинъ, потомъ при свидѣтеляхъ». А такъ какъ Яворскій говорилъ, что онъ удалится въ монастырь, то онъ этому воспротивился, но добился присылки отъ Константинопольскаго патріарха разрѣшенія, которое оправдывало его отступленія отъ православныхъ постовъ.

Одинъ фанатикъ пытался убить его, произведя одинъ за другимъ два выстрѣла изъ пистолета, когда онъ спалъ. Оружіе каждый разъ давало осѣчку, и человѣка этого охватилъ ужасъ и онъ разбудилъ царя, чтобы сообщить ему о случившемся. Богъ послалъ его для того, чтобы дать монарху удивительное доказательство своего благоволенія. «Теперь убей меня», прибавилъ онъ. «Посланниковъ не убиваютъ», отвѣтилъ спокойно Петръ, и позволилъ злоумышленнику удалиться. Можетъ быть разсказъ не очень достовѣренъ, и я не думаю, чтобы Петръ согласился такъ легко выпустить изъ рукъ столь удобный случай для слѣдствія, розыска сообщниковъ и засѣданій въ комнатѣ пытокъ. Фокусъ съ Яворскимъ, очевидно, единственный въ своемъ родѣ. Но, вѣроятно, выдуманное во всѣхъ мелочахъ, или по крайней мѣрѣ преувеличенное, происшествіе это соотвѣтствуетъ манерѣ, которая была свойственна царю, въ особенности въ послѣднемъ случаѣ.

Я нахожу, что онъ часто при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ представлялъ доказательства высшаго пониманія, самой высокой философской широты взгляда по отношенію къ себѣ лично.

Явившись въ Варшаву послѣ злосчастнаго Прутскаго похода и получая поздравленія по случаю благополучнаго прибытія, онъ возражалъ: «Мое счастье заключается въ томъ, что вмѣсто ста ударовъ палками, я получилъ только пятьдесятъ». Потомъ, какъ бы говоря самъ себѣ: «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ»... и самъ же возражалъ: «не столь! не столь!»

Одинъ изъ его любимыхъ учениковъ, Неплюевъ, явился съ опозданіемъ на утреннюю аудіенцію, которая ему была назначена въ судостроительной мастерской. Царь былъ уже тамъ. Неплюевъ извинялся: онъ засидѣлся ночью съ друзьями. «Это хорошо; я тебя прощаю, потому что ты сказалъ правду, да къ

тому жъ»,—тутъ Петръ будто бы сдѣлалъ указаніе на себя, примѣнивъ къ этому случаю мѣстную пословицу,—«кто бабѣ не внукъ».

Были ли эти пріемы мысли, слова и дѣла у него самостоятельны, естественны? Соотвѣтствовали ли они дѣйствительно внутреннимъ чертамъ ума и характера? Не являются ли они скорѣе результатомъ рисовки, которую ему приходилось мѣнять по оплошности, по капризу, или за ненадобностью? Сомнѣніе допустимое, ибо онъ столь часто мѣнялъ ихъ и противорѣчилъ имъ.

При въѣздѣ въ Дербентъ въ 1723 году онъ будто бы сказалъ: «Александръ выстроилъ этотъ городъ, а Петръ его взялъ». На одной изъ тріумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ лѣсу подъ Москвой, еще задолго до Полтавы, онъ приказалъ при возвращеніи изъ персидскаго похода слѣдующимъ образомъ упомянуть объ этой легкой побѣдѣ:

Struxerat fortis, sed fortior hanc cepit urbem [1]).

Очевидно въ этотъ день онъ забылъ свою скромность. При взятіи Нарвы, въ 1704 году, онъ забылъ благородство, давши пощечину коменданту Горну, виновному единственно лишь въ томъ, что слишкомъ хорошо защищался, приказавши бросить въ воду трупъ его жены, убитой во время приступа. При взятіи Выборга, въ 1710 году, онъ обѣщалъ осажденнымъ военныя почести, потомъ же, при капитуляціи, онъ задержалъ гарнизонъ въ плѣну. Тотъ же фактъ повторился и при Дерптѣ и подъ Ригой.

Это тотъ же человѣкъ, который послѣ сраженія подъ Тваэрмюнде (іюля 1714 г.) обнялъ командира фрегата, Эренскьельда, и заявилъ, что гордится сраженіемъ съ такимъ противникомъ. Онъ точно выполнилъ въ 1721 году мирныя условія, подписанныя съ Швеціей, но способъ, которымъ онъ открылъ военныя дѣйствія, былъ образомъ вѣроломства.

Въ маѣ 1700 года, возвратившись изъ Воронежа въ Москву, онъ дружески упрекалъ шведскаго резидента Книперкрона за безпокойство, которое проявляла, живя на дачѣ въ Воронежѣ, его дочь, опасаясь столкновеній между обѣими странами. Онъ старался ее успокоить: «Глупое дитя, говорилъ онъ ей, какъ могла ты подумать, что я соглашусь начать неправую войну и

1) Храбрый выстроилъ, храбрѣйшій взялъ этотъ городъ.

нарушить миръ, который я поклялся вѣчно хранить». Онъ обнималъ Книперкрона при свидѣтеляхъ и расточалъ передъ нимъ вѣрнѣйшія обѣщанія: «Если польскій король возьметъ Ригу, онъ, Петръ, отниметъ городъ, чтобы возвратить его шведамъ». Въ это же время онъ уже заключилъ союзъ съ Августомъ противъ Швеціи, составивъ планъ нападенія общими силами и дѣлежа предстоящей добычи. Въ слѣдующемъ августѣ 8-го числа, получивши отъ своего посла въ Константинополѣ, Украинцева, новость о подписаніи мира съ Портой, котораго онъ ожидалъ, чтобы снять маску, онъ двинулъ свои войска въ походъ противъ Нарвы; а въ то же время его другой посолъ, князь Хилковъ, получивъ аудіенцію у Карла XII, продолжалъ увѣрять его въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ своего повелителя.

Преимущественно практическое направленіе его ума дѣлало его иногда ограниченнымъ и узкимъ. Когда Лейбницъ предложилъ ему устроить по всему пространству его обширной имперіи магнитныя обсерваторіи, онъ едва не утратилъ уваженіе къ великому ученому. Это не помѣшало ему увлечься открытіемъ Берингова пролива, онъ имѣлъ въ виду его, какъ коммерческій путь и видимую отъ него пользу.

Онъ былъ экономенъ до скупости. Онъ пользовался математическими инструментами, которые постоянно носилъ съ собою, для измѣренія убыли сыру, который ему подавался, а чтобы вознаградить за недостаточность жалованья, которое онъ платилъ своему главному повару Вельтену, онъ разрѣшилъ брать по дукату съ головы за ужины, на которые онъ созывалъ своихъ друзей. Онъ охотно соглашался крестить, такъ какъ любилъ вмѣшиваться во все и у всѣхъ; но подарокъ, который онъ дѣлалъ роженицѣ, иногда не превышалъ дуката, положеннаго подъ подушку, если это была жена офицера, или рубля, если это была простая солдатка. Въ награду Тимофею Антипову, спасшему его жизнь въ 1694 году въ бурю на Бѣломъ морѣ, онъ далъ тридцать рублей, и это было съ его стороны огромнымъ шагомъ благородства.

Итакъ, я нахожу его всегда и во всемъ вполнѣ вѣрнымъ самому себѣ и вполнѣ естественнымъ въ своихъ противорѣчіяхъ. Конечно, онъ разнообразенъ въ томъ смыслѣ, о которомъ я еще скажу, и его нравственные устои, какъ и воспитаніе, очень отличаются отъ обычныхъ. Не будемъ забывать страну, въ которой онъ родился, націю, къ которой онъ принадлежалъ, традиціи, которыя онъ унаслѣдовалъ. Рюрикъ, Олегъ, св. Владиміръ, Свя-

тополкъ и Мономахъ, эти герои русской исторіи и сказки, конечно, крупныя фигуры, но нужно остерегаться разсматривать ихъ въ историческомъ и сказочномъ свѣтѣ древняго европейскаго міра.

Очевидно, тѣ же самыя противорѣчія встрѣчаются у Петра и въ отношеніи къ морали и религіи. Былъ ли онъ вѣрующимъ? Въ этомъ можно еще сомнѣваться, ибо временами онъ такъ же безцеремонно относился къ обрядамъ и служителямъ церкви, какъ и въ другихъ случаяхъ сильныхъ увлеченій. Я нахожу его у постели его сестры Маріи во время ея агоніи, выгоняющимъ монаховъ, пришедшихъ для того, чтобы совершить надъ нею по обычаю священный обрядъ; они принесли умирающей разныя яства и питія и спрашивали у нея сладкимъ голосомъ, «не желаетъ ли она, разставаясь съ жизнью, не быть лишенной хоть пищи». Къ чорту всѣ обманы! Пусть такъ, онъ самъ держится простой вѣры и преслѣдуетъ притворство.

Но я вижу, что онъ имѣетъ привычку помнить праздники, которые самъ устанавливаетъ, и англійскій посолъ Витвортъ, въ своей депешѣ отъ 25 марта 1712 года, говоритъ объ одной блестящей, одержанной во снѣ, побѣдѣ надъ тигромъ, которая укрѣпила царя въ его воинственныхъ замыслахъ. Въ то же время приличія, добрые или дурные нравы, вѣжливость и скромность,— все это казалось для него мертвою буквой. Въ 1723 году, Ягужинскій, одинъ изъ выскочекъ, которыми онъ былъ окруженъ, чтобы жениться на дочери канцлера Головкина, рѣшилъ развестись съ своей женой, которую онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть и отъ которой онъ имѣлъ взрослыхъ дѣтей. Такъ какъ Ягужинская съ одной стороны и Головкинъ съ другой—возстали противъ этого проекта, то Петръ, которому онъ пришелся по душѣ тѣмъ, что могъ унизить этимъ старую аристократію передъ новой, не постѣснился вмѣшаться: жена была заключена въ монастырь, а отецъ былъ принужденъ дать согласіе; Петръ объявилъ первый бракъ расторгнутымъ и принялъ на себя расходы по второму. Вотъ примѣръ, какъ онъ поступалъ въ частныхъ дѣлахъ; по этому можно судить объ остальномъ.

Въ Берлинѣ, въ 1718 году, посѣщая кабинетъ медалей и античныхъ статуй, онъ обратилъ вниманіе на статуэтку съ непристойной позой бога, которымъ римляне любили украшать свои брачныя комнаты. Онъ зоветъ императрицу и приказываетъ ей поцѣловать фигурку; такъ какъ та попробовала было защищаться, то онъ грубо крикнулъ на нее: «Голову долой!», давая понять ей, чѣмъ она рискуетъ въ случаѣ неповиновенія.

Послѣ этого онъ просилъ у короля, владѣльца ея, уступить ему эту рѣдкую вещь, а также еще нѣсколько другихъ штукъ, и кромѣ того кабинетъ для куренія, стоившій огромныхъ денегъ, по словамъ маркграфини Байрейтской.

Въ Копенгагенѣ точно также, увидѣвши мумію въ естественно историческомъ музеѣ, онъ выразилъ намѣреніе пріобрѣсти ее. Королевскій смотритель донесъ объ этомъ своему господину, который отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ: мумія исключительной красоты и величины, другой подобной нѣтъ въ Германіи. Петръ вернулся въ музей, схватилъ мумію, откололъ ей носъ, всячески изуродовалъ ее и ушелъ со словами: «теперь можете ее хранить». Въ 1711 году, въ Дрезденѣ, покидая гостиницу *Золотого Кольца*, онъ снялъ собственноручно и хотѣлъ уложить въ свой багажъ, несмотря на сопротивленіе слугъ, цѣнныя занавѣси, которыя саксонскій дворъ прислалъ для украшенія его покоевъ. Въ Данцигѣ въ 1716 году будучи въ церкви, гдѣ ему причинялъ неудобство холодный сквозной вѣтеръ, онъ, не говоря ни слова, протянулъ руку, снялъ съ бургомистра, стоявшаго рядомъ съ нимъ, парикъ и надѣлъ его на себя.

Я не вѣрю совершенно тому, что баронъ Прикценъ долженъ былъ однажды взобраться на вершину мачты, чтобы представить свои вѣрительныя грамоты московскому государю, въ то время какъ тотъ былъ занятъ прикрѣпленіемъ веревокъ и не соглашался прервать свое занятіе.

Это отсутствіе мелочности, эта ненависть къ обычнымъ правиламъ поведенія, это презрѣніе къ благопристойности уживались, однако, въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ глубокимъ чувствомъ полнаго уваженія къ долгу, закону и порядку. Почему и какъ? Безъ сомнѣнія потому, что онъ считалъ, что здѣсь должно быть нѣчто другое, чѣмъ безсознательное отрицаніе основъ какого-либо общественнаго строя. Помимо нѣкоторой доли каприза и фантазіи, которыми объясняется большая часть его непослѣдовательныхъ поступковъ, здѣсь надо искать и болѣе серьезныя причины. Петръ предпринялъ перемѣны въ жизни народа, для котораго на добрую половину имѣли значеніе мелочи и предразсудки, какъ въ области религіи, такъ и нравственности. Обладая въ достаточной долѣ наблюдательностью, онъ видѣлъ въ нихъ главное препятствіе на пути къ прогрессу, а имѣя здравый смыслъ, онъ не пропускалъ ни одного случая къ ихъ исправленію.

Въ 1699 г., ведя по Дону свою флотилію кораблей, онъ увидѣлъ какъ голландскій матросъ наслаждался жаркимъ изъ черепахъ, вы-

ловленныхъ въ рѣкѣ. Онъ указалъ это своимъ сотоварищамъ, закричавшимъ отъ ужаса: подобная пища составляла въ ихъ глазахъ предметъ отвращенія и ужаса. Онъ тотчасъ приказалъ своему повару подъ видомъ курицы подать къ столу предосудительное блюдо. Шейнъ и Салтыковъ почувствовали себя дурно, когда имъ по приказу царя показали перья дичи, которую они по ихъ предположенію ѣли.

Петръ чувствовалъ въ себѣ призваніе освободить народное сознаніе отъ наслоеній, которыя на него наложили вѣка варварскаго невѣжества. Но, совершая это, онъ внесъ слишкомъ много стремительности, слишкомъ много личной грубости, и въ особенности, слишкомъ много пристрастія. Онъ билъ направо и налѣво. И поэтому, исправляя все, онъ портилъ; являясь великимъ воспитателемъ, онъ былъ въ то же время величайшимъ развратителемъ рода человѣческаго. Вмѣстѣ со всѣмъ своимъ величіемъ современная Россія обязана ему большинствомъ своихъ пороковъ [1]).

III.

Характерны и въ своемъ родѣ единственны въ этой физіономіи, которая при взглядѣ на нее съ нѣкоторыхъ сторонъ кажется почти безобразной вслѣдствіе своихъ контрастовъ,—это черты безпрерывнаго и непомѣрнаго шутовства. Они скрываютъ царственную голову подъ колпакомъ арлекина, придаютъ балаганные гримасы суровой маскѣ и особенно при всѣхъ превратностяхъ жизни, полной крупныхъ событій и великихъ дѣяній, перемѣшиваютъ пустое съ серьезнымъ, фарсъ съ драмой.

Это началось очень рано, съ самаго начала царствованія, съ прозвищъ, которыя молодой царь давалъ себѣ и надѣлялъ своихъ друзей и сотрудниковъ первыхъ дней. Уже въ 1695 году князь Ѳедоръ Ромодановскій получилъ титулъ генералиссимуса *короля Пресбурскаго*, и въ письмахъ къ нему съ порученіемъ самыхъ важныхъ дѣлъ Петръ не переставалъ величать его *Min Her Kenich*. При этомъ онъ подписывался: «Вашего Величества нижайшій рабъ, *Knech Piter Komondor*», или «Jr Daheleix Kneh», что̀ имѣло смыслъ, понятный только ему одному. Онъ по каждому поводу увѣрялъ въ своемъ рѣшеніи проливать кровь до послѣд-

---

[1]) Смотри любопытную статью историка кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»—Изданіе «Русской Были» № 9. М. 1908 г.

ней капли на службѣ этого воображаемаго государя. Въ то же время Зотовъ, его старый наставникъ, былъ назначенъ Пресбургскимъ архіереемъ, патріархомъ береговъ Яузы и всего *Кукуя* (прозвище неизвѣстнаго происхожденія, данное кварталу нѣмецкой слободы); Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ сдѣлался Папой; ему писали: «святѣйшій отецъ» и «Ваше Святѣйшество» и требовали, чтобы отвѣты были въ томъ же духѣ, хотя бы они имѣли характеръ дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ донесеній.

Нужна была вся необыкновенная скромность національнаго характера, покоренная всевозможными формами деспотизма, для того, чтобы благодаря такимъ испытаніямъ не пошатнулась въ конецъ самая идея государственности; въ особенности тогда, когда самыя непредвидѣнныя переодѣванія, наименѣе подходящія для государя, унижали даже его человѣческое достоинство. Въ 1698 году по возвращеніи изъ своего перваго путешествія за границу я вижу его въ шествіи, гдѣ лже-патріархъ Зотовъ, одѣтый въ митру, на которой былъ изображенъ въ непристойномъ видѣ Бахусъ, шелъ во главѣ толпы обнаженныхъ вакханокъ, несшихъ на головѣ вмѣсто виноградныхъ вѣтвей пучки курительнаго табаку. Я ясно вижу въ этомъ осмѣяніе монополіи, которую только что изобрѣлъ маркизъ Гаермартенъ, и слѣдовательно политическое намѣреніе; но способъ избранный для его изображенія покажется конечно страннымъ. Въ томъ же году на другой день послѣ казни, когда полтораста *стрѣльцовъ* умерли отъ жестокихъ мученій, Петръ былъ все-таки веселъ; онъ оставилъ обѣдать Бранденбургскаго посла, получившаго прощальную аудіенцію, и, за дессертомъ, угостилъ его шутовской сценой, въ которой лже-патріархъ, преподавъ благословеніе присутствующимъ двумя сложенными крестообразно чубуками, подалъ сигналъ къ танцамъ. Царевичъ Алексѣй и его сестра Наталія присутствовали при этомъ развлеченіи за занавѣской, которую пріоткрыли для того, чтобы дать имъ возможность видѣть зрѣлище.

Двадцать лѣтъ спустя, остались все тѣ же забавы. Во время масляницы 1724 года толпа въ 60—70 человѣкъ молодежи, офицеровъ и духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ духовникъ царя Надажинскій, мѣщане и простонародье, среди которыхъ одинъ матросъ, шедшій головою внизъ, съ гримасами и шутовскими кривляньями, сопровождала царя по улицамъ. Эти люди, набранные среди величайшихъ пьяницъ, и самыхъ безобразныхъ по-

донковъ страны, образовали правильное братство, собираясь въ опредѣленные дни, подъ именемъ «безпечальнаго собора», и предавались оргіямъ, продолжавшимся иногда въ теченіе сутокъ. Иногда на эти собранія приглашались женщины и самые важные сановники, министры, генералы. Люди съ вѣсомъ и въ лѣтахъ часто бывали вынуждены принимать участіе въ удовольствіяхъ, которымъ тамъ предавались.

Въ январѣ 1725 года восьмидесятилѣтній старикъ изъ извѣстной фамиліи, Матвѣй Головинъ, долженъ былъ согласно приказу участвовать въ шествіи, одѣтый чертомъ. Такъ какъ онъ отказался, то его по приказанію Петра схватили, совершенно раздѣли, надѣли ему на голову картонный колпакъ съ рожками, и въ продолженіе часа заставили сидѣть на льду на Невѣ. Онъ схватилъ горячку и умеръ.

Сами по себѣ эти пріемы развлеченія, кажущіеся такими грубыми, въ особенности теперь, могли бы ускользнуть отъ критики; они были естественнымъ и такъ сказать необходимымъ противоядіемъ въ томъ существованіи труженика, которое безъ этого превосходило предѣлы человѣческихъ силъ даже для столь исключительно крѣпкой натуры, какъ у Петра. Великій человѣкъ инстинктивно искалъ въ этомъ отдыха для напряженныхъ нервовъ, и будучи крайнимъ во всемъ, не сумѣлъ избѣгнуть худшихъ крайностей и тутъ. Можно думать даже, что онъ искупалъ непріятную, циническую и безчеловѣчную сторону этого безграничнымъ весельемъ и широкимъ добродушіемъ, которыя онъ обыкновенно вносилъ съ собою.

Съ другой стороны поистинѣ скандальный характеръ его удовольствій и забавъ заключается въ завѣдомомъ смѣшеніи, которое Петръ устраивалъ между глупостью и дѣломъ, маскарадомъ и серьезною жизнью. Потѣшные графы и патріархи, шуты и арлекины перепутывали и безъ стѣсненія смѣшивали свои маскарадныя достоинства и принадлежности съ другими титулами и другими обязанностями, которые исполняли или должны были исполнять очень почтенныя особы.

Нѣтъ ни оправданія, ни извиненія этимъ безобразіямъ; они являются конечно слабымъ мѣстомъ въ крупномъ умѣ, слишкомъ выбитомъ изъ обычной колеи, слишкомъ лишенномъ противовѣса, который обыкновенно создаютъ въ натурахъ независимыхъ воспитаніе, традиціи, общественная среда, чтобы сохранить равновѣсіе въ пространствѣ, гдѣ ему приходилось двигаться и гдѣ пролегала его дорога.

IV.

Можно ли считать, что общественное и оффиціальное учрежденіе лже-патріархата, о которомъ я уже упоминалъ, имѣло цѣлью подготовку уничтоженія истиннаго патріархата? Я бы охотно съ этимъ согласился, но насколько опасенъ подобный извращенный путь! Не рисковалъ ли Петръ этимъ способомъ унизить достоинство всего духовенства и даже самую идею религіи? Могутъ сказать, что дѣло шло лишь о пародіи папства. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Я вижу Зотова подписывающимся отдѣльно то именемъ *князь-папа*, то *патріархъ*. А сопоставляя рядомъ съ нимъ лже-кесаря Ромодановскаго, спрашивается, какой титулъ, какой санъ, какую должность старался осмѣять и унизить Петръ? Я скорѣе склоненъ думать, что онъ въ особенности стремился къ забавѣ ума, предрасположеннаго къ фантазіямъ и эксцентричности въ виду нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ чертъ восточнаго деспотизма, нѣкоторыхъ конституціональныхъ пороковъ и нѣкоторыхъ пробѣловъ первоначальнаго воспитанія.

Предположимъ, что сюда иногда примѣшивались серьезныя намѣренія, что онѣ даже служили отправнымъ пунктомъ для безудержнаго и безобразнаго разврата воображенія, — я совершенно не думаю этого оспаривать,—но онѣ быстро испарялись и исчезали, смытыя его рѣзкимъ и грубымъ натискомъ.

Впрочемъ, вернемся къ фактамъ.

Происхожденіе кощунственной обстановки, въ которой выступали попъ или патріархъ Зотовъ и его преемники, восходитъ какъ я уже сказалъ, къ первымъ годамъ царствованія, но добавленія присоединялись впослѣдствіи. Послѣ учрежденія понтифекса, Петръ рѣшилъ прибавить къ нему кардиналовъ, конклавъ. Это былъ Всешутшѣйшій или Всепьянѣйшій Соборъ, учрежденіе, установленное почти оффиціально. Онъ пополнялъ изъ года въ годъ это учрежденіе, придумывая и собственноручно редактируя статуты и правила, работая надъ этимъ даже наканунѣ Полтавской битвы! Членами были самые грязные изъ его собутыльниковъ, къ которымъ онъ прибавилъ нѣсколько человѣкъ серьезной мысли и строгаго нрава, частью изъ-за грубаго каприза деспота, частью для того, чтобы посредствомъ униженія легче держать ихъ въ рукахъ. Избранные должны были сначала отправиться въ домъ князя-папы, названный Ватиканомъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и благодарность. Четыре заики, предводительствуемые камердинеромъ царя, слу-

жили имъ переводчиками при этой церемоніи, во время которой ихъ одѣвали въ красное платье, которое они должны были отнынѣ носить постоянно.

Переодѣтые такимъ образомъ они входили въ залу, называемую *Консисторіей*, вся меблировка которой состояла изъ креселъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ. Въ глубинѣ ея на возвышеніи изъ эмблематическихъ предметовъ, бочекъ, стакановъ и бутылокъ—тронъ князя-папы. Одинъ за другимъ проходили передъ нимъ кардиналы, получали по стакану водки и слышали слѣдующую формулу: *Reverendissime*, открой ротъ, осуши «то, что тебѣ даютъ, и ты заговоришь намъ о дивныхъ «дѣлахъ». Послѣ этого, когда всѣ занимали мѣста на креслахъ, сеансъ открывался и продолжался долгіе часы въ смѣси распутства и разнузданности. Конклавъ помѣщался въ сосѣднемъ домѣ, куда отправлялись процессіи съ княземъ-папою во главѣ на лошади въ саняхъ, которыя везли четыре быка. Его окружали лже-монахи якобины, кордельеры. Костюмъ отца Каллье, одного французскаго кордельера, поселившагося въ Москвѣ, послужилъ образцомъ для ихъ наряда.

Петръ даже хотѣлъ имѣть въ процессіи самого этого монаха, и уступилъ только передъ энергичнымъ протестомъ французскаго министра. Одѣтый въ голландскій костюмъ онъ обыкновенно дирижировалъ шествіемъ. Обширная галлерея, уставленная узкими диванчиками, ожидала членовъ конклава. Въ коридорахъ были еще кресла съ вырѣзными серединами, предназначенныя частью для запасовъ провизіи, частью для отправленія естественныхъ надобностей. Мнимымъ кардиналамъ было запрещено покидать ихъ диванчики раньше окончанія конклава. Конклавистамъ, приставленнымъ къ каждому изъ нихъ, было вмѣнено въ обязанность заставлять ихъ пить, подзадоривать ихъ на самыя необыкновенныя выходки, самыя разнузданныя шутки, а также, говорятъ, вызывать ихъ на откровенности. Царь присутствовалъ при этомъ, слушалъ, и дѣлалъ замѣтки въ книжечку. Конклавъ продолжался три дня и три ночи. Когда тамъ не были заняты избраніемъ новаго папы, то время было посвящено спорамъ относительно, напримѣръ, качества вина, объявленнаго нехорошимъ однимъ изъ кардиналовъ.

Въ 1714 году, чтобы разнообразить монотонность этой программы, Петръ рѣшилъ женить князя-папу Зотова, восьмидесятичетырехлѣтняго старика, имѣвшаго сына, служившаго съ достоинствомъ въ арміи. Тщетно одинъ изъ нихъ обращался

къ милосердію царя, чтобы отъ подобнаго позора была хоть избавлена старость отца. Невѣстою была знатная дама, Анна Пашкова, около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Были сдѣланы необходимыя приготовленія къ празднованію такой небывалой свадьбы. Не будемъ забывать, что въ это же самое время свирѣпствовала Сѣверная война со всѣми ужасами ежедневныхъ битвъ и жертвами, опустошавшими средства страны. И вотъ еще за четыре мѣсяца былъ посланъ приказъ всѣмъ придворнымъ кавалерамъ и дамамъ приготовиться къ исполненію роли въ предполагаемой церемоніи и прислать канцлеру, графу Головкину, подробное описаніе желаемыхъ костюмовъ, съ тѣмъ, чтобы не было болѣе трехъ одинаковыхъ. Исполнители въ костюмахъ два раза, 12 декабря 1714 и 15 января 1715 года подверглись личному смотру Петра. Онъ собственноручно написалъ всѣ правила распредѣленія церемоніальнаго обряда, предполагаемаго по этому поводу.

Въ назначенный день по сигналу, данному въ Петербургской крѣпости, мужчины и женщины, долженствовавшіе принять участіе въ маскарадѣ, должны были собраться, первые въ домѣ канцлера, вторые въ домѣ *княгини-шуменіи*. Ибо въ это время уже была и *княгиня-шуменія*, г-жа Ржевская, «бойкая и ловкая, но всегда пьяная бабёнка», какъ ее называетъ одинъ современникъ.

Шествіе выстраивалось передъ царскимъ дворцомъ и, перейдя Неву по льду, отправлялось на другой берегъ въ церковь Св. Петра и Павла, гдѣ девяностолѣтній священникъ, котораго нарочно выискали въ Москвѣ, ожидалъ новобрачныхъ передъ алтаремъ. Во главѣ шелъ Ромодановскій, лже-кесарь, на подобіе Давида неся гусли, покрытые медвѣжьей шкурой. Четыре медвѣдя были впряжены въ его сани и пятый держался позади въ видѣ лакея. Животныя, которыхъ били изо всей силы всю дорогу, издавали дикій ревъ. Молодые, слѣдовавшіе на очень высокихъ саняхъ, окруженные купидонами, имѣли впереди себя, на козлахъ вмѣсто кучера, оленя, украшеннаго огромными рогами, а сзади козла. Лже-патріархъ былъ одѣтъ въ костюмъ верховнаго жреца.

Все, что было въ столицѣ знатнаго: министры, аристократія, дипломатическій корпусъ, князь Меншиковъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ Брюсъ, графъ Витцтумъ, посолъ Августа II, въ качествѣ бургомистра Гамбурга, игравшій на рыляхъ, канцлеръ, князья Яковъ и Григорій Долгорукіе, князья Петръ и

Дмитрій Голицыны, игравшіе въ видѣ китайцевъ на свирѣли; имперскій посолъ Плейеръ, министръ Ганновера Веберъ, резидентъ Голландіи де-Ви, въ видѣ германскихъ пасторовъ игравшіе на волынкахъ, тоже находились тамъ, смущенные и стѣснявшіеся, но Петръ ни о чемъ не заботился.

Нѣкоторые вельможи, какъ Михаилъ Глѣбовъ, Петръ и Никита Хитровъ были освобождены отъ обязанности являться съ музыкальнымъ инструментомъ, «такъ какъ ихъ слишкомъ преклонный возрастъ дѣлалъ ихъ неспособными управлять руками». Но они должны были присутствовать. Царевичъ, въ видѣ охотника, игралъ въ рогъ. Екатерина, въ видѣ финляндки со свитою изъ восьми дамъ; старая царица Марѳа, вдова царя Ѳедора, въ видѣ польки; принцесса Остъ-Фрисландская въ древнегерманскомъ костюмѣ — всѣ играли на свирѣляхъ. Петръ, по обыкновенію въ качествѣ матроса, билъ въ барабанъ. Венеціанцы, извлекали пронзительные звуки изъ своихъ свистковъ, дикари изъ Гондураса размахивали копьями, поляки пилили на скрипкахъ, калмыки бренчали на балалайкахъ, норвежскіе крестьяне, литовскіе пасторы, католическіе монахи, епископы, украшенные оленьими рогами, *раскольники*, китоловы, армяне, японцы, лапландцы, тунгузы окружали его пестрой и нарядной толпой.

Звонъ инструментовъ, ревъ медвѣдей, звонъ колоколовъ, на всѣхъ церквахъ, крики тысячъ зрителей — смѣшивались въ адскую какофонію. Зрители кричали: «патріархъ женится! да здравствуетъ патріархъ и его супруга!» Банкетъ, какъ и слѣдовало ожидать, превратился въ оргію, закончившую торжество, гдѣ восьмидесятилѣтніе старики, едва державшіеся на ногахъ, исполняли обязанности виночерпіевъ. Празднество продолжалось и на другой день и тянулось до самаго февраля.

Не можетъ быть двухъ способовъ оцѣнки этихъ гнусностей и безобразій. Можно только расходиться въ способахъ ихъ объясненія. Я держусь того, который изложилъ уже выше. Петръ представитель общества на пути къ обновленію, въ которое историческія предпосылки и его личная иниціатива ввели и удерживали различныя и часто противоположныя «бродила», въ которыхъ не было ничего стойкаго, священнаго и слѣдовательно ничего святого. Со временъ Ивана Грознаго всѣ замѣчательные люди были своеобразны, самодуры (по яркому выраженію на языкѣ этой страны)—черта, указывающая на отсутствіе общаго запаса національной культуры. Таковъ же и Петръ; человѣкъ-

мастодонтъ, онъ и въ нравственномъ смыслѣ представлялъ колоссальные и чудовищные размѣры додилювіальной флоры и фауны. Въ немъ высказались элементарныя силы и инстинкты. Онъ примитивный человѣкъ, развѣсистый, какъ дѣвственный лѣсъ, изобилующій сокомъ и разнообразный до безконечности; человѣкъ не обособившійся еще посредствомъ долгой работы и не выразившійся въ отдѣльный типъ человѣческаго рода; не похожій ни на кого и вызывающій на самыя несхожія сравненія; и могучій и капризный, трагикъ и шутъ, родственникъ Людовика XI и кузенъ Фальстафа. Кромѣ того, я уже говорилъ это, слишкомъ омужиченный, слишкомъ близкій къ подонкамъ, откуда медленно выростала вокругъ него избранная среда, выбиравшій сотрудниковъ и друзей изъ мелкоты, занимающійся своимъ домомъ, какъ лавочникъ, бьющій свою жену, какъ мужикъ, и ищущій удовольствій тамъ, гдѣ ихъ привыкла находить чернь.

Прибавимъ, что въ умственной области у него было постоянное столкновеніе идей и стремленій, часто противоположныхъ, но вообще клонившихъ къ опредѣленному плану всеобщей перетасовки и уравненія; въ области воли сознаніе наиболѣе абсолютной власти надъ людьми и вещами, какою когда-либо обладалъ человѣкъ; наконецъ, его стремленіе, о которомъ я уже сказалъ, къ насильственнымъ выпадамъ за предѣлы реальнаго— дѣлало дѣйствительность невыносимою даже для такого человѣка, какъ онъ, — и я полагаю, что эта сторона его нравственнаго облика теперь достаточно освѣщена.

Женщины.

I.

Король.—А! милый другъ, я узналъ, что и вы тоже имѣете любовницу.

Царь.—Другъ мой, мои и... стоятъ мнѣ не очень дорого; но ваша стоитъ вамъ милліонъ экю, которые вы могли бы употребить лучше.

Сцена происходила въ 1716 году, въ Копенгагенѣ, гдѣ Петръ посѣтилъ своего добраго союзника, короля Датскаго; она перелана намъ въ серьезномъ дипломатическомъ документѣ; на первый взглядъ она даетъ вѣрное представленіе о положеніи, которое

женскій вопросъ занималъ въ жизни великаго преобразователя. Онъ слишкомъ занятъ, слишкомъ даже грубъ, чтобы сдѣлать любовницу достойной своего имени, или даже подходящею женой. Онъ устанавливаетъ цѣну на ласки, расточаемыя петербургскими прелестницами солдатамъ, по *1 копѣйкѣ за три поцѣлуя*, онъ платитъ Екатеринѣ, будущей императрицѣ, послѣ перваго свиданія одинъ дукатъ. Не можетъ быть, чтобы онъ былъ совершенно неспособенъ понимать чары прекраснаго пола. Не будемъ забывать, что *женское общество* въ Россіи тоже одно изъ его созданій. Присутствіе *дамъ* на собраніяхъ въ *Слободѣ* составляло для него главную и могущественнѣйшую приманку.

Въ 1693 году, на одномъ торжественномъ вечерѣ у Лефорта, двѣ приглашенныя прелестницы желали тайкомъ покинуть празднество, но онъ приказалъ вернуть ихъ съ помощью своихъ солдатъ. Въ 1701 году на смотръ вновь созданному флоту въ Воронежъ явились многіе изъ этихъ дамъ и Петръ устроилъ имъ самый любезный пріемъ. Нѣкоторыя изъ дамъ не были расположены возвращаться, и царь галантно отложилъ свое возвращеніе въ Москву. Если бы для приданія историческаго интереса этой главѣ были только однѣ воспоминанія подобнаго рода, то и тогда я не осмѣлился бы вычеркнуть ее изъ уваженія къ женщинѣ и къ исторіи. Но есть еще и другое. Въ фигурѣ, подобной Петру, съ столь крупнымъ нравственнымъ складомъ, каждый уголокъ становится полнымъ неожиданностей. Внѣшняя обстановка, въ которой онъ выступаетъ съ этой стороны, если не считать общительность, представляетъ лишь грубость и развратный цинизмъ. Въ любви для него нѣтъ ни удовлетворенія достоинствами женщины, ни своими собственными, и ему слишкомъ недостаетъ выдержки, чтобы удовлетвориться благопристойностью.

Взгляните, напримѣръ, на слѣдующій разсказъ, переданный барономъ Пёльницемъ относительно пребыванія государя въ Магдебургѣ, въ 1717 году: «Такъ какъ король (прусскій) приказалъ, чтобы ему (Петру) оказывались всевозможныя почести, то различныя государственныя учрежденія въ полномъ составѣ явились засвидѣтельствовать ему уваженіе, а предсѣдатели ихъ обращались къ нему съ рѣчами. Г. де-Коччеджи, братъ великаго канцлера, явившись поздравить Петра во главѣ депутаціи отъ Регентства, нашелъ его въ объятіи двухъ русскихъ дамъ, обнимавшаго ихъ руками, что онъ и продолжалъ дѣлать пока къ нему обращались съ рѣчью». Или другой разсказъ, описы-

вающій его встрѣчу въ Берлинѣ съ герцогиней Мекленбургской, его племянницей: «царь подбѣжалъ прямо къ принцессѣ, нѣжно ее обнялъ, и повелъ ее въ отдѣльную комнату, гдѣ, не заперевъ дверь и не обращая вниманія на оставшихся въ передней, даже на герцога Мекленбургскаго, онъ велъ себя такъ, какъ бы желалъ показать, что ничто не можетъ утѣшить его страсть». Пёльницъ, говоря, что получилъ эти свѣдѣнія отъ двухъ очевидцевъ и даже отъ самого короля, прибавляетъ не менѣе замѣчательныя подробности: «княгиня Голицына служила у него за *дуру* или сумасшедшую. Поэтому онъ ее мучилъ. Такъ какъ она часто ѣла вмѣстѣ съ царемъ, то часто выливалъ ей на голову остатки съ своей тарелки. Онъ приказывалъ поднять ее, чтобы дать ей щелчокъ». Если вѣрить въ этомъ другимъ свидѣтелямъ, то княгиня до нѣкоторой степени заслужила позорное обращеніе съ собой своимъ безстыднымъ поведеніемъ.

Донесеніе прусскаго посла Мардефельда любопытно намекаетъ по этому случаю на французскихъ героинь и ихъ пажей, которымъ онѣ дарили свое расположеніе, поздравляя ихъ, что онѣ будутъ довольны. Княгиня не имѣла своего пажа; я бы не осмѣлился повторить со словъ Мардефельда, кѣмъ она его замѣщала.

По Нартову, вообще довольно вѣрному свидѣтелю нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ интимной жизни царя, Петръ былъ большой любитель танцевъ, но никогда не дольше половины перваго часа. Насилія надъ женщинами не были въ его привычкахъ, при томъ же, останавливая свой выборъ на простыхъ служанкахъ, онъ встрѣчалъ мало препятствій. Нартовъ, между прочимъ, упоминаетъ объ одной прачкѣ. Брюсъ выводитъ на сцену уже болѣе драматическія отношенія къ дочери одного иностраннаго купца въ Москвѣ, вынужденной во избѣжаніе любовныхъ домогательствъ государя бѣжать изъ родительскаго дома и прятаться въ лѣсу. Одинъ изъ документовъ, опубликованныхъ княземъ Голицынымъ, доказываетъ, что царь подрался въ Голландіи съ однимъ садовникомъ, пустившимъ въ ходъ грабли, чтобы прогнать Петра, который мѣшалъ работать поденщицѣ. Эти грубыя похожденія, однако, положили въ немъ начало болѣзни, которая не будучи правильно лѣчима, ускорила его смерть. Но г-жа Чернихова тоже замѣшана въ это дѣло, и депеша Кампредона ясно обнаруживаетъ ея отвѣтственность, говоря о болѣзни, полученной самой Екатериной въ 1725 году послѣ того, какъ она раздѣлила ложе своего супруга. Другія подробности, упоминаніе о

которыхъ мнѣ извинятъ,—хотя я думаю, что здѣсь можно все говорить,—сюда не будутъ уже введены.

«Должно быть Его Величество имѣетъ въ себѣ легіонъ сладострастныхъ бѣсовъ»,—сказалъ о государѣ одинъ изъ врачей, лѣчившихъ его во время его послѣдней болѣзни.

II.

Начало любовной карьеры банально: раннее супружество, нѣсколько дѣтъ довольно хорошей жизни, потомъ постепенное охлажденіе супружескаго гнѣзда. Его видѣли рѣдко, развѣ что во время медоваго мѣсяца; царь былъ постоянно въ разъѣздахъ; онъ писалъ письма даже довольно нѣжныя, гдѣ не было недостатка въ милыхъ глупостяхъ, привычныхъ для любовниковъ. *Лапушка*—вотъ что Петръ получалъ и давалъ отъ чистаго сердца. Но онъ не послѣдній будетъ носить его. Явились также два ребенка, Александръ, умершій въ раннемъ дѣтствѣ, потомъ другой, родившійся подъ несчастной звѣздой,—Алексѣй. Въ 1694 году послѣ смерти Наталіи дѣла измѣнились. Съ того времени, женатый уже въ теченіе пяти лѣтъ, Петръ не обходился безъ нѣсколькихъ внѣбрачныхъ связей въ Нѣмецкой слободѣ или въ другомъ мѣстѣ, но онъ проявилъ и нѣкоторую сдержанность. Будучи почтительнымъ сыномъ, онъ имѣлъ въ Наталіи строгую мать.

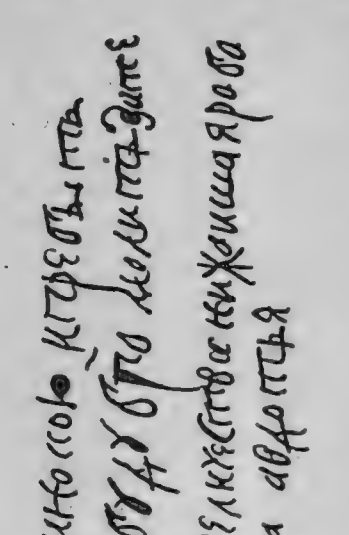
Это вліяніе теперь замѣнилось вліяніемъ Лефорта, и одновременно изъ группы красавицъ выдѣляются двѣ женскія фигуры, и та и другая немного дикія, встрѣчавшіяся ему на собраніяхъ въ *Слободѣ* и восходятъ, какъ звѣзды, на горизонтѣ новаго царствованія: двѣ мѣщаночки,—дочь золотыхъ дѣлъ мастера Беттизера, и дочь виннаго торговца Монса. Несогласія политическаго свойства тоже склоняли къ нарушенію добрыхъ отношеній между двумя супругами: Евдокія принадлежала къ семейству непримиримыхъ консерваторовъ; склонные къ оказанію оппозиціи новому режиму, который уже начиналъ обозначаться, ея родители, Лопухины, впали въ немилость, лишились должностей, подверглись всевозможнаго рода гоненіямъ. Одинъ изъ нихъ, родной братъ царицы, осмѣлившійся оскорбить любимца, былъ публично избитъ царемъ; другой былъ подвергнутъ пыткамъ, и передаютъ ужасающія подробности относительно казни, которой онъ подвергся: говорятъ что Петръ погрузилъ его въ спиртъ, а потомъ приказалъ поджечь въ своемъ присутствіи. Онъ умеръ въ темницѣ,—это вѣрно.

Когда царь отправлялся въ свое первое путешествіе по Европѣ, то отецъ Евдокіи и два ея брата были посланы въ качествѣ губернаторовъ въ отдаленныя губерніи, которыя послужили имъ въ видѣ ссылки. Во время путешествія Петръ пересталъ писать женѣ; и вдругъ изъ Лондона онъ поручилъ двумъ своимъ повѣреннымъ, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, дѣло, которое объяснило его молчаніе. Евдокія должна быть уговорена ими принять монашество. Это обычный пріемъ въ несчастныхъ бракахъ того времени и Петръ кажется вполнѣ опредѣленно остановилъ на этомъ свое рѣшеніе. Соприкосновеніе съ Западомъ рѣшило судьбу бѣдной покинутой женщины. Она принадлежитъ къ другому міру, обреченному на вымираніе.

Евдокія

Однако, она была не лишена пріятности. Конечно мало красивая; но объ этомъ трудно судить. (Мы скорѣе склонны считать Екатерину, ея будущую соперницу, за безобразное чудовище, если вѣрить извѣстнымъ ея портретамъ, конечно прикрашеннымъ, которые очевидно производили на Петра совсѣмъ другое впечатлѣніе). Она была не глупа. Когда она опять появилась при дворѣ послѣ смерти своего грознаго супруга, она производила впечатлѣніе пріятной вдовы, основательно знающей вещи, могущія ее интересовать, не чуждой даже государственнымъ дѣламъ. Ея переписка съ Глѣбовымъ, нѣсколько строкъ

изъ которой можно прочесть дальше, обнаруживаетъ душу нѣжную, страстную, умѣющую любить. Умственно она не отличалась отъ большинства московскихъ женщинъ того времени, выросшихъ въ *теремѣ:* невѣжественная, съ простымъ умомъ, и суевѣрная. Вотъ тутъ-то и заключалось препятствіе, о которое должна была разбиться ея судьба.



По возвращеніи изъ большого путешествія, прибывши въ Москву 26 августа 1698 года въ 6 часовъ вечера, Петръ тотчасъ нашелъ нѣсколькихъ друзей, между прочими Гордона, потомъ сдѣлалъ визитъ семьѣ Монса. Онъ не видѣлъ своей жены. Только спустя нѣсколько дней онъ согласился встрѣтиться съ нею въ нейтральномъ мѣстѣ, въ домѣ начальника почты Виніуса; но это было для него лишь способомъ подкрѣпить свое рѣшеніе, которое онъ поручилъ уже Нарышкину и Стрѣшневу. Отвѣтъ Евдокіи былъ, какъ и слѣдовало ожидать: совершенный отказъ. Что она сдѣлала, чтобы заслужить подобное наказаніе? Въ чемъ ее обвиняютъ? Дѣйствительно, она даже не представляетъ себѣ, чтобы ее можно было заподозрить въ участіи въ какихъ-нибудь политическихъ интригахъ, въ которыхъ царевна Софья и другія сестры царя были несомнѣнно замѣшаны. Бунтъ *стрѣльцовъ*, который Петръ предполагалъ потопить въ морѣ крови, возгорѣлся, а она не принимала въ немъ никакого участія, даже нравственнаго. Но у него было уже готовое рѣшеніе. Ему недоставало только предлога, но и его онъ найдетъ. Онъ отвергъ съ негодованіемъ вмѣшательство патріарха въ пользу законной супруги, и разрубилъ узелъ: карета запряженная *двумя лошадьми* (хроника на-

стаиваетъ на этой подробности, такъ какъ тутъ особенно являются подчеркнутыми жестокость и несправедливость происходившаго, ибо въ этой странѣ даже незначительный вельможа, отправляясь куда-нибудь, приводилъ въ движеніе всю свою конницу),—подхватила бѣдную Евдокію и отвезла ее въ Суздаль, гдѣ за нею закрылись ворота Покровскаго Дѣвичьяго монастыря.

Будучи невинна, она содержалась гораздо болѣе жестоко, чѣмъ тѣ, кто этого заслужилъ. Ея сестрамъ,—сношеніе которыхъ съ мятежниками было если не доказано, то подозрѣваемо,—Петръ, по заключеніи ихъ также въ монастырь, оставилъ пенсію и нѣкоторыя домашнія вещи. Женѣ своей — ничего. Она болѣе не жена его, она болѣе не царица, она потеряла даже имя. Она монахиня Елена; она имѣла около себя только одну служанку, а, чтобы не умереть съ голоду, она вынуждена была обращаться къ щедрости своихъ родителей. Она писала своему брату, Аврааму: «мнѣ не надо ничего особеннаго, но вѣдь надо же ѣсть; я не пью ни вина, ни водки, но я хотѣла бы быть въ состояніи угостить». Она продолжаетъ: «здѣсь нѣтъ ничего; все испорченное; я чувствую, что я васъ затрудняю, но что же дѣлать? Пока я еще жива, изъ милости покормите меня, напоите меня, дайте одежонку нищенкѣ». Ей было 20 лѣтъ, и въ продолженіе еще 20 лѣтъ стѣны затворницкой кельи, гробницы полной жизни и страсти, будутъ сдерживать ея скорбь и тревогу, а когда она выйдетъ оттуда то послѣ увяданія молодости съ потухшимъ сердцемъ, она перейдетъ къ еще худшей участи.

Черезъ 28 лѣтъ, въ 1718 году, процессъ царевича обострилъ инквизиторскій геній Петра. Среди вліяній, которыя могли толкать его сына по пути сопротивленія, ему кажется несомнѣннымъ вліяніе Евдокіи. Отправленіе въ монастырь и допросъ.

Высшая полиція произвела съ своей стороны пустяковое слѣдствіе съ этой стороны, но его недостаточность была покрыта другимъ: всегда невинная политически, Евдокія подозрѣвалась, потомъ созналась, въ преступной любовной связи съ маіоромъ Глѣбовымъ. Да, она поддалась, въ изгнаніи, въ нищетѣ, она искала утѣшенія. Посланный въ Суздаль для рекрутскаго набора, маіоръ Глѣбовъ понравился несчастной. Она мерзла отъ холода въ своей кельѣ: онъ послалъ ей мѣхъ, это вызвало съ ея стороны письмо съ выраженіемъ удивленія и благодарности, вызвавшее въ свою очередь опасную близость. Онъ пришелъ, чтобы лично выслушать благодарность, зашелъ еще разъ, и вотъ они полюбили другъ друга, она пылкой страстью, увлекшей и охва-

тившей все ея существо, онъ болѣе сдержанно, не безъ оттѣнка заднихъ мыслей. Вѣроятно этотъ молодой человѣкъ былъ очень честолюбивъ; можетъ быть учитывалъ въ дальнѣйшемъ какой-нибудь счастливый оборотъ, стремился къ перемѣнѣ карьеры и потому вмѣшался въ политику. Въ то же время ему приходилось бороться съ денежными затрудненіями. Наконецъ, онъ былъ въ свою очередь тоже женатъ и стѣснялся жены. Она бѣдная, любя его, хотѣла бы дать ему возможность бросить службу, чтобы онъ могъ быть поближе къ ней и только для нея, стараясь объ улучшеніи ихъ положенія и нужды, которую ей приходится переносить, а потому она всегда готова предоставить въ его распоряженіе небольшія средства, которыя она получила въ приданное отъ своихъ бѣдныхъ родителей. Кто могъ бы отказать ему въ помощи?

Но, удерживаемый своими военными и супружескими обязанностями, можетъ быть даже уже наскучивши, «батько» прекратилъ визиты. Тогда начались крики отчаянія, растерянные призывы: какъ? Она уже забыта? Такъ скоро? Развѣ она не угодила ему чѣмъ? Развѣ она чего не сдѣлала, недостаточно выплакала слезъ и смочила ими его рукъ и всѣхъ членовъ его тѣла и всѣ суставчики ногъ и рукъ? Языкъ ея можетъ быть былъ полонъ чрезмѣрнаго лиризма, гдѣ передавались иногда случайныя и непосредственныя чувства, но во всякомъ случаѣ всегда искреннія, гдѣ Востокъ смѣшивалъ свои яркія краски съ грубыми тонами московской земли:

«Мой свѣтъ, мой *батюшка*, моя душа, моя радость! Неужели уже правда насталъ часъ разставанья? Лучше бы моя душа разсталась съ тѣломъ! Свѣтъ мой, какъ мнѣ быть на свѣтѣ въ разлукѣ съ тобой? Какъ же я жива останусь? Вотъ уже сколько времени сердце мое проклинаетъ этотъ часъ! Вотъ ужъ сколько времени я непрерывно плачу. И день настанетъ, а я страдаю, и одинъ только Богъ знаетъ, какъ ты мнѣ дорогъ! Почему я люблю тебя такъ, обожаемый мой, что жизнь мнѣ становится не мила безъ тебя? Почему ты, душа моя, гнѣваешься на меня, да гнѣваешься столь сильно, что не пишешь даже? Носи по крайней мѣрѣ, сердце мое, колечко, которое я тебѣ подарила, и люби меня хоть немного. Я приказала себѣ сдѣлать такое же. Вѣдь это ты пожелалъ удалиться отъ меня. Ахъ! вотъ уже сколько времени какъ я вижу любовь твоя измѣнилась: почему о мой *батько*? Почему ты не приходишь больше ко мнѣ? Ужъ не случилось ли съ тобой чего? Ужъ, не наговорили ли тебѣ на меня

Другъ мой, свѣтъ мой, моя *любонька*, пожалѣй меня! Пожалѣй и приди, господинъ мой, повидаться завтра! О мой цѣлый свѣтъ, моя *лапушка* (это названіе, помнится, было дано когда-то другому), отвѣть мнѣ. Не давай мнѣ умереть съ горя. Я тебѣ послала шарфъ, носи его, душа моя: ты не носишь ничего изъ моихъ подарковъ! Или это значитъ, что я тебѣ не мила? Но забыть твою любовь? Я не смогу! Я не смогу жить на свѣтѣ безъ тебя!»

Батько оставался безчувственнымъ, и она жаловалась все болѣе и болѣе горько; можно было подумать, что такъ жалуется постоянно и однообразно раненая сука:

«Кто мнѣ причинилъ такое горе, мнѣ бѣдной? Кто у меня похитилъ мое сокровище? Кто отнялъ у меня свѣтъ очей моихъ? На кого ты меня промѣнялъ? На кого ты меня покинулъ? Какъ же тебѣ не жаль меня? Возможное ли дѣло, что ты не долженъ ко мнѣ вернуться? Кто меня бѣдную разлучилъ съ тобой? Что я сдѣлала твоей женѣ? Какую бѣду я ей причинила? Въ чемъ же ты обиженъ мною? Какъ же такъ, дорогая душа моя, не сказать мнѣ чѣмъ я могла не понравиться твоей женѣ, и почему ты ее слушаешь? Зачѣмъ же покидать меня? Вѣдь я бы конечно не оторвала тебя отъ жены! А ты ее слушаешь! О мой свѣтъ, какъ же я буду жить безъ тебя? Какъ же я останусь на этомъ свѣтѣ? Какъ могъ ты повергнуть меня въ такое горе? Развѣ я была въ чемъ повинна, я сама не знаю, въ чемъ? Почему ты мнѣ не откроешь моей вины? Лучше бы ты меня побилъ, лучшее бы наказалъ меня, я не знаю какъ за эту вину; которой я не знаю! Ради Бога не покидай меня! Пріѣзжай сюда! Я умираю безъ тебя!»

А черезъ нѣсколько дней:

«Какъ же я не умерла! Какъ же ты не зароешь меня скорѣе своими руками въ могилу!... Прощай, прощай, моя душа... не мѣшай мнѣ умереть! Я убью себя. Пришли мнѣ, о мое сердце, камзолъ, который ты любишь носить. Почему ты меня покинулъ? Пришли мнѣ кусочекъ хлѣба, отъ котораго ты откусишь? Почему ты меня покинулъ? Чѣмъ я могла тебя такъ обидѣть, что ты такъ бросаешь меня сироту, несчастную...»

Девять такихъ писемъ фигурируютъ въ слѣдственномъ дѣлѣ. Онѣ писаны не рукою Евдокіи. Бывшая царица диктовала ихъ монахинѣ Капитолинѣ, своей наперсницѣ, которая съ своей стороны отсылала ихъ, стараясь разжалобить измѣнника страданіями *матушки*. Но на каждомъ листкѣ неосторожный Глѣбовъ прилагалъ собственноручно помѣтку: «письмо царицы Евдокіи».

Два одинаковыхъ кольца тоже были найдены у обвиняемыхъ. Показанія монахинь и слугъ монастырскихъ, опрошенныхъ въ большомъ числѣ, были совершенно согласны: Глѣбовъ бывалъ у Евдокіи безпрестанно, днемъ и ночью; они цѣловались при всѣхъ, потомъ, удаливъ свидѣтелей, оставались одни въ теченіе долгихъ часовъ. Наконецъ, Евдокія призналась во всемъ...

А Глѣбовъ? Легенда приписываетъ ему геройскія свойства: среди жесточайшихъ пытокъ, охотно принимая обвиненіе во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, доходя даже до сознанія въ несовершенныхъ проступкахъ, двадцать разъ подставляя голову подъ топоръ, онъ отказался до конца вмѣшать въ дѣло честь своей сообщницы. Увы! словесные допросы судебнаго слѣдствія, сохраненные въ московскихъ архивахъ, говорятъ о совершенно обратномъ: безмолвный при всѣхъ другихъ главныхъ обвиненіяхъ, Глѣбовъ рѣшительно признался только въ этомъ, въ этой любовной связи, тянувшейся уже восемь лѣтъ. Евдокіи тогда было 38 лѣтъ.

Спѣшу оговориться: признанія и показанія не имѣли здѣсь никакого значенія. Особенный слѣдственный судья, посланный Петромъ въ Суздаль, Скорняковъ-Писаревъ, высѣкъ тамъ пятьдесятъ монахинь, изъ которыхъ нѣсколько умерло во время экзекуціи. Онѣ сказали все, что ему было угодно. Евдокія и Глѣбовъ тоже равно были допрошены подъ пыткой; пытки, примѣненныя къ несчастному офицеру, были столь ужасны, что его смертная казнь послѣдовала 16/17 марта 1718 года послѣ заключенія врачей, рѣшившихъ, что онъ не можетъ *дотянуть* больше сутокъ. Между прочимъ, упоминается о тюрьмѣ, вымощенной очень крѣпкими деревянными гвоздями, по которымъ несчастный долженъ былъ ходить босыми ногами. Для окончательной казни Петръ выбралъ сажаніе на колъ. Такъ какъ былъ тридцатиградусный морозъ, то несчастнаго одѣли въ шубу, надѣли на него мѣховые сапоги, а на голову очень теплую шапку, чтобы продлить мученія. Начавшись въ три часа пополудни, казнь кончилась только на другой день въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Разсказъ о томъ, что Петръ приблизился къ казненному, уже сидѣвшему нѣсколько часовъ на колѣ, и будто попытался еще спросить его о чемъ-то, и получилъ только плевокъ въ лицо не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Евдокіи была дарована жизнь, но теперь для нея выбрали болѣе уединенный монастырь, на берегахъ Ладожскаго озера, гдѣ ее окружили еще болѣе строгимъ надзоромъ. По одному

свидѣтельству, прежде чѣмъ ее заключить туда, она была подвергнута наказанію кнутомъ согласно рѣшенію, принятому соборомъ епископовъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ и приведенному въ исполненіе при полномъ собраніи двумя монахами.

Какими чувствами руководился Петръ, начиная этотъ процессъ и въ особенности придавая ему такой жестокій характеръ? Нельзя представить себѣ ревности по отношенію къ этой отверженной супругѣ, забытой и старѣвшейся подъ монашеской рясой, да къ тому же извѣстна его снисходительность къ проступкамъ подобнаго рода. Такимъ образомъ, этотъ процессъ является въ этомъ отношеніи совершеннымъ исключеніемъ.

Переписка Евдокіи съ ея любовникомъ могла лишь удостовѣрить ихъ полную невинность въ политическомъ смыслѣ: тамъ нѣтъ другихъ вопросовъ, кромѣ любви. Бывшая царица очень легко поддалась попыткѣ получить обратно свое мірское платье, поддалась мечтаніямъ, поддерживавшимся среди ея окружающихъ, о возвратѣ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ былого блеска; но и съ той и съ другой стороны не шли дальше надеждъ. Не была ли Евдокія въ этомъ обстоятельствѣ жертвой другой ревности и другого гнѣва? Пропустимъ еще семь лѣтъ: Петръ умеръ, и это событіе, которое можно бы счесть счастливымъ для заключенной, послужило сигналомъ къ новому отягченію ее участи: ее извлекли изъ монастыря, отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, и помѣстили въ подземную тюрьму, населенную крысами. Больная, она имѣла для своихъ услугъ только одну дряхлую служанку, которая сама нуждалась въ помощи и уходѣ. Ее держали тамъ два года. Кто сдѣлалъ это? Тотъ, кто теперь царствовалъ: Екатерина *Первая*. И вотъ тутъ и есть, можетъ быть, отвѣтъ на вопросъ, поставленный мною выше. Въ концѣ этого времени новая перемѣна: внезапно, какъ въ сказкѣ, открылась дверь тюрьмы, на порогѣ появились особы въ великолѣпныхъ костюмахъ, и, кланяясь въ поясъ, приглашали узницу слѣдовать за ними.

Что же случилось? Екатерина *Первая* въ свою очередь умерла, а наслѣдовавшій ей царь подъ именемъ Петра II былъ сынъ Алексѣя, внукъ Евдокіи. Она отправилась въ Москву, бѣдная бабушка, волосы которой посѣдѣли въ темницахъ, присутствовать на коронаціи новаго государя, тамъ являлась на ряду съ другими принцессами, окруженная пышностью, окруженная почестями. Слишкомъ поздно! Ея жизнь разбита, и она сама по

себѣ удалится въ монастырь; она кончила свои дни въ 1731 году въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, убѣжищѣ великихъ изгнанницъ, гдѣ жила Софья послѣ крушенія своихъ замысловъ.

Меншиковъ, занявшій теперь мѣсто Лефорта въ его близости, сразу сообразилъ, чему женевецъ былъ обязанъ своими успѣхами. У него былъ свой женскій персоналъ, какъ у того свой: сначала двѣ сестры Марія и Анна, помѣщенныя его стараніями возлѣ любимой сестры Петра, Наталіи; потомъ двѣ дѣвицы Арсеньевы, Дарія и Варвара, принадлежавшія тоже ко двору царевны, двору, сильно напоминавшему собою гаремъ. Дѣвица Толстая дополняла эту группу; съ 1703 года въ нее вошла шестая избранница, которая должна была занять въ жизни государя особое мѣсто и дать столь обыкновенной исторіи благодаря своей юношеской любви неожиданный оборотъ. Имя этой дѣвочки окружено неизвѣстностью, какъ и ея происхожденіе. Первые достовѣрные документы, упоминающіе объ ней, называютъ ее то Екатериной Трубачевой, то Екатериной Васильевской, то Екатериной Михайловой. Сначала Меншиковъ имѣлъ ее въ качествѣ любовницы, продолжая все еще интригу съ Дарьей Арсеньевой, въ то время, когда Петръ остановилъ свой выборъ на другой сестрѣ Варварѣ, которую фаворитъ хотѣлъ сдѣлать царицей, чтобы самому стать царскимъ шуриномъ. Съ этой цѣлью онъ занимался образованіемъ новой любовницы: «ради Бога, писалъ онъ Даріи, предложи своей сестрѣ безпрерывно заниматься русскимъ и нѣмецкимъ, она не должна терять времени!» Вильбуа дѣлаетъ изъ этой Варвары урода, но очень умнаго и злого.

Онъ такъ разсказываетъ о первыхъ шагахъ ея фавора: обѣдая съ нею и ея подругами, Петръ сказалъ ей: «я не думаю, чтобы у кого-нибудь когда-нибудь явилось желаніе обладать тобою, такъ ты мало красива, бѣдная Варвара; но такъ какъ я люблю необыкновенныя штуки, то я не хочу, чтобы ты умерла, не испытавши любовной лихорадки». И при всѣхъ, нисколько не смущаясь зрителями, онъ привелъ свои слова въ исполненіе.

Что касается Екатерины, то она въ 1705 году пишетъ: «съ двумя другими», что объясняется слѣдующимъ случаемъ въ общемъ письмѣ: «Петръ и Павелъ вамъ кланяются и просятъ вашего благословенія». Петръ и Павелъ—дѣти, которыхъ она уже имѣла отъ царя.

Въ 1706 году царь собралъ всю компанію въ Нарвѣ, гдѣ вмѣстѣ проводили праздники Пасхи, потомъ приказалъ слѣдо-

вать за собою въ Петербургъ, откуда писалъ Меншикову, что онъ какъ «въ раю» съ этими дамами.

Въ императорскихъ дворцахъ не видно было больше *теремовъ*, оставался *гаремъ*, какъ наслѣдіе восточнаго прошлаго. Снисходительные мужья замѣнили угодливыхъ отцовъ. Въ день смерти Петра г-жа Румянцева была еще беременна сыномъ, сдѣлавшимся потомъ героемъ будущаго великаго царствованія, въ которомъ всѣ узнавали кровь великаго царя.

Незаконные потомки Петра равнялись по числу потомкамъ Людовика XIV. Можетъ быть преданіе допустило здѣсь нѣкоторое преувеличеніе. Незаконнорожденность трехъ сыновей г-жи Строгановой, не говоря уже о другихъ, не имѣетъ исторической достовѣрности. Мать ихъ, рожденная Новосильцева, была лишь компаньонкой въ попойкахъ, веселаго нрава и пьяницей.

Перейдемъ къ обыкновенной исторіи Маріи Гамильтонъ, еще одной придворной дѣвицы. Нужно ли говорить, что этотъ романъ съ сантиментальнымъ оборотомъ, гдѣ воображеніе нѣкоторыхъ писателей сбилось съ пути, былъ только романъ. Она была, повидимому, существомъ довольно обыкновеннымъ, и Петръ не мѣнялъ своихъ привычекъ, говоря ей о любви по своему.

Внучка Артамона Матвѣева, пріемнаго отца Наталіи Нарышкиной, Марія Гамильтонъ появилась при дворѣ, подобно другимъ, и, будучи довольно красивой, раздѣлила ихъ участь. Но она внушила Петру только лишь мимолетную страсть. Лишенная невинности, она утѣшалась съ денщиками царя, была нѣсколько разъ беременной, а дѣтей уничтожала. Для привлеченія къ себѣ одного изъ этихъ непостоянныхъ любовниковъ, молодого Орлова, очень непріятнаго субъекта, который мучилъ и обиралъ ее, она крала у Императрицы деньги и драгоцѣнности. Случай открылъ всѣ ея большія и малыя провинности. Изъ кабинета царя пропалъ документъ большой важности, подозрѣніе упало на Орлова, который зналъ объ немъ и провелъ ночь внѣ дома.

Приведенный къ царю и спрошенный, онъ смѣшался, подумалъ, что у него хотятъ узнать о связи съ Гамильтонъ, упалъ на колѣни съ крикомъ: «виноватъ!» и сознался во всемъ, и въ воровствахъ, которыя дѣлались для него и въ убійствѣ дѣтей, о которомъ ему было извѣстно. Слѣдствіе и допросъ. Несчастная Марія созналась во всемъ, даже въ томъ, что она имѣла злой умыселъ насчетъ государыни, насмѣхаясь надъ слишкомъ цвѣтущимъ видомъ ея лица.

Уголовное преступленіе! Хотя, говорятъ, Екатерина на этотъ разъ дала доказательство довольно добраго нрава. Она вступилась за виновную и даже заставила хлопотать за нее царицу Прасковью, вліяніе которой было очень важно и вмѣшательство могло имѣть тѣмъ болѣе вѣса, что она была извѣстна за мало расположенную къ снисходительности.

Послѣ того, какъ она была подвергнута нѣсколько разъ допросу въ присутствіи царя, и отказывалась до самаго конца выдать имя своего сообщника, тогда какъ послѣдній заботился только о своемъ спасеніи, приписывая ей все,—не блестящъ былъ этотъ предокъ будущаго любовника Екатерины Великой!—Марія Гамильтонъ взошла на эшафотъ, 14 марта 1719 года, «въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ черными лентами», какъ сообщаетъ Штэлинъ.

Большой любитель театральныхъ постановокъ, Петръ конечно не могъ остаться равнодушнымъ къ этому послѣднему пріему погребальнаго кокетства. Онъ имѣлъ дерзость присутствовать при казни, а такъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться безучастнымъ, то онъ и тутъ игралъ роль.

Онъ обнялъ осужденную у подножья эшафота, увѣщевалъ ее помолиться, поддержалъ ее своими руками, въ то время какъ она склонилась, упавши въ обморокъ, потомъ удалился: это было сигналомъ. Когда она подняла голову, палачъ замѣтилъ царя. Шереръ прибавляетъ ужасныя подробности: царь снова появился, когда топоръ сдѣлалъ свое дѣло; онъ поднялъ окровавленную голову, которая покатилась на край, и спокойно началъ курсъ анатоміи, показывая присутствовавшимъ число и свойства органовъ, отдѣленныхъ желѣзомъ, настаивая на разсѣченіи позвоночнаго столба. Окончивъ это, онъ приблизился губами къ поблѣднѣвшимъ губамъ, которыя когда-то получали отъ него иные поцѣлуи, бросилъ голову, перекрестился и удалился.

Однако, коронованная ливонка черезъ короткое время имѣла гораздо болѣе серьезный поводъ опасаться. Я читаю въ депешѣ Кампредона отъ 8-го іюня 1722 года: «царица понимаетъ, что если принцесса разрѣшится сыномъ, то царь въ угоду Валахскому князю не оттолкнетъ свою жену, чтобы жениться на любовницѣ». Дѣло шло о Маріи Кантеміръ.

Вступивъ въ союзъ съ Петромъ во время несчастнаго похода 1711 года противъ Турокъ, князь Дмитрій Кантеміръ лишился своихъ владѣній по Прутскому договору. Поселившись изъ милости въ Петербургѣ, онъ терялъ время въ ожиданіи компен-

саціи, которую ему обѣщали. Черезъ нѣкоторое время дочь, кажется, тоже обѣщала ему одну таковую. Ко времени отъѣзда Петра въ Персидскій походъ, въ 1722 году, эта новая любовная интрига продолжалась уже нѣсколько лѣтъ и была близка къ роковому концу для Екатерины. Двѣ женщины сопровождали царя. Но Марія вынуждена была остаться въ Астрахани: она была беременна. Довѣріе къ ея сторонникамъ было только что укрѣплено.

Послѣ смерти маленькаго Петра Петровича (1719 г.), у Екатерины не было больше сына, котораго Петръ могъ бы сдѣлать наслѣдникомъ; если бы по возвращеніи изъ похода, Кантемиръ дала ему его, то считалось вообще, что онъ не постѣснился бы отдѣлаться отъ второй жены, какъ сдѣлалъ это съ первой. Если вѣрить Шереру, друзья Екатерины взялись за устраненіе этой опасности: Петръ по возвращеніи нашелъ свою любовницу въ постели вслѣдствіе трудныхъ родовъ, подвергшихъ ея жизнь опасности.

Екатерина торжествовала, и романъ, долженствовавшій, казалось, перевернуть всю ея судьбу, отнынѣ обреченъ раздѣлить участь другихъ съ такимъ же обыкновеннымъ концомъ.

Счастье ливонки вышло побѣдоносно изъ всѣхъ испытаній; торжественное коронованіе поставило ее выше всякихъ подозрѣній. Будучи любовницей, узаконенной посредствомъ женитьбы, сдѣлавшись женой, бережно и тщательно охраняющей семейный очагъ, государыней, прикосновенной по всѣмъ почестямъ высочайшаго положенія, она безконечно усиливала свое значеніе и держалась въ сторонѣ отъ этой толпы женщинъ, гдѣ трактирныя служанки сталкивались съ дочерьми англійскихъ лордовъ и молдаво-валахскими княжнами.

V.

Роль, которую женщины играли въ жизни Петра, была значительна и разнообразна; но точно также значительна съ точки зрѣнія исторіи роль, которую онъ самъ игралъ въ судьбѣ русской женщины вообще. А для того, чтобы сдѣлать справедливую оцѣнку великаго человѣка, необходимо напомнить это здѣсь въ общемъ.

Однажды царь Алексѣй принималъ въ своемъ дворцѣ, въ Коломенскомъ, въ окрестностяхъ Москвы, въ аудіенціи большое торжественное посольство одной иностранной державы. Внима-

ніе дипломата привлекла пріоткрытая дверь, за которой слышался шопотъ нѣжныхъ голосовъ и шуршанье шелковыхъ платьевъ. Торжество имѣло невидимыхъ зрительницъ, обитательницъ таинственнаго терема, которыхъ любопытство довело до полу-

Дворецъ въ селѣ Поломенскомъ.
Съ современной гравюры.

нарушенія запрета. Вдругъ дверь уступила натиску и прекрасная брюнетка, въ сопровожденіи маленькаго мальчика, прятавшагося въ ея юбкахъ, явилась и тотчасъ скрылась, сконфуженная и покраснѣвшая, среди общаго смущенія придворныхъ.

Прекрасная брюнетка была царица Наталія, а маленькій мальчикъ 3-лѣтъ, своими бурными движеніями выбившій полуоткрытую дверь долженъ былъ впослѣдствіи сокрушить даже самыя стѣны теремовъ. Впослѣдствіи въ этой забавной сценѣ видѣли предзнаменованіе.

Русскій умъ XVII столѣтія былъ склоненъ къ недовѣрію и почти къ ненависти къ женщинамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ народныя пословицы: «бабій волосъ дологъ, а умъ коротокъ... Бабій умъ, что домъ безъ крыши... Нужно спасаться отъ женской красоты, какъ Ной отъ потопа... Лошадь надо вести на мундштукѣ, женщину на кулакѣ... Женщина показанная—мѣдная, не показанная—золотая...» Современные русскіе историки склонны видѣть въ этой чертѣ вліяніе иностраннаго происхожденія, противное естественному стремленію народнаго духа. Послѣдній стремился скорѣе къ провозглашенію равенства половъ.

Идеи, господствовавшія до вступленія на царство Петра, а также и соотвѣтствующія учрежденія и обычаи, включая сюда и теремъ, были подъ византійскимъ вліяніемъ, происходя изъ крупнаго источника религіознаго и монашескаго аскетизма, оставившаго столь глубокій отпечатокъ на умственномъ и нравственномъ развитіи страны. *Теремъ* не есть *гаремъ*. Помѣщеніе женщины въ эту тюрьму происходило изъ-за различныхъ побужденій, подсказанныхъ не ревностью, но боязнью грѣха и скандала, благодаря религіозному пониманію жизни, ставящей идеаломъ удаленіе въ монастырь, какъ способъ жить наиболѣе угодно Богу. Если *теремъ* не перешелъ изъ Византіи непосредственно, какъ форма, то онъ конечно, появился оттуда, какъ *идея*. Таково основное положеніе. Какъ бы ни считать, но тюрьма есть тюрьма да еще строго охраняемая. Женщина и особенно молодая дѣвушка были въ ней настоящими плѣнницами. Онѣ росли, лишенныя свѣта и воздуха въ комнатахъ, обстановкой напоминавшихъ клѣтку и тюрьму, маленькія окна которыя были съ плотными занавѣсками, а двери съ замками. Ни одного непосредственнаго выхода: чтобы выйти, надо пройти черезъ комнату отца или мужа, которые прятали ключи въ карманъ или подъ подушку. Въ дни большихъ пріемовъ, когда за столами появлялись гости, а на столахъ круглые пироги, жена хозяина дома позволяла себѣ появиться на нѣсколько минутъ на порогѣ гинекея. Мужчины тогда вставали и шли ее цѣловать. Она же тотчасъ удалялась. Что касается незамужнихъ дѣвушекъ, то ни одинъ мужской

взглядъ не долженъ былъ проникать къ нимъ до замужества, исключенія не дѣлалось даже для жениховъ. Женились не видя и не будучи видимы. Свадьбы были похожи на игру въ жмурки. Здѣсь главное лицо была *смотрительница*. Обыкновенно это была родственница жениха. Она испытывала невѣсту и сообщала свое впечатлѣніе. Но она старалась лишь объ интересахъ жениха. Знать же, каковъ этотъ женихъ, было въ числѣ вещей, запрещенныхъ для невѣсты. Узнавши, что ее явились сватать, ея отецъ показывалъ ей плетку, знакъ власти, которую установитъ надъ нею мужъ.

Вотъ все, что она узнаетъ до того, какъ ее введутъ въ чужой домъ. Было обыкновеніе, что глава семьи съ этого момента игралъ послѣднюю, а невѣста первую роль. Молодая шла въ церковь, молча, покрытая густою вуалью. Ни одного слова, ни одного жеста, кромѣ отвѣтовъ священнику. Тогда только въ первый разъ молодой слышалъ звукъ ея голоса. На пиру, слѣдовавшемъ за церемоніей, занавѣсъ раздѣлялъ еще пару. Только послѣ перваго блюда должна была начаться супружеская жизнь для новобрачной. Подруги вели ее тогда въ брачную комнату, раздѣвали ее и укладывали въ постель. Потомъ дожидались, когда новобрачный будетъ совершенно пьянъ. Когда онъ былъ готовъ, то дружки вели его тою же дорогой, неся факелы, которые они разставляли вокругъ постели въ горшкахъ, наполненныхъ пшеницей, ячменемъ и овсомъ. Постель была постлана на снопахъ ржи. Это былъ торжественный моментъ.

Наконецъ, новобрачная показывалась съ открытымъ лицомъ. Чтобы выразить благорасположеніе къ своему новому господину, она поднималась, закрывалась балахономъ, подшитымъ куньимъ мѣхомъ, дѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу ему, почтительно склонялась, потомъ давала упасть покрывалу... Могло случиться, что она была рябая, болѣзненная или безобразная, тогда какъ тотъ, кто ее выбралъ, думалъ, что женится на красавицѣ. Даже если предположить, что смотрительница дѣлала свое дѣло добросовѣстно, она всегда могла быть введена въ обманъ, такъ какъ ей могла быть показана другая дѣвица. Случай не рѣдкій. Обманутый мужъ не имѣлъ другого способа въ такомъ случаѣ, какъ тутъ же предложить не подходящей спутницѣ оставить его, собравши свое покрывало.

Но будучи самъ не въ надлежащемъ видѣ отъ вина, онъ едва ли могъ бы разобраться въ окружающемъ, и потому его особенно старательно и напаивали. Онъ разберется въ своемъ

злоключеніи послѣ, но тогда уже замужество будетъ съ его стороны признано и принято, какъ фактъ совершившійся. Можно себѣ представить, что это будетъ за супружество. Скандальная и уголовная хроника того времени изобилуетъ доказательствами этого: мужья, бросающіе домашній очагъ и ищущіе для себя убѣжища въ мирныхъ обителяхъ; жены, доведенныя до отчаянія дурнымъ обращеніемъ и вооружающіяся желѣзомъ или ядомъ, для избавленія отъ невыносимаго ига. Наказаніе, предусмотрѣнное въ этомъ случаѣ уголовными законами, какъ ни было ужасно, повидимому, не достигало уменьшенія частоты преступленій, настолько часто встрѣчается оно на картинахъ того времени. Это было закапываніе въ землю до половины туловища, пока наступала смерть, такъ что осужденные должны были, иногда мучимые голодомъ и жаждой, уже съѣдаемые червями, дожидаться по 10 дней конца своихъ мученій.

Если не произошло ни обмана, ни подлога, если мужъ остался доволенъ, то онъ на другой день отсылаетъ родителямъ новобрачной свадебную рубашку. Ее выставляли для осмотра родственникамъ и друзьямъ дома. Въ простонародьѣ зрѣлище было даже публичнымъ и *сваха* разстилала подъ ногами бѣлье новобрачныхъ, чтобы исполнить танецъ съ пѣніемъ веселыхъ пѣсенъ. Если же рубашка оказывалась не въ ожидаемомъ видѣ, то молодежь отправлялась мазать дегтемъ ворота супружеской четы, потомъ вытаскивали пару наружу и, запрягши телѣгу, провозили ихъ по всему городу съ насмѣшками и издѣвательствомъ.

Все это составляло часть того общественнаго права, которое попъ Сильвестръ, довѣренный Іоанна Грознаго въ послѣдніе годы его жизни, если не написалъ, то по крайней мѣрѣ свелъ окончательно въ уставъ; все это содержится въ *Домостроѣ*, или оттуда проистекаетъ. Все это происхожденія татарскаго, византійскаго или мѣстнаго, носитъ одну опредѣленную общую печать: варварство. Женщина является тутъ жертвою, а мужчина униженнымъ.

Для развлеченій въ своемъ заключеніи, женщины высокаго круга увѣшивали себя драгоцѣнностями, раскрашивались, какъ куклы, накладывая румянъ и бѣлилъ до самыхъ глазъ, и пьянствовали. Когда въ 1630 году въ Копенгагенъ явилось посольство для устройства свадьбы княжны Ирины, дочери царя Михаила Ѳеодоровича, съ принцемъ Датскимъ, то послы сочли нужнымъ отмѣтить, какъ особенность царевны, что *она не пьетъ водки*. За отсутствіемъ нарядовъ простонародныя женщины тоже

пили. И эти женщины были тоже матери! Вотъ это все Петръ собирался уничтожить. Если бы ему удалось только это, то и того было бы достаточно для прославленія его.

Правда, что уже и до него въ обычаяхъ была пробита брешь, которую онъ только расширилъ. Второй бракъ Алексѣя, нѣсколько романическій, указалъ дорогу новымъ идеямъ и понятіямъ. Возлѣ своего супруга, котораго она лично покорила своею красотой и граціей, Наталія уже не была прежней царицей, застывшей въ священной позѣ, удаленной въ скучное великолѣпіе. Она до нѣкоторой степени принимаетъ участіе во внѣшней жизни своего мужа; она сопровождаетъ его иногда на охоту; она присутствуетъ на спектакляхъ, даваемыхъ иностранными актерами, приглашенными Матвѣевымъ, въ изумленныхъ стѣнахъ стараго Кремля. Случалось ей даже выѣзжать съ царемъ въ открытой каретѣ, и это уже была почти что революція! Въ царствованіе слабаго и болѣзненнаго преемника Алексѣя освободительное движеніе только усилилось. Царевны, сестры Ѳеодора, не преминули обратить въ свою пользу слабость управителя, и въ результатѣ получился полный безпорядокъ. Наконецъ, появилась у власти Софья и открыла эпоху женскаго владычества въ этой странѣ женскаго рабства.

Петръ сдѣлалъ больше и лучше. По крайней мѣрѣ, пытался. Своими указами о бракахъ онъ принялся снизу, въ народѣ, за злоупотребленія власти и за невыносимые недостатки домашняго устройства. Свадьбы при заключеніи браковъ сопровождаютъ обыкновенно до сихъ поръ помолвками съ промежутками въ нѣсколько дней, иногда даже въ нѣсколько часовъ; онъ отдѣлилъ эти оба акта промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько недѣль, чтобы дать будущимъ супругамъ время узнать другъ друга. Конечно, средство не имѣло рѣшительнаго и непосредственнаго воздѣйствія; еще нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, романъ Мельникова, „*Въ лѣсахъ*“, обнаружилъ продолжающіе оставаться обломки старыхъ обычаевъ, держащіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ непоколебимымъ упорствомъ. Однако, появился и огромный прогрессъ. Въ до-петровскомъ законодательствѣ право суда,—положимъ, низшей степени,—было формально признано за мужчиной, отцомъ или мужемъ, надъ женщиной, дочерью или женой. Чтобы избавиться отъ этихъ преслѣдованій, одна важная дама, княгиня Салтыкова, рожденная Долгорукая, невѣстка царицы Прасковьи, была принуждена, послѣ долгихъ мученій, избитая, измученная голодомъ и жаждой, скрыться въ

домъ своего отца. Слѣдствіе удостовѣрило, что она явилась туда полумертвая, все тѣло было покрыто синяками.

И тѣмъ не менѣе, ея мужъ, ея палачъ, оказался побѣдителемъ: все, чего она могла достичь, послѣ долгаго процесса,— это получить разрѣшеніе помѣститься на остатокъ своей жизни въ монастырь. Можно представить, какъ происходили такія вещи въ низшихъ классахъ. И въ этомъ именно отношеніи упорство стараго режима обнаружилось особенно сильно. Самовластная, деспотическая традиція настолько глубоко въѣлась въ нравы страны, что даже самъ Петръ не осмѣлился обратить на нихъ непосредственное воздѣйствіе; ему даже пришлось санкціонировать ихъ нѣкоторыми изъ своихъ распоряженій (законы марта—октября 1716 г.), хотя новый духъ, который онъ внесъ съ собою и распространялъ вокругъ себя, былъ настолько противенъ ему, что мало-по-малу несправедливый законъ забылся за давностью, сдѣлался устарѣлымъ, а потомъ исчезъ совершенно изъ писаннаго законодательства. *Сводъ Законовъ* уже не упоминалъ о немъ больше, и недавно кассаціонный департаментъ по какому-то отмѣненному рѣшенію объявилъ его отмѣненнымъ навсегда.

Наверху, въ глубинѣ высшихъ классовъ общества, Петръ такъ сказать взялъ женщину за руку, ввелъ ее въ общій жизненный кругъ, мірской и общественный, и указалъ тамъ ей мѣсто. Онъ желалъ, чтобы отнынѣ она участвовала въ собраніяхъ, выказывая тамъ свое очарованіе, бесѣдуя, танцуя, играя на инструментахъ. Такъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1704 года Москва увидѣла слѣдующее неожиданное и необыкновенное зрѣлище: молодыя дѣвицы участвовали въ шествіи, которое проходило по улицамъ по случаю одного общественнаго праздника. Онѣ бросали цвѣты и распѣвали гимны.

Преобразователь стремился сдѣлать для дочерей этихъ бояръ то же, что онъ сдѣлалъ для ихъ сыновей: посылку ихъ за границу для полученія образованія. Но онъ долженъ былъ уступить передъ слишкомъ рѣзкимъ въ этомъ отношеніи сопротивленіемъ родителей. По крайней мѣрѣ, онъ старался убѣдить ихъ въ благодѣтельности хоть какого-нибудь образованія, и здѣсь тоже показывалъ примѣръ: его дочери Анна и Елизавета имѣли учительницу француженку; онъ присутствовалъ иногда на ихъ урокахъ; онъ заботился о томъ, чтобы онѣ тоже приняли европейскій видъ даже въ ихъ платьяхъ и прическахъ, снятыхъ съ парижскихъ образцовъ. Такъ какъ его невѣстка Прасковья критиковала эти новшества, то онъ называлъ ея домъ „убѣжищемъ

дураковъ и слабоумныхъ" и кончилъ тѣмъ, что добился того, что и онъ послѣдовалъ за нимъ. Эта вдова царя Ивана явилась въ исторіи русской женщины олицетвореніемъ переходнаго типа, прямого слѣдствія реформы. Она пригласила французовъ учителей къ своимъ дочерямъ, сама занималась съ преподавателемъ нѣмцемъ, но на ряду съ русскимъ костюмомъ сохранила дикіе инстинкты. Она била своихъ фрейлинъ, и чтобы вынудить признаніе въ какомъ-то проступкѣ у своего слуги, она обливала ему голову водкой, которую имѣла всегда въ своей каретѣ, поджигала ее, а потомъ била несчастнаго палкой по ужаснымъ ожогамъ.

Знамя стрѣльцовъ.

Петръ имѣлъ передъ собою слишкомъ достаточно дорогъ на пути для достиженія самому той цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ. Точнѣе говоря, онъ благодаря своей природной грубости и развращенности, не былъ совершенно годенъ въ вожди, какимъ онъ долженъ быть. Онъ терялся въ дорогѣ, терялъ изъ виду направленіе пути, а эти уклоненія были здѣсь печальны.

Создавши собранія и открывши ихъ двери для узницъ теремовъ, онъ слишкомъ часто предлагалъ ихъ вниманію привычки казармъ. Нравственный обликъ русской женщины надолго еще сохранитъ слѣды этого начала общественной жизни, которыми она обязана своему иниціатору.

Но дѣло великаго человѣка цѣликомъ отвѣтственно также и въ упрекахъ, какъ оно конечно доставило ему заслуги и славу. Возмущаясь болѣе или менѣе законно даже еще и теперь какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Россіи, противъ несправедливостей и жестокостей, такъ или иначе связанныхъ съ его судьбой, женскій міръ не менѣе можетъ считать его въ числѣ своихъ энергичныхъ избавителей, чѣмъ цивилизація вообще въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ своихъ работниковъ. Этотъ циникъ и развратникъ видѣлъ въ женщинѣ не только одно тѣло для удовольствія. Онъ имѣлъ достаточно ясное пониманіе своей роли въ семьѣ и обществѣ, чтобы избѣжать упрековъ съ точки зрѣнія современнаго идеала.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

I.

Дѣло Великаго реформатора и трудности, съ которыми ему приходилось бороться, чтобы закончить его, дурно оцѣнены даже равными ему. «Онъ работалъ надъ своимъ народомъ, какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ», сказалъ Фридрихъ Великій, можетъ быть не безъ оттѣнка зависти. Сравненіе не вполнѣ вѣрное. Отдавшись подъ вліяніемъ рѣзкаго и внезапнаго напора своимъ привычкамъ, стремленіямъ и чувствамъ, скорѣе подъ ударами молота и топора, чѣмъ подъ медленнымъ разъѣданіемъ,—русскій народъ оказался не вполнѣ пассивнымъ. Въ самыхъ ужасныхъ увлеченіяхъ своего гнѣва и мести Петръ часто только возставалъ съ насиліемъ противъ насилія. Доказательство этого даютъ процессы Преображенскаго Приказа. «Какой это царь? писалъ въ 1698 году одинъ заключенный на допросѣ, Ванька Бореліу. Это турокъ! Ѣстъ говядину въ среду и пятницу, и заставляетъ готовить себѣ лягушекъ! Прогналъ жену и живетъ съ чужеземкой! Какой это царь!» Смѣсь удивленія съ ненавистью, этотъ крикъ чаще всего передаетъ возмущеніе пораженаго ума. И слѣдуетъ доказательство: «Не можетъ быть, чтобы этотъ человѣкъ, для котораго ничего нѣтъ священнаго въ томъ, что въ продолженіе стольких вѣковъ составляло вѣру и жизнь святой Руси,—чтобы онъ родился отъ русскихъ мужа и жены. Онъ долженъ быть сыномъ нѣмца. Это сынъ Лефорта и одной

нѣмки, подмѣненный въ люлькѣ сыномъ Алексѣя и Наталіи. Настоящій Петръ Алексѣевичъ оставленъ за границею въ 1697 г. Нѣмцы его спрятали у себя, подставили на его мѣсто другого. Наконецъ, это можетъ быть Антихристъ». Въ 1701 году одинъ писатель, по имени Талицкій, былъ осужденъ на смерть, за предоставленіе своего имени и пера для доказательства этой теоріи, а позднѣе Стефанъ Яворскій составилъ книгу для доказательства ложности ея съ цитатами изъ Апокалипсиса. Въ 1718 году одинъ иностранецъ, проѣзжая черезъ деревню по дорогѣ въ Петербургъ, увидѣлъ собраніе 300 — 400 человѣкъ. Одинъ священникъ, котораго тотъ спросилъ, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ: «Наши отцы и братья безъ бородъ; наши жилища безъ слугъ; наши священнѣйшіе законы нарушены, а мы стонемъ подъ владычествомъ иностранцевъ!» Это готовилось возстаніе.

Примѣръ, случившійся со стрѣльцами, правда, охладилъ массовыя попытки къ возстанію; но отдѣльные случаи возмущенія и даже возстанія еще были часты. Иногда они происходили въ наивной и трогательной формѣ. Но чаще всего, пораженный въ томъ, что у него было самаго дорогого, фанатическій приверженецъ Домостроя, поднималъ руку и пытался нанести ударъ за ударъ. Покушенія на особу царя возобновлялись изъ года въ годъ. Въ 1718 году Ла-Вю упоминаетъ объ одномъ, которое было 29-мъ съ начала царствованія. «Безспорно, пишетъ Кампредонъ въ 1721 году, умри Царь и это государство вернется къ своей прежней формѣ управленія, по которой всѣ его подданные тайно вздыхаютъ».

Противодѣйствіе было, конечно, не столь общее; все болѣе и болѣе робкое и ослабѣвающее, въ то время какъ новый режимъ укрѣплялъ свои позиціи и силы,—оно прозябало, не будучи въ состояніи серьезно и открыто выступить; но въ то же время не падало совершенно. Элементы, составлявшіе его, двигатели, которые его воодушевляли, средства воздѣйствія, которыя были ему свойственны, его духъ и характеръ проявились и сгруппировались въ темномъ предпріятіи, героемъ котораго былъ старшій сынъ Петра.

Въ этомъ вопросѣ я нахожу свою задачу облегченной и вмѣстѣ съ тѣмъ осложненной множествомъ произведеній, которыя появились до меня. Всевозможная литература, исторія, романъ, драма, поэзія — все было испробовано, во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ, чтобы представить трагическій образъ

печальнаго цесаревича. Я хотѣлъ избѣжать повтореній. Мнѣ кажется, однако, что физіономія происшествій и лицъ не сошла еще до сихъ поръ со сцены, иногда плѣнительной и обаятельной, со всею желательной чистотой и возможной правдивостью.

II.

Алексѣй родился 19 февраля 1690 года. На имѣющихся у насъ его портретахъ онъ является человѣкомъ, подходящимъ къ своей исторіи и трагической судьбѣ: ни красивъ, ни дуренъ, съ выпуклымъ лбомъ, съ круглыми и безпокойными глазами, съ жалкимъ и упрямымъ видомъ. Ни физически, ни умственно онъ не былъ похожъ на отца; но также и ничего ничтожнаго, какъ его часто представляютъ. Я вижу въ немъ не очень крѣпкое здоровье, разрушенное, правда, эксцессами всякаго рода, но безъ признаковъ хилости; конечно открытый умъ; вкусъ къ чтенію; легкость, свойственная славянамъ, къ изученію иностранныхъ языковъ и стремленіе къ наукѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ наукамъ. У него была склонность, какъ и у его дяди Ѳедора, къ богословскимъ книгамъ. Тамъ отражался духъ старой Москвы. Въ судебномъ дѣлѣ, которое Петръ началъ противъ своего сына, фигурируютъ выдержки изъ Бароніуса, поставленныя въ вину обвиняемому. Тамъ же можно найти мѣста въ другомъ родѣ, чѣмъ ихъ отыскала отцовская жестокость, указывающія на благородную и нѣжную душу. Алексѣю нравилось, что Теодоза и Валентеньенъ имѣли обыкновеніе освобождать заключенныхъ по случаю праздника Пасхи; что они запретили смертныя казни въ продолженіе Великаго поста и запретили отбирать у бѣдныхъ людей ихъ топливо и постель. Ему также нравилось, правда, что одинъ изъ государей строго соблюдалъ посты и что другой былъ убитъ за посягательство на право Церкви. Я нахожу въ этомъ сынѣ и внукѣ полуазіатскихъ деспотовъ нѣкоторыя стороны, которыя мы назвали бы теперь либеральными и другія, которыя свойственны чистому фанатику. Но онъ не былъ невѣжественненъ или ограниченъ. Ему случалось проявлять способности. На одномъ допросѣ у него спросили, какъ онъ осмѣлился предсказывать, что когда-нибудь Петербургъ будетъ потерянъ, но онъ отвѣтилъ: «потеряли же Азовъ!» Если онъ вѣроломенъ, рѣзокъ и грубъ, то это прежде всего потому, что его научили постоянно пить лишнее и онъ былъ часто пьянъ. И если ему случалось также оттаскать за

волосы своего второго преподавателя, Вяземскаго, или даже схватить за бороду своего духовника, протопопа Игнатьева, то эти выходки покажутся невинными, если сравнить ихъ съ выходками его отца, который первый ежедневно подавалъ ему примѣръ.

Я не нахожу въ немъ даже прочно установившейся и полной ненависти къ реформаторскому движенію. Я нахожу его интересующимся успѣхами, которые оказывалъ за-границей сынъ одного изъ его слугъ и знаніями, которыя онъ тамъ получалъ, настаивая, чтобы этого мальчика учили по-латыни, по-нѣмецки и даже по-французки. Что его пугали и отталкивали въ переворотѣ, которымъ Петръ хотѣлъ ускорить это движеніе, такъ это слишкомъ большое напряженіе, слишкомъ рѣзкое потрясеніе, слишкомъ быстрая перемѣна, и на этой почвѣ противодѣйствія онъ былъ не одинъ. Разногласія, которыя поставили его въ непріязненныя отношенія съ отцомъ, раздѣлялись доброй половиной Россіи.

До девятилѣтняго возраста онъ оставался около своей матери. Эта послѣдняя не могла лично по себѣ похвалить первые шаги реформы и ребенокъ вѣроятно кое-что объ этомъ зналъ. Въ 1699 году бѣдная Евдокія была заключена въ Суздальскій монастырь; это, конечно, было огорченіемъ для сына и причиною затаенной злобы. Мать была замѣнена наставниками. Отсутствующій, занятый заботами о войнѣ, отецъ слишкомъ поздно сталъ вмѣшиваться въ воспитаніе наслѣдника. И тогда произошла первая ссора. Прежде всего, побѣжденный при Нарвѣ, будущій побѣдитель при Полтавѣ, рѣшилъ, что онъ долженъ сдѣлать своего наслѣдника солдатомъ. Алексѣй не имѣлъ воинственнаго характера. Но ученику не хватало послушанія, а учителю терпѣнія. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ со стороны одного внушить другому вкусъ къ жестокому ремеслу, предмету ихъ спора, Алексѣй былъ предоставленъ самому себѣ, отпущенъ въ Москву, какъ безполезная вещь. Его домъ тамъ сталъ естественно центромъ собранія всѣхъ недовольныхъ, довольно многочисленныхъ по сосѣдству съ Кремлемъ, всѣхъ, кого новый режимъ [тѣснилъ и раздражалъ своими безпрерывными перемѣнами, своею постоянно лихорадочною дѣятельностью, своею ужасною тратою силъ. Молодой человѣкъ и старый городъ молчаливо сошлись. Онъ любилъ городъ и тотъ его въ свою очередь. Онъ любитъ его особенно за то, что тотъ имѣетъ самаго пріятнаго, конечно, и самаго привлекательнаго въ своихъ

безчисленныхъ святыняхъ, соборахъ и украшенныхъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и таинственными разсказами часовняхъ, полныхъ таинственности и наивной поэзіи.

И вотъ переворотъ уже заноситъ свою нечестивую руку на величіе и святость этихъ благочестивыхъ мѣстъ! Онъ лишаетъ столицу ея Патріарха; онъ обираетъ монастыри! Алексѣй бесѣдуетъ объ этомъ со своимъ духовникомъ. Онъ говоритъ ему о негодованіи церкви, обремененіи народа, и о надеждахъ, которые въ глубинѣ сердецъ возлагаются на благодѣтельную и обновительную перемѣну царствованія. Онъ взываетъ даже къ памяти его матери, этой первой и столь трогательной жертвѣ ошибокъ и эксцессовъ, отъ которыхъ всѣмъ приходится страдать.

Перемѣна царствованія? Такимъ образомъ даже сама Церковь отнынѣ находитъ только этотъ путь высшаго спасенія! Сначала изумленный, умъ юноши мало-по-малу привыкъ къ этой мысли. Послѣ рѣчей суроваго священника, рѣчи членовъ московской аристократіи старались сдѣлать ему уже ее привычной.

Перемѣна царствованія? Надо лишить трона отца! Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ освободить мать и возстановить ее изъ немилости и опалы! Этотъ отецъ,—но впрочемъ Алексѣй видѣлъ его въ рѣдкихъ случаяхъ, и всегда въ образѣ суроваго и раздраженнаго наставника. Какъ онъ проводилъ время? Чему онъ научился? Никогда ни одного сердечнаго слова; упреки, угрозы, иногда побои. И такъ мало оправдываемые въ нѣкоторыхъ случаяхъ!

Въ 1708 году, Петръ былъ вдругъ охваченъ желаніемъ пристроить своего наслѣдника къ дѣлу, «заставить его служить», какъ онъ говорилъ. Онъ посылалъ его въ Смоленскъ, въ качествѣ продовольственнаго коммиссара, потомъ въ Москву съ порученіемъ укрѣпить городъ противъ предполагаемой аттаки Шведовъ. Попытка окончилась неудачей. Отецъ разгнѣвался; сынъ шлетъ письма къ вліятельнымъ лицамъ изъ свиты отца, чтобы выпросить у нихъ вмѣшательство и помощь; между прочимъ, также къ новой любовницѣ, которая потомъ стала мачехой, и которую пока будущій пасынокъ зоветъ по-просту Екатерина Алексѣевна. Въ слѣдующемъ году, сопровождая подкрѣпленіе для войскъ, вызванное царемъ, царевичъ простудился, и не могъ участвовать въ Полтавской битвѣ. Онъ былъ окончательно слабъ, чтобы научиться воевать. Чтобы сдѣлать изъ него сноснаго наслѣдника, слѣдовало испробовать другое средство. Петръ рѣшилъ отправить своего сына въ Германію. Тамъ

Петръ Великій.

Съ гравюры, сдѣланной съ портрета, находящагося въ Лондонѣ.

онъ пополнитъ свои познанія. Можетъ быть случайно онъ пріобрѣтетъ вкусъ къ просвѣщенію, основы котораго оставались слишкомъ далекими отъ него. Наконецъ, тамъ онъ сдѣлаетъ выборъ жены, вліяніе которой заставитъ измѣнить образъ мыслей.

Алексѣй былъ въ восторгѣ отъ этого рѣшенія, первымъ слѣдствіемъ котораго было то, что между нимъ и отцомъ ляжетъ большое разстояніе. Онъ позволилъ направить себя въ Дрезденъ и занимался тамъ или дѣлалъ видъ, что занимается геометріей и искусствомъ постройки крѣпостей, не переставая поддерживать дѣятельную переписку съ Игнатьевымъ, который послалъ съ нимъ замѣняющаго духовника подъ видомъ слуги, и съ другими друзьями изъ Москвы, которые поддерживали его своими жалобами и обычными обнадеживаніями. Но Петръ окружилъ своего сына цѣлымъ штатомъ тайныхъ агентовъ, которымъ было поручено, если не слѣдить за его нравственностью, то по крайней мѣрѣ женить его какъ можно скорѣе. Вскорѣ молодой принцъ, уступая ихъ настояніямъ, остановилъ свой выборъ на принцессѣ Шарлоттѣ.

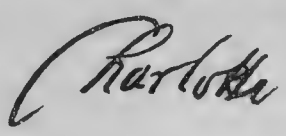
Петръ возымѣлъ счастливую идею, увы, испорченную, какъ это случается слишкомъ часто, пріемами слишкомъ поспѣшнаго выполненія. Мало красивая, рябая, съ длинной и плоской таліей, Шарлотта была милая женщина, несмотря на эти физическіе недостатки; во всякомъ случаѣ, она не была подругой, которую желалъ отецъ для Алексѣя. Бѣдное изящное и слабое созданіе, которое жалко было видѣть, какъ оно попалось, точно птичка въ западню, окунутое въ готовящуюся темную драму, не способное ни защититься, ни даже понять, что его ожидаетъ. Оно можетъ только страдать и умереть.

Начало супружества казалось счастливымъ. Казалось, что Алексѣй нашелъ супругу по своему вкусу. Ее очень безпокоилъ походъ на островъ Рюгенъ, въ которомъ Царевичъ долженъ былъ принять участіе. Она писала, что «она будетъ несказанно несчастна, если ей суждено будетъ потерять дорогого супруга».

Мысль о слѣдованіи за нимъ въ Петербургъ сначала устрашила ее; но она тотчасъ сказала себѣ, что она «готова идти хоть на край свѣта, лишь бы быть возлѣ него». Но Петръ уже началъ портить дѣло. Его охватила мысль заставить наслѣдника «служить». Въ 1711 до 1713 года Алексѣй почти постоянно былъ въ дорогѣ между Торномъ, гдѣ онъ еще запасалъ провіантъ, Померапіей, куда онъ отправился курьеромъ съ секретными предписаніями Меншикову и берегами Ладожскаго озера,

гдѣ онъ занимался кораблестроеніемъ. Въ то же время покинутая семья должна была очень страдать отъ полнаго безденежья, плохо обезпеченная; въ 1713 году, опасаясь умереть съ голоду, она спасается къ своимъ родителямъ.

Супружеское счастье не могло противостоять такимъ испытаніямъ. Письма Шарлотты къ своимъ скоро показываютъ, что



ея умъ смущенъ, душа потрясена. Птичка бьется крыльями въ своей клѣткѣ. Въ ноябрѣ 1712 года она въ отчаяніи; ея положеніе «ужасно»; она видитъ, что вышла замужъ за человѣка, «который никогда ее не любилъ». Потомъ лучъ солнца: казалось, все перемѣнилось; царевичъ «любитъ ее страстно», а она «любитъ его ужасно». Но это не больше, какъ мимолетное про-

свѣтлѣніе. Ближайшее письмо представляетъ ее такою, что «болѣе несчастную нельзя себѣ вообразить»; до сихъ поръ она полагала, что характеръ ея мужа скрытъ отъ нея, но «теперь маска спала».

Никакое прочное сближеніе, никакая дѣйствительная близость не могли серьезно зародиться между этими двумя моломи людьми, такъ мало созданными одинъ для другого. Къ факту почти постояннаго физическаго разобщенія прибавились болѣе тяжелыя препятствія нравственнаго порядка. Шарлотта осталась лютеранкой; вмѣстѣ съ нею московскія церкви потеряли свое краснорѣчіе. Она привезла съ собою также маленькій нѣмецкій дворъ, въ которомъ она находила привычное общество. Самъ же Алексѣй остался православнымъ фанатикомъ и казалось все больше и больше погружался въ узкую московскую обособленность. При всей своей взыскательности и рѣзкости Петръ успѣлъ только сдѣлать его болѣе полно и болѣе упорно непослушнымъ духу новаго режима. Отнынѣ борьба велась открыто между отцомъ и сыномъ, подчеркнувшими здѣсь свои естественныя свойства: крайне энергичную инициативу съ одной стороны и упорно безразличное противодѣйстіе съ другой; постоянное властное понужденіе въ духѣ новшествъ и постоянное нѣмое сопротивленіе. Въ 1713 году, чтобы избавиться отъ экзамена, который долженъ былъ подвергнуть испытанію его рисовальныя способности, Алексѣй выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ правую руку.

Онъ тѣмъ болѣе укрѣпляется въ своемъ положеніи, что вокругъ него начала группироваться уже болѣе общая оппозиція. Безъ особаго старанія и даже безъ принятія какихъ-нибудь мѣръ онъ сдѣлался главою партіи. Среди духовенства самъ Стефанъ Яворскій поддерживаетъ симпатіи къ его особѣ, которыя выразились въ знаменитой рѣчи 12 марта 1712 года, а представители старыхъ владѣтельныхъ домовъ, Долгорукій и Голицынъ, обращаютъ на него взоры съ надеждой. Такимъ образомъ, все, что приближаетъ ихъ къ нему, не только удаляетъ его отъ отца, но также и отъ жены. Она еретичка, иностранка, ей нѣтъ мѣста въ мечтахъ о будущемъ, которыя они строятъ для себя и для него. Она тоже созданіе ненавистнаго режима! Въ 1714 году, получивъ разрѣшеніе отправиться для лѣченія въ Карлсбадъ, онъ бросаетъ ее безъ сожалѣнія, хотя она была беременна на 9-мъ мѣсяцѣ, и она видѣла, какъ онъ весело отправился. Теперь она страдала отъ его естественной грубости.

Онъ посѣщаетъ дѣвицъ и неумѣренно пьетъ. «Онъ почти всегда пьянъ» пишетъ принцесса. Она начинаетъ, наконецъ, безпокоиться за его невоздержность на языкъ. «Когда случится то, что должно случиться, друзья его отца и его мачехи познакомятся съ сидѣньемъ на колѣ... Флотъ будетъ сожженъ, а Петербургъ погрузится въ свои болота»...—говаривалъ онъ пьяный!

По возвращеніи изъ Карлсбада онъ наноситъ ей самое тяжкое оскорбленіе. Знаменитая Евфросинія, которая сыграла въ его судьбѣ злосчастную роль, представлялась во всѣхъ смыслахъ полноправной хозяйкой. Когда его жена умерла во время родовъ 22 октября 1715 года съ удивительною покорностью судьбѣ въ послѣдніе моменты своей жизни, онъ три раза падалъ въ обморокъ передъ ея кроватью. Скорбь или угрызенія совѣсти? Можетъ быть это было только сознаніе того, что это событіе прибавляло къ тяжести его положенія. Позднѣе онъ признавался, что въ тотъ часъ онъ чувствовалъ новую опасность создающуюся для него.

Дѣйствительно, шестью днями позже письмо отъ отца, завѣдомо помѣченное, какъ будто оно было написано 11 октября, принесло ему подтвержденіе его безпокойства. Элементы драмы, въ которой онъ будетъ главнымъ героемъ и жертвой, уже наготовѣ и занавѣсъ поднимается.

Это письмо заключало требованіе, «послѣднее требованіе», писалъ государь. «Ты не хочешь ничего дѣлать и ничему учиться, но разъ есть возможность, ты долженъ кормиться самъ какъ птица: Я не щажу ни своей жизни, ни жизни своихъ подданныхъ, и я не собираюсь дѣлать исключенія для тебя.

Ты исправишься и сдѣлаешься полезнымъ государству, если же нѣтъ, то ты будешь лишенъ наслѣдства».

Великое слово было произнесено, а на другой день по полученіи письма другое событіе точнѣе опредѣлило смыслъ загадки, которую оно содержало: Екатерина въ свою очередь родила сына.

Какимъ чувствомъ руководился Петръ въ этотъ моментъ? Съ точки зрѣнія отвѣтственности передъ исторіей—это главная загадка въ этомъ печальномъ дѣлѣ. Апологеты великаго человѣка говорятъ, что этого требовали интересы государства. Петръ былъ занятъ и долженъ былъ заниматься спасеніемъ будущности своего дѣла, огражденіемъ своего наслѣдства отъ покушеній со стороны неспособнаго и недостойнаго наслѣдника. Я не могу согласиться съ такимъ взглядомъ. Царь вложилъ слишкомъ мно-

го энергіи и старанія въ преслѣдованіи и выполненіи своей отцовской власти, а позднѣе слишкомъ много мягкости и непослѣдовательности въ упорядоченіи династическаго вопроса, для того, чтобы эти два дѣла могли казаться тѣсно связанными въ его умѣ. Я думаю, въ концѣ концовъ, что въ первомъ случаѣ онъ былъ особенно деспотиченъ. Можетъ быть, это было естественнымъ послѣдствіемъ его второй женитьбы. Независимо даже отъ непосредственнаго давленія со стороны Екатерины, ребенокъ, родившійся отъ любимой жены, долженъ былъ быть ему дороже, чѣмъ сынъ, отвергнутый. Алексѣй былъ живымъ укоромъ передъ его глазами; а извѣстно, какъ онъ обыкновенно относился къ вещамъ и людямъ, стѣснявшимъ его. Я возвращусь еще къ этому вопросу.

По совѣту своихъ ближайшихъ друзей: Вяземскаго, Кикина, Игнатьева, Алексѣй нанесъ прямой ударъ, который былъ подсказанъ ему отважною дерзостью: признавая себя неспособнымъ на тяжкое бремя царствованія, чувствуя себя больнымъ, слабымъ тѣломъ и духомъ, видя, наконецъ брата, который можетъ его замѣстить, онъ добровольно предоставляетъ ему обладаніе своими правами. Онъ ищетъ только убѣжища въ деревнѣ и средствъ для мирной жизни. Петръ не ожидалъ, что будетъ такъ пойманъ на словѣ, и эта поспѣшность отказа показалась ему подозрительной. Онъ далъ себѣ время на размышленіе до 19 января 1716 года, потомъ перешелъ въ наступленіе. Удаленіе въ деревню для царевича вещь конечно неподходящая и ложная. Наслѣдникъ, который не царствуетъ, а остается принцемъ,—ни рыба, ни мясо. Слѣдуетъ выбирать между тропомъ и болѣе вѣрнымъ убѣжищемъ; или выказать себя способнымъ царствовать, или сдѣлаться монахомъ: такова альтернатива. Его дѣло выбирать; если же нѣтъ, то онъ будетъ принятъ за злодѣя. Алексѣя охватила дрожь и тоска. Онъ бросился опять къ своимъ друзьямъ. «Ба! отвѣтилъ Кикинъ, это все равно; клобукъ вѣдь не прибитъ къ головѣ гвоздемъ». Въ трехъ словахъ былъ готовъ отвѣтъ сына: онъ будетъ монахомъ. Но, отправляя такой отвѣтъ, написалъ въ другихъ письмахъ: «Я иду въ монастырь, принужденный къ тому силою».

Петръ былъ еще разъ захваченъ врасплохъ. Отправляясь вскорѣ за границу онъ оставилъ дѣло невыясненнымъ. Очевидно, онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ думалъ попугать сына и довести его до повиновенія. Къ несчастію Алексѣя, его друзья начали давать ему другіе, уже менѣе мудрые совѣ-

ты. Всегда послушный ихъ внушенію, онъ въ свою очередь началъ забѣгать впередъ, терять всю выгоду пріобрѣтеннаго положенія, возвращать своему отцу всѣ преимущества, полученныя надъ нимъ, и устремился къ погибели.

II.

28 августа 1716 года, послѣ шестимѣсячнаго молчанія, Петръ послалъ своему сыну новое требованіе: «Если онъ желаетъ остаться въ міру, онъ долженъ поступить по-царски, присоединившись къ отцу, чтобы сопутствовать ему, если же онъ предпочитаетъ сдѣлаться монахомъ, то наступило время послѣдовать объявленнымъ имъ намѣреніямъ, сдѣлать выборъ монастыря и указать день, въ который все это должно осуществиться». Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельскимъ указаніямъ, Царь предупредилъ рѣшеніе царевича, опредѣливъ ему монастырь въ Твери и приказавъ приготовить келію, размѣры которой во всѣхъ отношеніяхъ напоминали тюрьму. Царевичъ объявилъ Меншикову, что онъ отправляется къ отцу, просилъ тысячу дукатовъ на свое путешествіе и разрѣшенія увезти Евфросинію, выпросилъ еще двѣ тысячи рублей у сената и отправился въ путь на Ригу 26 сентября 1716 года. Но его слуга Афанасьевъ, котораго онъ оставилъ въ Петербургѣ, былъ въ послѣдней моментъ надѣленъ имъ тайными инструкціями: онъ де не собирается присоединиться къ Царю, онъ отправляется въ Вѣну, чтобы отдаться подъ покровительство Императора. Кикинъ отправился туда вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы подготовить почву, и прислалъ успокоительныя вѣсти: Императоръ не выдастъ своего свояка и дастъ ему три тысячи флориновъ въ мѣсяцъ на жизнь. Въ Либавѣ бѣглецъ встрѣтилъ свою тетку, Марію Алексѣевну, и посвятилъ ее также въ свои проекты. Она была въ ужасѣ: «Куда ты думаешь скрыться? Онъ тебя всюду найдетъ». Алексѣй старается ее увѣрить, увѣряетъ самого себя въ надеждахъ, данныхъ ему Кикинымъ, и продолжаетъ свой путь.

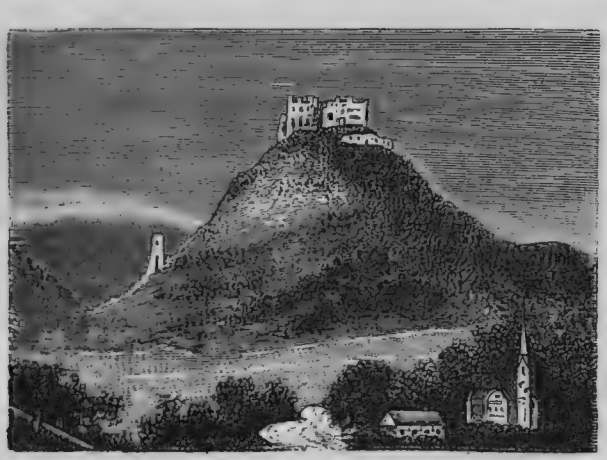
Петръ довольно долго былъ въ невѣдѣніи о своемъ сынѣ. При первомъ же извѣстіи объ исчезновеніи, онъ посылаетъ на поиски своихъ лучшихъ сыщиковъ: Веселовскаго, посла въ Вѣнѣ, и Румянцева; потомъ Толстого. Началась настоящая травля. «Мы идемъ по слѣду; остается только схватить звѣря»,—термины, которыми пользовались преслѣдователи.

Вечеромъ 10 ноября 1716 года Царевичъ внезапно появился въ Вѣнѣ передъ вице-канцлеромъ графомъ Шенборнъ и «съ сильной жестикуляціей, бросая направо и налѣво испуганные взгляды, бѣгая изъ одного конца комнаты въ другой», онъ просилъ императора о спасеніи своей жизни; онъ обвинялъ Меншикова, что онъ разстроилъ его здоровье, вовлекая въ пьянство,— отца своего, что онъ хотѣлъ его погубить, надорвавши его силы, и кончилъ наконецъ тѣмъ, что попросилъ пива. Крайне смущенные, императоръ и его совѣтники рѣшили искать примиренія между отцомъ и сыномъ, а пока спрятать Алексѣя. Старая башня замка Эренбергъ въ доменѣ Леха, казалась имъ надежнымъ укрытіемъ и царевичъ поселился тамъ подъ строжайшимъ инкогнито, какъ государственный плѣнникъ.

Онъ былъ выслѣженъ тамъ только въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ Румянцевъ отправился бродить въ окрестностяхъ маленькой крѣпостцы. Узнали, что погоня имѣетъ приказъ захватить бѣглеца, во что бы то ни стало. Тогда рѣшили отправить Алексѣя въ Неаполь. Его уговорили удалить московскихъ слугъ, пьянство которыхъ угрожало раскрытіемъ тайны. Онъ настоялъ лишь на сохраненіи одного пажа, что ему было позволено изъ соображеній, о которыхъ графъ Шёнборнъ такъ пишетъ: «Нашъ маленькій пажъ... наконецъ онъ сознался, что онъ женщина, по незамужняя, хотя вѣроятно также и не невинная, выдаваемая за любовницу, необходимую для здоровья». Этимъ пажемъ была Евфросинія. Финская крестьянка, служанка Вяземскаго, или плѣнница побѣдоноснаго генерала, какъ Екатерина: свидѣтели разногласятъ въ этомъ отношеніи. Большая, сильная, съ толстыми губами, рыжая—по словамъ Румянцева; маленькаго роста—по сообщенію Веселовскаго; во всякомъ случаѣ, простолюдинка и довольно обыкновенная. Какъ могло случиться, что она получила надъ сердцемъ Алексѣя ту безграничную власть, которая составляетъ сущность человѣческой трагедіи? Это вѣчная тайна. Не была ли это черта, унаслѣдованная отъ отца, о которой мы уже говорили.

Румянцевъ сначала послѣдовалъ за царевичемъ, а возвратившись въ Вѣну, онъ вмѣстѣ съ Толстымъ потребовалъ отъ императора выдачи бѣглеца. Дѣло осложнялось. Казалось, что Царь рѣшился на крайнія мѣры; имѣя армію въ Польшѣ Петръ, казалось, легко могъ превратить въ дѣйствительность угрозы, которыми были пропитаны заносчивыя

рѣчи его пословъ. Карлъ VI старался еще выиграть время. Онъ написалъ королю Георгу Англійскому съ цѣлью вовлечь его въ дѣло преслѣдуемаго сына, и желалъ, чтобы походъ не былъ благопріятнымъ для Царя. Въ ожиданіи онъ убѣдилъ пословъ вести дѣло непосредственно, въ Неаполѣ. Можетъ быть Царевичъ согласится по доброй волѣ отдаться въ ихъ руки. Они отправились туда и началась борьба, въ которой вице-король, графъ Даунъ, игралъ некрасивую роль. Изъ Вѣны ему былъ посланъ приказъ облегчить агентамъ московскаго царя возможность свиданія съ молодымъ принцемъ, и даже заставить послѣдняго принять ихъ. Онъ открылъ имъ настежь всѣ двери замка Св. Эльма, гдѣ былъ запертъ бѣглецъ. Онъ понялъ, что его повелитель усиленно ста-



Развалины замка Эренбергъ.

рается освободиться отъ такого опекаемаго и не ошибся въ этомъ. Толстому и Румянцеву оставалось только использовать уже самыя крайнія послѣдствія этого предположенія.

Алексѣю пришлось выдержать правильную осаду. Сначала ему показали письмо его отца, угрожающее и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющее; царь обѣщалъ прощеніе всѣхъ проступковъ взамѣнъ полнаго подчиненія. Если же нѣтъ, то онъ объявитъ войну императору и возьметъ сына силой. Къ тому же секретарь, Вейнгардъ, подкупленный за нѣсколько дукатовъ, сообщилъ ему якобы секретное извѣстіе: императоръ рѣшилъ его выдать. Затѣмъ Толстой въ разговорѣ сказалъ, что въ Италію скоро пріѣдетъ самъ Петръ. И безъ того напуганный Алексѣй задрожалъ. Наконецъ, выйдя изъ предѣловъ своихъ полномочій, Даунъ явил-

ся съ угрозой, еще болѣе дѣйствительной: если Царевичъ желаетъ оставаться въ Сентъ-Эльмѣ, онъ долженъ разстаться съ Евфросиньей. И въ заключеніе, на сцену выступаетъ служанка, въ свою очередь подкупленная подарками и обѣщаніями, и поддерживаетъ аттаку слезами и просьбами. Алексѣй былъ доведенъ до сдачи.

Онъ поставилъ лишь два условія возврата: ему позволятъ спокойно жить въ своихъ имѣніяхъ и не разлучатъ съ любовницей. Толстой и Румянцевъ согласились, предлагая даже хлопотать о согласіи царя на женитьбу царевича на этой дѣвицѣ. Онъ написалъ отцу униженное письмо, съ раскаяніемъ о прошломъ и съ просьбой принять всѣ его обѣщанія, которыя онъ

Городъ Эльма.

обязуется выполнить; затѣмъ послѣ поѣздки въ Барй, гдѣ онъ совершилъ поклоненіе мощамъ св. Николая, онъ позволилъ себя увезти. Онъ былъ доволенъ и веселъ, и обрадовался еще болѣе, когда получилъ отвѣтъ Петра, который даровалъ ему прощеніе: онъ можетъ жениться на Евфросиніи. Царь требовалъ только, чтобы свадебный обрядъ былъ совершенъ въ Россіи, въ какой-нибудь уединенной мѣстности, «чтобы избѣжать еще бо́льшаго позора». Такъ какъ финка была беременна, то пришлось оставить ее въ Италіи; но она пріѣдетъ къ нему послѣ родовъ, а онъ поручилъ ея брату охрану этого сокровища; онъ писалъ этому человѣку: «Иванъ Федоровичъ! Здравствуй! умоляю тебя беречь свою сестру, а мою жену (хотя еще не признанную, но я уже имѣю разрѣшеніе), чтобы она ни въ чемъ не тер-

пѣла нужды, ибо нѣтъ никакого препятствія для ея признанія, кромѣ ея беременности, которая съ Божьею помощью окончится благополучно». Письмо содержитъ приписку. «Александръ Михайловичъ! Собака, (sic) утѣшай Евфросинію какъ только можешь, чтобы она не имѣла ни въ чемъ огорченій, ибо все идетъ отлично и только изъ-за ея брюхатости нельзя скоро признать ее женой». Оказалось, что Евфросинью легко было утѣшить; на всемъ пути, который велъ къ пыткамъ и смерти человѣка, преданнаго ей, она заботилась только о развлеченіи. Въ Венеціи она купила 30 аршинъ золотистаго сукна за 157 дукатовъ, крестъ, серьги, рубиновое кольцо; она ходила слушать концертъ, и жалѣла, что не нашла ни оперы, ни комедіи. Думала ли она о будущемъ, о безмятежномъ праздникѣ любви, о тихомъ счастьѣ въ уединеніи, раздѣляемомъ съ *Афросиньюшкой*, о которомъ говорили ей всѣ письма Алексѣя? Ея банальные отвѣты, диктованные секретарю, ничего объ этомъ не говорятъ. Въ письмахъ она прибавляла только нѣсколько строкъ своею рукой, огромными безобразными буквами, чтобы попросить присылки какого-нибудь національнаго блюда,—икры или каши.

Одно средство спастись оставалось еще у несчастнаго Алексѣя. То, что произошло въ Неаполѣ, не могло не повергнуть Императора (австрійскаго) въ изумленіе и въ нѣкоторое смущеніе передъ своею совѣстью. Не обошлись ли грубо съ царевичемъ? Онъ желалъ увидѣть своего свояка и спросить его. Вдругъ онъ узнаетъ, что Толстой и Румянцевъ провезли принца черезъ Вѣну ночью. Они спѣшили съ добычей. Благородный Карлъ VI исполнилъ свой долгъ. Губернаторъ провинціи, графъ Коллорадо, получилъ приказъ задержать путешественниковъ, повидаться съ царевичемъ *безъ свидѣтелей*, спросить у него *по своей ли доброй волѣ* онъ возвращается въ Россію, и въ случаѣ противнаго отвѣта, оставить его въ Австріи, принявъ всѣ необходимыя для безопасности мѣры. Увы, приказъ не былъ выполненъ! Въ центрѣ имперской страны царскіе агенты загородили дорогу представителю императора. Если понадобится, они обнажатъ оружіе для прегражденія доступа къ царевичу. Участь Алексѣя была рѣшена: 31 января 1718 года Петръ былъ мрачно обрадованъ, узнавъ о возвращеніи своего сына въ Москву.

IV.

Въ Европѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что ожидало тамъ несчастнаго. Въ Россіи было также полное смятеніе. Въ продол-

женіе долгаго отсутствія царевича ходили самые противорѣчивые слухи: то думали, что онъ помолвленъ съ германскою принцессою, то заключенъ въ монастырь, то умерщвленъ по приказу своего отца, то отданъ въ ряды государевой арміи подъ видомъ новобранца. Узнанная, наконецъ, истина произвела страшное замѣшательство среди его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ. Болѣе чѣмъ вѣрно, что Петръ не удовольствуется разысканіемъ сына. Предстояло еще слѣдствіе, розыскъ сообщниковъ и засѣданія въ палатахъ пытокъ въ Преображенскомъ. Сообщникъ, замѣшанный наиболѣе серьезно, Кикинъ, попробовалъ было даже уговорить Аѳанасьева, комнатнаго слугу, заранѣе предупредить своего господина. Никто изъ заинтересованныхъ ни на минуту не вѣрилъ прощенію. И Петръ, конечно, не замедлилъ оправдать въ этомъ смыслѣ общее мнѣніе.

Пѣшій жилецъ.

3 февраля 1718 года въ Кремлѣ былъ собранъ соборъ изъ высшаго духовенства и почетныхъ мірянъ. Алексѣй явился передъ нимъ въ качествѣ обвиняемаго, безъ оружія. Увидѣвъ его, Петръ вспылилъ, началъ осыпать его бранью и упреками. Царевичъ упалъ на колѣни, залился слезами, невнятно бормоча извиненія, снова умоляя о прощеніи. Онъ получитъ прощеніе; но разъ онъ ставилъ свои условія, царь желаетъ поставить свои. Виновный и недостойный принцъ долженъ торжественно отказаться отъ престола и объявить сообщниковъ своихъ проступковъ, всѣхъ его совѣтниковъ или помощниковъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ былъ призванъ возложить на себя когда-нибудь корону, Алексѣй передъ Евангеліемъ отказался отъ правъ на тронъ, признавши наслѣдникомъ своего младшаго брата Петра, сына Екатерины, а въ низенькой кремлевской палатѣ, гдѣ отецъ заперся съ нимъ съ глазу на глазъ, онъ выдалъ имена всѣхъ, кого могъ припомнить, всѣхъ, кто обращался къ нему съ утѣшеніемъ, съ выраженіемъ симпатіи, простымъ участливымъ словомъ, перепутавъ всѣхъ вслѣдствіе нравственныхъ потрясеній.

Его предупредили: одинъ какой-нибудь пропускъ, одно умолчаніе заставятъ его потерять всѣ выгоды его признаній.

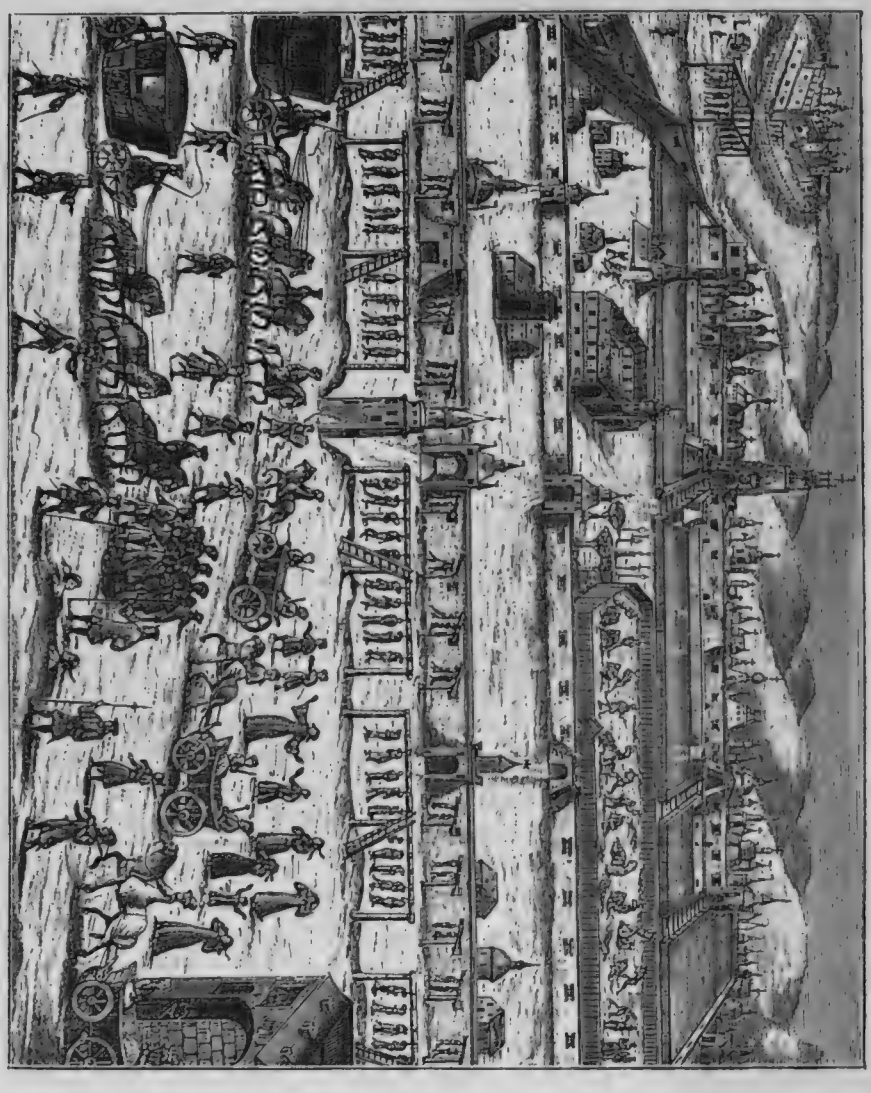
Кикинъ былъ указанъ первымъ, потомъ Вяземскій, Василій Долгорукій, Аѳанасьевъ, и еще другіе во множествѣ; даже сама царевна Марія по поводу той встрѣчи въ Либавѣ, хотя она была столь тайной. Петръ краснѣлъ отъ гнѣва при каждомъ имени. Кикинъ считался до 1714 года среди самыхъ близкихъ изъ окружающихъ его. Веберъ не одинъ разъ видалъ, что царь держалъ его въ объятіяхъ *болѣе четверти часа*. Долгорукій, единственный членъ старой аристократіи, котораго государь почтилъ большимъ довѣріемъ. Оба были привезены въ Москву съ желѣзною цѣпью на шеѣ и слѣдствіе началось.

Прежде всего оно установило съ очевидностью фактъ, что между Алексѣемъ и его друзьями никогда не было никакого замысла съ опредѣленной цѣлью, и даже ни тѣни заговора въ собственномъ смыслѣ слова.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Кикинъ провелъ нѣсколько недѣль, онъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми эмигрантами, остатками старыхъ политическихъ партій, нѣсколькими старыми *стрѣльцами*, спасшимися чудомъ отъ казней 1698 года. Съ другой стороны, онъ сохранилъ связи со свитою царя, связь съ Поклановскимъ, любимымъ денщикомъ повелителя, однимъ изъ тѣхъ, на рукахъ которыхъ Петръ обыкновенно засыпалъ. Во время бѣгства Алексѣй имѣлъ свиданіе съ Авраамомъ Лопухинымъ, братомъ Евдокіи, который передалъ ему новости о затворницѣ. Бѣдный царевичъ такъ мало злоумышлялъ съ нею, что даже не зналъ, жива ли она! Узнавши, что она находится въ большой нуждѣ, онъ поручилъ Лопухину передать ей пятьсотъ рублей. Вотъ все, что получило слѣдствіе въ подтвержденіе фактовъ главнаго обвиненія, а также еще нѣсколько злорѣчивыхъ словъ, вырвавшихся у молодого принца въ моменты его гнѣва или опьяненія. Говоря о своей женитьбѣ на Шарлоттѣ, онъ жаловался на рѣшеніе своего отца, «который навязалъ ему чертовку» и поклялся отомстить ему. Думая о нихъ, онъ говорилъ: «Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь! Когда будетъ время, безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, они попамъ, а эти своимъ прихожанамъ, тогда они и не-хотя меня свидѣтелемъ учинятъ».

Все это не было ни слишкомъ зло, ни слишкомъ серьезно, и даже болѣе: покидая Россію, Алексѣй имѣлъ самое искреннее рѣшеніе, держаться добровольнаго отреченія, которое ему было

подсказано послѣдними покушеніями отца на его самостоятельность. Его планъ, который слабость воспрепятствовала довести до конца, состоялъ въ томъ, чтобы дождаться за границей смерти отца, а потомъ принять на себя регентство за малолѣтіемъ брата.



Царевичъ Алексѣй.
Съ современной гравюры.

Чего же хотѣлъ царь со своей судебной машиной, которую онъ пустилъ въ ходъ? Вѣроятно, онъ и самъ этого хорошо не зналъ. Замыслы, заранѣе рѣшенные, которые предполагались съ его стороны, чтобы завлечь несчастнаго Алексѣя въ рядъ

сцѣпленій, въ концѣ которыхъ—отъ промаха къ промаху, отъ ошибки къ ошибкѣ—онъ бы выдалъ себя головой, не подтверждаются никакимъ опредѣленнымъ фактомъ, и находятся въ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Петра. Онъ не былъ человѣкомъ способнымъ на такія ухищренія. Скорѣе всего онъ просто далъ увлечь себя событіямъ, сопровождая ихъ особенностями своего характера. Впрочемъ, на время онъ удовольствовался жертвами, которыя отдали въ его руки признанія

Казни стрѣльцовъ у Новодѣвичьяго монастыря.

сына и слѣдствіе, распространившееся вплоть до Суздальскаго монастыря. Кикинъ былъ колесованъ послѣ ста ударовъ кнута въ четыре пріема. Несчастному Аѳанасьеву, виновному только въ томъ, что онъ заслужилъ довѣріе господина, отрубили голову. Судьба Евдокіи и Глѣбова извѣстна. Очень замѣшанные Алексѣемъ, Долгорукій и Вяземскій, вѣроятно были обязаны заступничеству царевича избавленіемъ отъ конфискаціи имущества, лишенія должностей и ссылки.

Выданный Глѣбовымъ, какъ воодушевитель надеждъ Евдокіи, подвергнутый пыткѣ, епископъ Ростовскій, Досиѳей, признался, что онъ предсказывалъ бывшей царицѣ скорую смерть Петра и воцареніе Алексѣя; но на требованіе отвѣта со стороны архіерейскаго собора, назначеннаго для его разжалованія, онъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: «Посмотрите каждый внутрь себя, что онъ носитъ въ сердцѣ своемъ; *прислушайтесь къ словамъ среди народа* и повторите то, что вы тамъ услышите». Онъ тоже вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ священниковъ былъ казненъ посредствомъ колесованія. Головы казненныхъ были надѣты на палки, внутренности ихъ сожжены. Поклановскому отрѣзали языкъ, уши и носъ. Одна княжна Троекурова, двѣ монахини, большое число дворянъ, среди которыхъ одинъ Лопухинъ, недавно вернувшійся изъ Англіи, были наказаны *кнутомъ*. Княгиня Анастасія Голицына, веселая болтунья, изобличенная настоятельницей Суздаля въ поддержаніи отношеній Евдокіи съ Глѣбовымъ, сохраняя ихъ тайну, была избавлена отъ *кнута*, но бита *батогами*. Петръ заставилъ сына присутствовать при наказаніи, которое длилось три часа, потомъ повезъ его въ Петербургъ.

Алексѣй считалъ себя теперь не причастнымъ къ дѣлу и казался очень довольнымъ своею судьбой. Злой рокъ сдѣлалъ его нечувствительнымъ. Онъ питалъ нѣжность только къ своей Евфросиніи. Онъ писалъ ей и объявлялъ, что отецъ теперь очень хорошъ съ нимъ и приглашаетъ его къ своему столу. Онъ говорилъ, что очень доволенъ тѣмъ, что лишенъ титула наслѣдника: «Мы никогда вѣдь, ты знаешь это, не хотѣли ничего другого, какъ спокойно жить на Рождественкѣ. Быть съ тобою и въ мирѣ до самой смерти мое единственное желаніе». Можетъ быть его письмо было предназначено для читателей чернаго кабинета; но очень вѣроятно, что онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь думалъ о женитьбѣ на финкѣ. Прежде, чѣмъ покинуть Москву, онъ на колѣняхъ просилъ Екатерину, отнестись благосклонно къ этому браку.

V.

Евфросинья прибыла въ Петербургъ 15 апрѣля 1718 года и вызвала общее любопытство, смѣнившееся тотчасъ изумленіемъ. Какъ, это та, въ которую столь сильно влюбленъ царевичъ! Ее заключили въ крѣпость, гдѣ она была подвергнута нѣсколько разъ допросу, и вдругъ распространилась новость, что царевичъ

арестованъ. До сихъ поръ онъ пользовался свободой, жилъ въ одномъ домѣ по сосѣдству съ дворцомъ, получая пенсію въ сорокъ тысячъ рублей. Не пролили ли новый свѣтъ на дѣло доносы этой дѣвки? Будучи въ Эренбергѣ, царевичъ писалъ своимъ друзьямъ въ Россію, въ Сенатъ, архіереямъ, взывая къ ихъ памяти, а также къ императору, чтобы вымолить его покровительство. Онъ говорилъ о возмущеніи въ русской арміи, стоявшей въ Мекленбургѣ, въ войскахъ въ окрестностяхъ Москвы, и радовался этимъ новостямъ, прочитаннымъ въ газетахъ. Въ Неаполѣ онъ продолжалъ переписку и злословіе. Онъ высказывалъ намѣреніе покинуть Петербургъ, когда будетъ у власти, чтобы жить въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ, что не будетъ болѣе заводить кораблей, а оставитъ лишь нѣкоторое количество войска только для защиты страны. Узнавши о болѣзни маленькаго Петра Петровича, онъ говорилъ своей любовницѣ: «Вотъ видишь, мой отецъ дѣлаетъ, что хочетъ, и Богъ дѣлаетъ, что хочетъ». Наконецъ, увидѣвъ себя покинутымъ императоромъ, онъ рѣшился отдаться подъ покровительство папы. Таковы были доносы. И Петръ съ самаго начала самъ былъ такъ ясно убѣжденъ въ этомъ, что арестъ Алексѣя состоялся только къ концу двухъ мѣсяцевъ. Въ промежуткѣ, принцъ былъ конечно, допрашиваемъ по поводу отдѣльныхъ обстоятельствъ, сообщенныхъ его любовницей, можетъ быть даже съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ способовъ понужденія, до которыхъ былъ, такой охотникъ его отецъ. Въ маѣ онъ сопровождалъ царя въ Петергофъ, но, вѣроятно, это не была увеселительная прогулка. Позднѣе одинъ крестьянинъ графа Мусина-Пушкина былъ приговоренъ къ каторгѣ за разсказъ о томъ, что, когда царевичъ былъ съ государемъ въ деревнѣ, онъ былъ отведенъ въ отдаленный каретный сарай, и что были слышны крики и вопли, выходившіе изъ этой постройки. Но до 14 іюня Алексѣй оставался на свободѣ.

Наканунѣ этого дня Петръ созвалъ новое собраніе духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и обратился къ нимъ съ посланіемъ, въ которомъ, взывая къ ихъ справедливости, требовалъ отъ нихъ высказаться о дѣлѣ между нимъ и сыномъ, который, скрывъ часть истины, нарушилъ помилованіе. Очевидно, государь пересталъ ожидать въ доносахъ Евфросиніи предлога для пересмотра дѣла, законченнаго въ Москвѣ. Но для чего онъ искалъ этого предлога? Можетъ быть, онъ убѣдился въ опасности, созданной новымъ положеніемъ бывшаго наслѣдника.

Такое положеніе онъ и прежде считалъ неудобнымъ. Можетъ быть также онъ уступилъ влеченію, ужасному стремленію къ кровавымъ процедурамъ, которыя ему нравилось приводить въ движеніе. Я охотно бы сказалъ, что онъ именно былъ захваченъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Его инстинкты инквизитора, деспота, неумолимаго судьи ожесточились. Онъ уже видѣлъ кровь.

На собраніи, къ которому онъ обратился, духовенство было въ большомъ затрудненіи по поводу постановки приговора, оно устранилось изъ дѣла черезъ пять дней, указавъ съ своей стороны на Ветхій и Новый завѣтъ: первый представляетъ примѣры того, что отцу разрѣшается наказывать своего сына; второй представляетъ другіе—болѣе милостивые, напр., въ приключеніяхъ блуднаго сына и блудницы. Сенатъ объявилъ дополненіе къ законамъ. Это было, конечно, желаніемъ Петра, и здѣсь была непосредственная причина гибели Алексѣя. Ужасный призракъ страданій и смерти уже не выпуститъ больше своей жертвы.

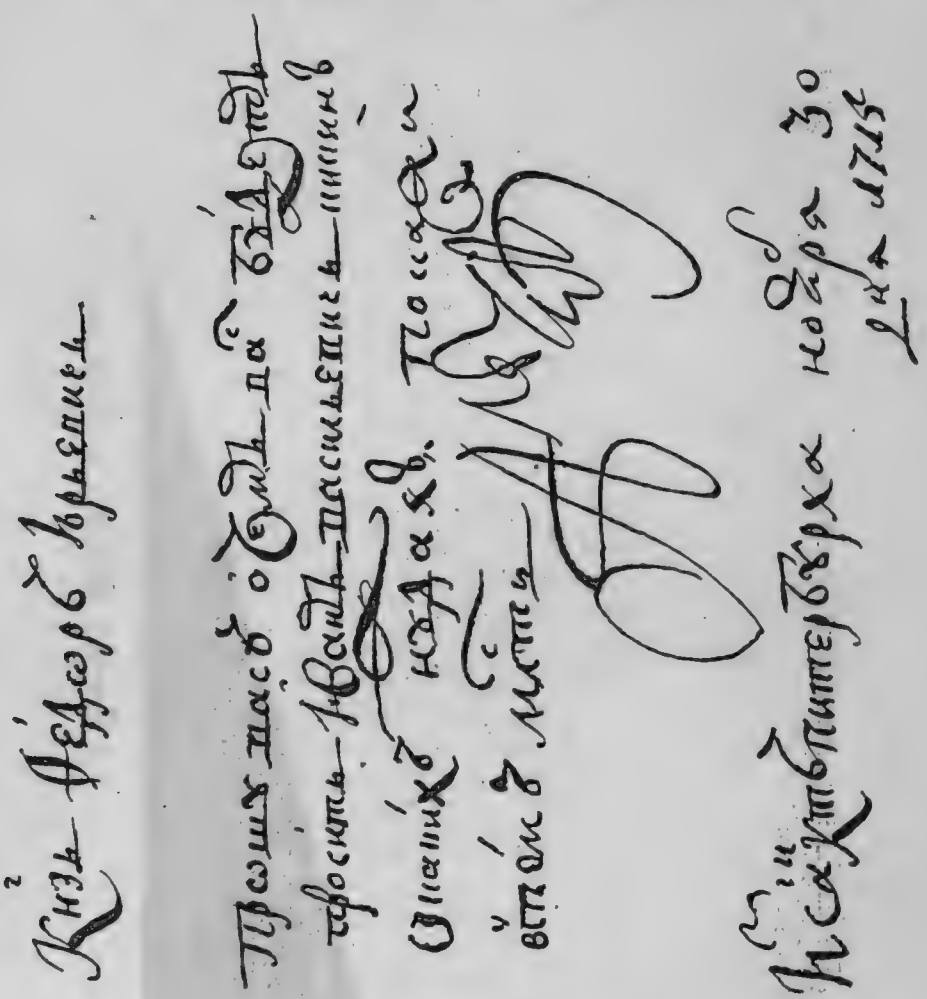
Послѣ новой явки передъ высокимъ собраніемъ, не давшей никакого результата, кромѣ подтвержденія прежнихъ признаній: всегдашняя однообразная исторія съ указаніемъ на связи, поддерживаемыя съ сторонниками стараго режима, на надежды, питаемыя вообще, 19-го іюня царевичъ былъ впервые подвергнутъ пыткѣ. Двадцать пять ударовъ кнутомъ и новое признаніе: Алексѣй желалъ смерти своего отца. Онъ обвинялъ себя въ этомъ передъ своимъ слѣдователемъ и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Богъ тебя проститъ, мы всѣ этого желаемъ». Спрошенный въ свою очередь, Игнатьевъ подтвердилъ это признаніе. Но въ сущности оно было только въ преступныхъ мысляхъ. Но этого мало. Три дня спустя царевичу было предъявлено три вопросныхъ пункта: «Почему онъ не повиновался отцу? Какъ онъ не боялся наказанія, какое его ожидало? Почему онъ разсчитывалъ получить отцовское наслѣдіе неправильными путями?» Съ этого момента Алексѣй потерялъ почву подъ ногами надъ пропастью, куда его влекло. Ему оставалось одно утѣшеніе: покрыть Евфросинію. Полагали, что если ему будетъ дана очная ставка съ нею, то услышатъ, что онъ будетъ упрекать ее за свою любовь, обвинять. Ничуть не бывало; онъ ее любитъ и будетъ любить до самой смерти. Онъ готовъ обвинить всѣхъ и даже самого себя, стараясь только устранить ее изъ дѣла. Она ничего не знала, ничего не дѣлала, она только давала ему добрые совѣты, которымъ онъ имѣлъ несчастіе не слѣдовать. Составленные подъ вліяніемъ этой предвзятой мысли, всѣ его от-

вѣты на допросахъ указываютъ на жалкую агонію его духа. «Я былъ воспитанъ женщинами, научившими меня только лжи, къ которой я имѣлъ впрочемъ естественную склонность. Я не былъ

Заговоръ Дыклера и Соковнина.

прилеженъ къ работѣ, какъ этого требовалъ отъ меня отецъ. Вяземскій и Нарышкинъ съ своей стороны научили меня только бражничать и пьянствовать съ попами и монахами. Одинъ только Меншиковъ училъ меня добру. Такимъ образомъ, малу-по-малу

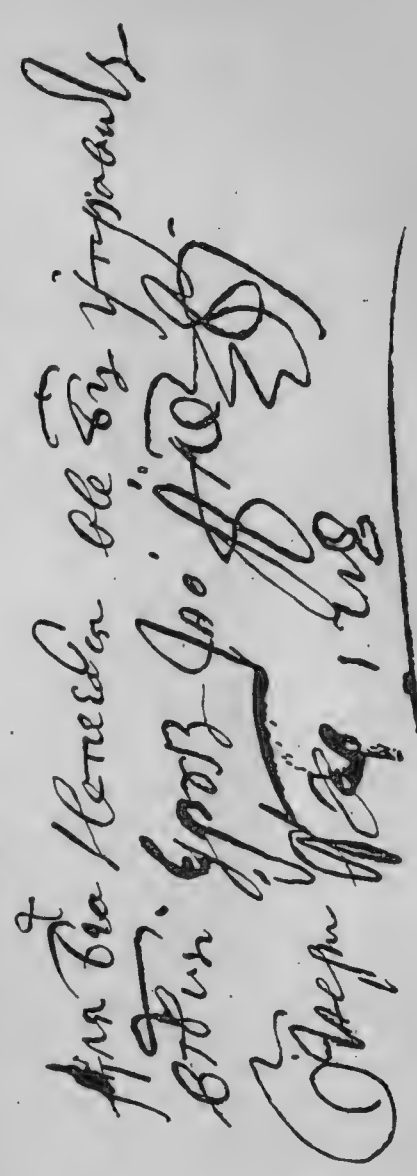
не только окружающіе моего отца, но даже и особа его самого, сдѣлались мнѣ ненавистны, а мое пребываніе заграницей, куда отецъ отправилъ меня за хорошимъ дѣломъ, не было достаточно для моего исправленія. Я не боялся болѣе его справедливаго гнѣва,—это происходило отъ моей дурной натуры. Съ самаго



дѣтства я былъ далекъ отъ правильной дороги и, не желая слѣдовать своему отцу, я старался найти другіе пути».

Толстой, исполнявшій обязанности судебнаго слѣдователя, не удовольствовался этими самобичеваніями. Онъ искалъ чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, факта, за который могло бы ухватиться обвиненіе. Въ силу необходимости онъ кончилъ тѣмъ,

что вырвалъ у несчастнаго признаніе такого рода, что «онъ *принялъ бы* помощь императора, для захвата власти силою оружія». Но могла ли быть ему предложена подобная помощь? Нѣтъ. И слѣдствіе снова вернулось къ началу. Опять вредоносныя намѣренія, преступныя мысли; ни одного дѣйствія! Надо постараться сдвинуть его съ мѣста. 24 іюня новый сеансъ въ комнатѣ пытокъ. Пятнадцать ударовъ. Результатъ: ничего. Обвиняемый имѣлъ надежду на Стефана Яворскаго, мятежнаго архіерея, но никогда съ нимъ даже не разговаривалъ. Другіе указывали ему на него, какъ на симпатизирующаго его дѣлу. На этомъ окончили. Ни кнутъ, ни дыба не ладутъ больше ничего. Нужно было подводить итоги. Каковы-то они будутъ? На этотъ счетъ можно не сомнѣваться. Недопустимо, чтобы работа оказалась въ пустую. Недопустимо, чтобы царевичъ освободился изъ рукъ палача и вышелъ невиннымъ изъ дѣла и изъ тюрьмы и вынесъ наружу на своей спинѣ, исполосованной кровавыми рубцами, жестокое доказательство отцовской несправедливости. Но рѣшился ли Петръ?



Герой былины X вѣка, Василій Буслаевичъ, въ борьбѣ съ новгородцами поднялъ оружіе на своего собственнаго отца. Чтобы удержать его, мать схватила его сзади за полы его одежды, а герой сказалъ ей: «А и хитры вы, старушка! Знали вы, гдѣ схватиться, чтобы умѣрить силу мою великую. Если бы вы схватили меня спереди, то не

пощадилъ бы я васъ, сударыня матушка; убилъ бы я васъ, какъ мужика новгородскаго!» Петръ былъ того же племени, онъ былъ послѣднимъ представителемъ эпическаго цикла ужасныхъ воителей и не было никого позади его, чтобы его остановить. Благодаря ряду хоть и слабыхъ доказательствъ, собранныхъ противъ него, Алексѣй былъ уличенъ-таки въ глазахъ реформатора, какъ враждебная сторона, противъ которой онъ боролся уже въ продолженіе двадцати лѣтъ. Это уже болѣе не сынъ, это противникъ, крамольникъ, мужикъ новгородскій, съ которымъ онъ сошелся лицомъ къ лицу. А потомъ между Москвой и Петербургомъ, вокругъ главнаго обвиняемаго слѣдствіе пролило уже цѣлое море крови. Двадцать шесть женщинъ и столько еще мужчинъ стонали подъ ударами кнутомъ, показывали свои трепещущія тѣла надъ горячими жаровнями. Несчастные слуги, сопровождавшіе Алексѣя за границу, не сомнѣваясь, что они исполняли не что̀ иное, какъ свой долгъ, были биты кнутомъ, подняты на дыбу, сосланы въ Сибирь, «ибо невозможно было бы, гласилъ приговоръ, оставить ихъ жить въ Петербургѣ». Столица въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ была подчинена режиму крайняго террора. Этотъ городъ, писалъ современникъ, кажется доведеннымъ до гибели изъ-за столькихъ обвиненій; здѣсь живутъ какъ среди общей заразы; здѣсь только и есть или обвинитель или обвиняемые». Петръ поддался тоже заразѣ. Кровь, пролитая имъ, доходила ему по-уши.

Верховный судъ, составленный изъ членовъ Сената, министровъ, главныхъ придворныхъ чиновъ, высшихъ начальниковъ гвардіи (духовенство, какъ устранившееся, было оставлено внѣ этого дѣла) былъ созванъ для произнесенія приговора. Сто двадцать семь судей. Всѣ знали, какого вердикта ждутъ отъ нихъ, и ни у одного не хватило духу отказаться отъ подписи подъ рѣшеніемъ, продиктованнымъ властелиномъ. Только одинъ, лейтенантъ гвардіи, отказался подписаться: онъ не умѣлъ писать. Итакъ, процессъ пришелъ къ своему роковому концу. 24 іюня былъ постановленъ приговоръ:—смерть.

Однако, драма не кончилась. Она осложнилась еще однимъ происшествіемъ, самымъ мрачнымъ изъ всѣхъ, одною изъ самыхъ темныхъ загадокъ, которыя когда-либо были въ исторіи. Приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Алексѣй умеръ прежде чѣмъ его отецъ рѣшилъ, дать ли правосудію совершить сіе до конца, или помиловать. Какъ же онъ умеръ?

VII.

Вотъ оффиціальная версія: «Слушая чтеніе приговора, царевичъ былъ пораженъ апоплексіей; придя въ себя, онъ пожелалъ видѣть отца, еще разъ въ его присутствіи сознался въ своихъ проступкахъ, получилъ прощеніе и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ послѣдній вздохъ». Петръ, какъ утверждаютъ документы, исходящіе изъ того же источника, склонялся къ помилованію, но «при этой неизвѣстности и досадномъ безпокойствѣ, всемогущему Богу, котораго святыя рѣшенія всегда справедливы, было угодно по своей всебожественной благости освободить особу государя и все государство отъ всякаго зла и напасти». Впрочемъ, тѣло принца было выставлено въ продолженіе восьми дней «съ дозволеніемъ всѣмъ видѣть его, чтобы каждый могъ судить, что онъ умеръ естественной смертью». Все же естественная смерть принца составляетъ предметъ сомнѣнія. И не только сомнѣніе, но даже категорическое утвержденіе о противоположной развязкѣ, является во всѣхъ другихъ современныхъ версіяхъ по поводу событія. Разногласія существуютъ только относительно характера насильственной смерти. Имперскій посолъ, Плейеръ, хочетъ, чтобы царевичу отрубили голову въ тюрьмѣ, а Шереръ даже доходитъ до указанія палача—это генералъ Вейде. Дѣвица Крамеръ, дочь одного жителя Нарвы, вошла въ легенду, что она будто бы была приглашена для пришиванія головы казненнаго къ туловищу, чтобы уничтожить слѣды убійства, что̀ не помѣшало ей впослѣдствіи сдѣлаться гофмейстериной двора великой княжны Наталіи, дочери убитаго! Штелинъ знаетъ только, что ей было поручено одѣть тѣло принца, какъ будто онъ не можетъ иначе объяснить ея участіе. Но Генрихъ Брюсъ разсказываетъ исторію съ питьемъ, которое генералъ Вейде отправился требовать у дрогиста Беръ, поблѣднѣвшаго при чтеніи рецепта. Въ собраніи анекдотовъ, опубликованныхъ въ Англіи, находятъ также предположеніе о ядѣ, которымъ была пропитана бумага, посланная царевичу съ извѣщеніемъ о приговорѣ. Убѣдительно письмо Алексѣя Румянцева, рукописныя копіи съ котораго циркулировали въ большомъ числѣ. Авторъ разсказываетъ тамъ одному изъ своихъ друзей, Дмитрію Титову, что царевичъ погибъ по приказу царя, задушенный подушками, исполнителями царской воли были Бутурлинъ, Толстой, Ушаковъ и онъ самъ. Но достовѣрность документа была опровергнута (между прочимъ Устряловымъ) и дѣйствительно

спорна. Де-Би и Вильбуа держатся удара ножемъ, который открылъ вены принца; но они ничего не прибавили къ тому, что говорилось. Самыя точныя свѣдѣнія принадлежатъ Лефорту, впослѣдствіи совѣтнику саксонскаго посольства, принятому тогда на службу царемъ, и графу Рабутину, который потомъ замѣнилъ Плейера въ качествѣ посла. Они отличаются другъ отъ друга только второстепенными подробностями. «Въ день смерти принца, разсказываетъ Лефортъ, царь въ 4 часа утра въ сопровожденіи Толстого отправился въ крѣпость въ казематъ, гдѣ была висѣлица и другіе приборы для наказанія кнутомъ. Туда же привели несчастнаго, которому, послѣ того, какъ его подняли, дали нѣсколько ударовъ кнутомъ и, чему я не вѣрю, хотя меня увѣряли въ этомъ, отецъ будто нанесъ первые удары. Въ 10 часовъ утра произвели ту же операцію, а около 4-хъ часовъ онъ почувствовалъ себя столь дурно, что умеръ подъ ударами». Рабутинъ болѣе опредѣленъ, и онъ вводитъ въ дѣло даже Екатерину. Петръ билъ, а «такъ какъ онъ не умѣлъ хорошо обращаться (съ кнутомъ), то онъ нанесъ такой ударъ, что несчастный вдругъ упалъ безъ сознанія, а министры рѣшили, что онъ умеръ». Но Алексѣй былъ только въ обморокѣ, и, увидя, что онъ пришелъ въ себя, Петръ, отходя, сказалъ съ усмѣшкой: «его еще самъ чортъ не возьметъ». Очевидно, онъ думалъ начать снова. Екатерина избавила его отъ этого труда. Узнавши, что принцу лучше, по совѣту Толстого, она послала къ заключенному придворнаго хирурга Гобби, который вскрылъ ему вены. Петръ, увѣдомленный объ этомъ, пошелъ посмотрѣть на трупъ, покачалъ головою, какъ будто онъ сомнѣвался, такъ ли это, но ничего не сказалъ.

Эти указанія имѣютъ достоинство въ ужасномъ совпаденіи съ документомъ безспорной вѣрности: дневникомъ петербургскаго гарнизона, веденнымъ день за днемъ въ крѣпости, гдѣ происходила драма. Тамъ мы читаемъ слѣдующія подробности: «14 іюня была выстроена спеціальная комната пытокъ въ Трубецкомъ бастіонѣ, въ казематѣ сосѣднемъ съ камерой, гдѣ въ этотъ самый день былъ запертъ царевичъ. 19-го въ этой комнатѣ было два сеанса, съ полудня до часу и съ 6-ти часовъ до 9-ти часовъ вечера; на другой день третій сеансъ съ 8-ми часовъ до 11-ти часовъ; 24-го—два сеанса, одинъ съ 10-ти часовъ утра до полудня, другой съ 6-ти часовъ до 10-ти вечера; 26-го еще одинъ сеансъ, въ присутствіи царя, съ 8-ми часовъ утра до 11-ти часовъ, и въ этотъ же день, въ 6 часовъ вечера царевичъ умеръ».

Такимъ образомъ, достовѣрно слѣдующее: даже послѣ осужденія, Алексѣй подвергался пыткамъ изъ-за того, впрочемъ, лишь, что его палачи могли слѣдовать лишь обычнымъ ошибкамъ уголовнаго процесса того времени. Но все-таки, съ одной стороны, допуская это, непонятно, почему Петръ или Екатерина прибѣгали къ другимъ способамъ, чтобы ускорить конецъ своей жертвы: достаточно было кнута; съ другой стороны предположеніе о внезапной смерти отъ неумѣреннаго примѣненія пытокъ пріобрѣтаетъ наибольшую степень вѣроятности. Аналогичные случаи считаются тысячами въ судебныхъ лѣтописяхъ того времени, а извѣстно, что Алексѣй не отличался очень крѣпкимъ сложеніемъ. Уже въ 1714 г., по свидѣтельству Де-Ви, у него былъ родъ апоплексическаго инсульта на правой сторонѣ. Наконецъ, *внезапный* характеръ развязки, съ вѣроятнымъ вмѣшательствомъ какого-либо *насилія*, въ видѣ желѣза, яда, или усиленной пытки, кажется оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія крайне знаменательный случай. Донесеніе, по поводу происшествія Де-Би, перехваченное, какъ и Плейера, стоило его автору громадныхъ непріятностей и даже вызвало довольно враждебное нарушеніе права неприкосновенности его жилища, какъ дипломата. Приведенныя имъ свѣдѣнія составили предметъ спеціальнаго слѣдствія, которое сосредоточилось главнымъ образомъ вокругъ слѣдующаго факта: одинъ плотникъ, по имени де-Болессъ, зять акушерки голландки, Маріи ванъ-Гуссе, работалъ въ крѣпости во время заключенія царевича. Кушанья, подаваемыя царевичу, готовились въ его домѣ. На другой день послѣ смерти Алексѣя, жена плотника разсказала своей матери, которая повторила это женѣ посла, что наканунѣ въ полдень столъ царевича былъ еще накрытъ, какъ обыкновенно. Она видѣла блюда, которыя возвращались нетронутыми. Она не придавала никакого значенія этой подробности; слѣдствіе придало ему большое и существенное значеніе. Но допрошенныя, вѣроятно съ примѣненіемъ пытокъ, обѣ бѣдныя женщины могли только подтвердить свои слова при нѣкоторомъ замѣшательствѣ, а такъ какъ онѣ въ концѣ концовъ получили свободу, то достовѣрность этого должна быть поставлена внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, если за нѣсколько часовъ передъ смертью Алексѣй былъ въ состояніи ѣсть, то, слѣдовательно, его смерть была насильственной.

Я перехожу къ многочисленнымъ легендамъ, которыя тоже сказали свое слово въ этой ужасной драмѣ. Между крестьянами

долгое время сохранялась увѣренность, что царевичъ живъ, чудеснымъ образомъ спасшись изъ рукъ палачей.

Даже въ 1723 году въ Псковѣ былъ лже-Алексѣй, а другой въ 1738 году въ Ярославцѣ. Но въ сущности я былъ бы склоненъ съ точки зрѣнія исторіи придавать небольшое значеніе реальной основѣ фактовъ, сопровождавшихъ смерть несчастнаго принца. Нравственно Петръ во всякомъ случаѣ остается отвѣтственнымъ за это. Въ этомъ процессѣ, гдѣ одни только намѣренія были поставлены въ вину, его желаніе несомнѣнно: онъ хотѣлъ во что бы то ни стало устранить сына, а эта несчастная черта отмѣчаетъ его обликъ передъ потомствомъ. Его поведеніе послѣ происшествія было таково, что отбиваетъ всякую охоту къ восхваленію. Въ дневникѣ петербургскаго гарнизона, въ частномъ дневникѣ Меншикова, я нахожу въ программѣ, которую онъ выполнялъ въ первые дни, слѣдовавшіе за печальной развязкой, обстоятельства, бросающія въ ознобъ:

«27 іюня (на другой день послѣ смерти царевича): обѣдня и молебенъ по случаю годовщины битвы подъ Полтавой; пушечная пальба въ присутствіи Его Величества... Въ девять часовъ вечера тѣло царевича перенесено изъ Трубецкого бастіона въ губернаторскій домъ.

28 іюня. Въ 10 ч. утра перенесеніе тѣла царевича въ церковь Троицы, гдѣ оно было выставлено.

29 іюня. Именины Его Величества. Спускъ въ Адмиралтействѣ вновь устроеннаго корабля, *Лиска*, построеннаго по плану Его Величества. Его Величество присутствовали на церемоніи со всѣми министрами. *Были тамъ очень веселы*».

Въ своихъ депешахъ отъ 4 и 8 іюля Плейеръ также говоритъ объ одномъ обѣдѣ, въ Лѣтнемъ Дворцѣ, данномъ по тому же случаю, о ночномъ празднествѣ и объ артиллерійскомъ ученьѣ. Спрошенный членами дипломатическаго корпуса по поводу ношенія траура, канцлеръ далъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ принцъ умеръ преступникомъ. А имперскій посолъ утверждаетъ, что если еще Екатерина и показывала какую-нибудь печаль во время этихъ кощунственныхъ празднествъ, то Петръ казался всегда очень веселымъ. Эта высшая несправедливость не пощадила даже печальную судьбу сына Евдокіи, жертвы несчастія, а потому понятно, что искусство и поэзія получили неисчерпаемый источникъ для печальнаго вдохновенія. Очень интересный этюдъ Костомарова сопровождался воспроизведеніемъ картины одного русскаго художника, француза по

происхожденію (Ге): *Петръ бросаетъ въ глаза сыну признанія Евфросиніи.*

Что сталось съ нею? Она получила, какъ говорятъ, плату за выдачу. Она присутствовала при описи имущества царевича и получила изъ него значительную часть. По донесенію Плейера, царь и царица оказывали ей большое благоволеніе, и, какъ полагаютъ другіе современники, она вышла замужъ за офицера петербургскаго гарнизона, съ которымъ она еще прожила тридцать лѣтъ въ счастіи и довольствѣ.

А Петръ сохранилъ свое хорошее настроеніе. Мѣсяцъ спустя послѣ катастрофы, 1-го августа 1718 года, въ письмѣ къ женѣ изъ Ревеля, наряду съ веселымъ тономъ и видимымъ удовольствіемъ, которое у него является при воспоминаніи, онъ высказываетъ неудовольствіе по поводу открытія къ винѣ того, кого уже болѣе нѣтъ въ живыхъ, фактовъ еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ все, что было раньше обнаружено. Алексѣй искалъ сношеній съ Карломъ XII. Въ концѣ года по приказу государя была выбита медаль, гдѣ была изображена царская корона, поднятая на небеса и освѣщенная лучами солнца, пронизывающими облака. Внизу слѣдующая надпись: «*Горизонтъ прояснился*».

Да, Петръ прояснилъ свой горизонтъ при помощи молніеносныхъ ударовъ; онъ обезглавилъ гидру оппозиціи; онъ согнулъ духъ своихъ подданныхъ при помощи террора, еще болѣе жестокаго, чѣмъ въ дѣлѣ *стрѣльцовъ*, и свободно опять взялъ свой курсъ. Хотя печальный процессъ не отвлекалъ его даже отъ привычныхъ занятій, и даже отъ удовольствій, однако, въ этомъ отношеніи произошелъ небольшой перерывъ: съ 21 апрѣля по 21 іюня было опубликовано только 21 указъ и ни одного съ 9 по 25 мая, тогда какъ обыкновенно это опубликованіе было почти ежедневное. Теперь онъ удвоилъ дозу. Можно заняться изданіемъ законовъ: есть вѣроятность, что имъ будутъ лучше повиноваться, чѣмъ раньше!

Но онъ возмутилъ общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ внѣ своей страны; и ему не удалось ввести его въ заблужденіе, вопреки необычайной пышности офиціальныхъ восхваленій: манифестовъ, «вѣрныхъ и точныхъ донесеній» и статей щедро подкупленныхъ газетъ. Сорокъ лѣтъ спустя, онъ еще повергалъ въ смущеніе совѣсть по крайней мѣрѣ добросовѣстныхъ европейскихъ публицистовъ. Вольтеръ пишетъ конфиденціально Даламберу: «Меня смущаетъ царь Петръ, я не знаю, какъ мнѣ быть съ его сыномъ, я вовсе не нахожу, что

какой-нибудь принцъ достоинъ смерти за то, что онъ путешествовалъ въ то время, когда его отецъ тоже разъѣзжалъ, и что онъ любилъ дѣвку, когда его отецъ получилъ гоноррею». Менѣе ясный съ графомъ Шуваловымъ, онъ взялся опровергать Ламберти при помощи нѣкоторыхъ благопріятныхъ документовъ, замѣнивъ ихъ другими, менѣе благопріятными; однако, онъ заявилъ, что не можетъ принять сторону противъ Алексѣя, изъ опасенія прослыть историкомъ «трусливо-партійнымъ», и въ пылу полемики, онъ написалъ сильную защитительную рѣчь:

«Черезъ четыре мѣсяца судебнаго слѣдствія несчастнаго принца принуждаютъ написать, что если бы были мятежныя силы, которыя могли бы подняться и позвать его, онъ бы рѣшился на нихъ положиться. Кто же, когда смотрѣлъ на подобное заявленіе, какъ на нѣчто дѣйствительное, какъ на вещь, достойную процесса? Кто же когда судилъ за мысли, предположенія, за воображеніе себѣ случая, котораго не было на самомъ дѣлѣ? Гдѣ же эти мятежники? Кто же поднялъ оружіе? Кто же предлагалъ этому принцу когда-нибудь положиться на мятежниковъ? Кому онъ объ этомъ говорилъ? Съ кѣмъ онъ сговаривался насчетъ такого важнаго дѣла?.. Не будемъ дѣлать иллюзій! Я предлагаю отдать эту исторію на судъ Европы. Будьте увѣрены, милостивый государь, что въ Европѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы думалъ, что царевичъ умеръ естественною смертью. Когда слышатъ, что говорятъ, какъ принцъ 23-хъ лѣтъ отъ роду умеръ отъ апоплексіи при чтеніи приговора, который, какъ онъ долженъ былъ надѣяться, не будетъ приведенъ въ исполненіе, то пожимаютъ плечами. Потому-то такъ тщательно позаботились о томъ, чтобы изъ Петербурга не дошло до меня ни одной записки объ этомъ роковомъ событіи».

Несчастный Алексѣй послѣ своей смерти нашелъ себѣ самаго краснорѣчиваго адвоката, а Петръ грознаго обвинителя. Чтеніе *Исторіи Россіи* къ несчастью доказываетъ, что графъ Шуваловъ въ концѣ концовъ открылъ въ другомъ мѣстѣ, конечно, что въ архивахъ С.-Петербурга есть доказательства, способныя поколебать убѣжденія защитника и заставить его перемѣнить взглядъ. Но рѣчь защитника и обвинительный актъ остаются; они будутъ вѣчнымъ, лицомъ къ лицу съ процессомъ, выраженіемъ общественной совѣсти, а Петръ вѣчно будетъ нести ихъ тяжесть.

Я охотно соглашаюсь, что она ему по плечу и онъ не согнется подъ ношей.

Онъ убилъ своего сына. Въ этомъ не можетъ быть никакого оправданія. Я уже отвергъ и отвергаю еще разъ доводы политической необходимости, приводимые защитой. На это есть одинъ отвѣтъ: не желая видѣть этого сына своимъ наслѣдникомъ, кому же Петръ оставилъ свое наслѣдство? Неизвѣстному. Екатерина нашла его среди придворныхъ интригъ. Въ продолженіе полувѣка Россія будетъ предоставлена приключеніямъ и ихъ героямъ. Вотъ ради какого результата великій человѣкъ работалъ съ своими палачами. Но онъ былъ великъ и сдѣлалъ Россію очень великой. Въ этомъ его единственное извиненіе.

Стран.

Отъ редакціи 5
Кремль и нѣмецкая слобода 7
Царевна Софья 26
Троицкій монастырь 49
Человѣкъ 59
Женщины 101
Царевичъ Алексѣй Петровичъ 124

МОСКВА.— 1908.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.